

**СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА**

---

**МАНИПУЛЯЦИЯ  
СОЗНАНИЕМ**



Издательский центр  
Новосибирского отделения  
Всемирного Русского Народного Собора  
Новосибирск  
2007

ББК  
63.3 (2)  
К-88

Руководитель проекта  
***П.Я. Добрынин***

Составитель  
***В.В. Тяботин***

Координатор проекта  
***Н.А. Александров***

Главный редактор  
***А.Ф. Косенков***

**Кара-Мурза С.**

**К** «Манипуляция сознанием». — Новосибирск: Издательский центр Новосибирского отделения Всемирного Русского Народного Собора. — 2007. — 176 с.

**ISBN 5—8402—0237—1**

© Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»

---

## ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — не руководство по манипулированию сознанием и не наставление по защите от манипуляции («самообороне без оружия»). Главная ее цель — дать материал для того, чтобы каждый мог задуматься над выбором, перед которым сегодня стоит наша страна. Это — выбор не президента или Госдумы, а жизнеустройства (*типа цивилизации*).

Нынешнее время называют «переходным периодом». В этом большой смысл. Переход — между чем и чем? Сегодня мы застряли между двумя разными типами жизнеустройства, и нас толкают к тому берегу, где главным средством господства станет **манипуляция сознанием**. Это лишь один из множества элементов, определяющих образ жизни, но исключительно важный. Что-то узнав о нем, мы лучше поймем и целое.

У нас богатый опыт — в течение последних двадцати лет мы сами были объектом большой кампании по манипуляции сознанием, благодаря чему и удалось произвести *революцию* — смену общественного строя. Наблюдения дают нам достаточно материала, чтобы дополнить им книжные рассуждения.

Эта кампания была очень эффективна. Так, всего за два года (с 1989 по 1991 гг.) рабочим сумели внушить мысль, что приватизация предприятий и безработица — в их интересах. Это — великое достижение манипуляторов, если учесть, что за эти два года рабочие не получили никакого положительного опыта, который мог бы убедить их в благотворности приватизации и безработицы, и не могли получить никаких логических доводов или хотя бы доводов от здравого смысла. Поворот в их сознании достигнут *внушением*.

Если считать, что мы — *народ* (то есть, связанная общей культурой общность с коллективной памятью), то надо признать, что тут наша народная мудрость дала осечку. Произошел сбой в общественном сознании, и мы переживаем не только экономический, но и *культурный* кризис. Преодоление его возможно лишь в том случае, если мы вновь обретем культурную идентичность и восстановим присутствие нашей культуре координаты для ориентации в вопросах Добра и Зла.

Для этого нужно понимание тех методов, которыми воздействовали на наше сознание. Они называются скучным термином **манипуляция сознанием**. В ходе ее подготовки и выполнения программы манипуляции в СССР сделано много открытий, накоплено новое важное знание о человеке и обществе, о языке и экономике. Мир изменился не только из-за краха СССР. Сама манипуляция сознанием множества народов Земли изменила облик мира и затронула каждого жителя планеты, особенно читателя и телезрителя.

Пресса полна заявлениями о возможности полного контроля над поведением человека. А множество тех, кто стал жертвами манипуляции, впали в уныние и уверовали в какое-то тайное оружие спецслужб, в психотропные средства, которыми политики «зомбируют» людей. Вера в мистическую силу манипуляторов парализует волю, и «создание» этой веры (путем слухов, статей, «обличений» и «признаний») — само по себе есть средство манипуляции.

Люди, независимо от их идеологии, делятся на два типа. Одни считают, что, в принципе, человек — это большой ребенок, и манипуляция его сознанием («ради его собственного блага») мудрыми правителями — предпочтительное, «прогрессивное» средство. Другие считают, что свобода воли человека, предполагающая обладание незамутненным разумом и позволяющая делать ответственный выбор (пусть и ошибочный) — огромная ценность. Эта категория людей отвергает манипуляцию.

Обе позиции определяются идеалами, а спорить об идеалах бесполезно. Разумно можно рассуждать лишь о том, какие последствия для общества и личности повлечет за собой диктат той или иной идеальной позиции. Поэтому в книге, которая предлагается читателю как канва для его размышлений, мы постараемся избежать оценки идеалов. Будем говорить о делах. Но и скрывать установки своей совести бесполезно и даже вредно — ведь эти дела затрагивают жизнь людей.

Поэтому предупреждаю, что книга написана с позиций неприятия манипуляции сознанием. Я уверен, что на этом пути человека ждет беда — истощение культуры и угасание всего рода человеческого, включая касту жрецов, сидящих у пульта манипулирующей машины.

Но это — в туманной дали, а мы поговорим о вещах явных и осязаемых, о той технологии манипуляции сознанием, которая сложилась в наше время и которая была применена и применяется против обычных граждан во множестве стран.

I.

**Сущность  
и доктрины  
манипуляции  
сознанием**

## Глава 1.

### О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ

*Только боги и звери могут жить вне общества*, сказал Аристотель. Индивид — это абстракция, которая возникла в XVII веке. Само латинское слово *ин-дивид* есть перевод греческого слова *а-том*, что по-русски означает *неделимый*. На деле человек возникает и существует только вместе с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными, не становится красавцем Маугли. Он — не человек и выжить не может.

Человек — не просто социальное существо, которое может существовать, только обмениваясь информацией с себе подобными. Он обладает *разумом* и *языком*. Это большие сложные системы, воздействуя на которые можно программировать *поведение*. Человек обладает *воображением* и живет одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» — в действительной и в воображаемой. Воображаемый мир тоже определяет поведение человека. Но он зыбок и податлив, на него можно воздействовать извне. Человек живет не только в природном мире, но и в *ноосфере* — мире, созданном сознательной деятельностью людей, в искусственном мире *культуры*.

На поведение человека можно влиять и воздействуя на его *биологические* структуры, например, вживив электроды в мозг или на расстоянии — с помощью физических полей или химических средств. Применяют и грубое *хирургическое* вмешательство — в США широко использовалось лоботомирование, хирургическое удаление участков лобной части головного мозга, после чего человек утрачивает мятежный дух и всем

доволен. Еще недавно в ряде стран были евнухи — кастрированные мужчины в некоторых вопросах также ведут себя спокойно и предсказуемо.

В этой книге мы не будем обсуждать ни электроды, ни лоботомирование, ни психотропные лучи. Все это, по нашим меркам, преступное вмешательство в организм и, надо надеяться, пока что открыто использоваться не будет. А если и будет, то рано или поздно преступников настигнет возмездие. История дает основания для оптимизма. Хотя, конечно, бдительность необходима. Ведь элита хотела бы иметь население, которое ведет себя именно так, как выгодно, удобно и приятно именно ей, элите.

Наш предмет — простая и реально существующая вещь — **манипуляция сознанием человека** с помощью законных средств. Возможность манипуляции основана на том, что заложенная в нас *биологически* программа поведения дополняется программой, записанной в знаках *культуры*. И на эту вторую программу можно влиять *средствами культуры*. Наше поведение *всегда* находится под воздействием других людей. Какой же вид воздействия мы определим как **манипуляцию**? Вот несколько признаков.

Манипуляция побуждает нас делать поступки, из-за которых мы оказываемся в *проигрыше*, а манипулятор — в выигрыше. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет. С другой стороны, если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Деньги и часы, быстро», то ваше поведение эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором было бы неверно.

Вот второй признак: манипуляция — *ловкое* обращение с людьми как с объектами, вещами (раньше манипуляторами называли фокусников). Это *скрытое* управление поведением (третий признак). Для достижения успеха оно должно быть незаметным, а манипулируемый должен верить, что все происходящее «естественно» и даже выгодно ему самому. Если попытка манипуляции разоблачена, акция обычно свертывается. Соккрытие, утаивание информации — обязательный при-

знак, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя игру в искренность, когда манипулятор рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу.

В социологии манипуляцию определяют как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, *«не раскрывая характер поведения, которого он от них ожидает»*. Манипуляция — это программирование *мнений и устремлений* людей, их *настроений* и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно манипуляторам. Это вид *духовного*, психологического воздействия, а не физическое *насилие* или угроза насилия. Мишенью манипулятора являются духовные структуры человеческой личности.

Манипуляция требует *мастерства и знаний*. Есть, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, которые действуют доморощенными средствами. Но размах у них невелик — в семье, бригаде, роте или банде. Если же речь идет о политике, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты. Есть профессиональные работники, владеющие этой технологией, система подготовки кадров, научные учреждения и литература. Нобелевской премии в явном виде тут пока что не учредили (хотя некоторые лауреаты Нобелевской премии мира или по литературе должны были бы идти по этому разряду).

Манипуляция — это часть *технологии власти*, а не воздействие на поведение друга или партнера. Влюбленная женщина может вести тонкую игру, воздействуя на психику мужчины, чтобы разбудить ответные чувства. Если она умна и терпелива, то проводит свои маневры скрытно, и ее намерения «жертва» не обнаруживает. Это — *ритуал*, в разных культурах разный. Если речь идет об искренней любви, мы не назовем это манипуляцией. Иное дело — если хитрая бабенка решила окрутить простофилю.

Не назовем манипуляцией и *этикет* — воздействие на поведение с помощью иносказаний и знаков. Если человек понимает знак, то смысл ему ясен и намерения другого секрета не составляют. Здесь не скрываются ни факт воздействия, ни цель. Если англичанин спрашивает знакомого анг-



личанина: «How do You do?», тот отвечает тем же вопросом, и они переходят к делу. А русский, как шутят англичане, в ответ на этот вопрос-приветствие начинает рассказывать, что у него жена заболела и сын, паршивец, стал плохо учиться.

Вообще, простой обман сам по себе манипуляцией еще не является, хотя и служит одним из ее *частных* приемов. Если кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем на Пинск — это лишь обман. А вот если тот, собиравшийся идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск, то это манипуляция. Она заставляет человека *хотеть* сделать то, что нужно манипулятору.

Тут есть неприятная сторона — жертва манипуляции выступает как ее соавтор, соучастник. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он устоит. Манипуляция — это *соблазн*. Каждому дана свобода духа и воли. А значит, и ответственность — не впасть в соблазн. Один из признаков программы манипуляции состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам — они как будто желают быть одуроченными.

Если есть признаки того, что реальный смысл слов и действий скрыт, их нельзя принимать за чистую монету. Нужна их *интерпретация*, толкование. Мы должны сразу принять, что явный смысл слов и действий есть лишь *одна из возможных версий*. К любым словам и делам политиков и их идеологов надо подходить, как следовательно, выслушивающий объяснение подозреваемого. Мы не отбрасываем возможности того, что эта версия истинна, но и не принимаем ее сразу за истину. Мы хотим *установить* истину.

В большинстве случаев люди не желают тратить ни сил, ни времени на то, чтобы просто *усомниться*. Пассивно окупаться в поток информации легче, чем критически обдумать каждый сигнал. На это никаких сил не хватит, если не овладеть, до автоматизма, некоторым набором «умственных инструментов», которые как бы сами собой, без усилий сознания и воли, анализировали бы информацию по одному признаку: есть ли в ней *симптомы* манипуляции. Так опытный шофер может работать целый день не уставая, потому что его руки и ноги действуют автоматически. Он не думает: «Что я буду

делать, если тот малахольный тип, что покачивается на тротуаре, вдруг шагнет на проезжую часть?» Если будет надо, у такого шофера и руль будет повернут, и тормоз нажат без работы мозга.

Так и поднаторевший в анализе человек сразу замечает сообщения, из которых «уши торчат». У него развито чувство меры, ведь скрытый смысл есть во всех словах и надо выделить те, которые превышают порог «нюха на манипуляцию». Так глаз умелого шофера сразу отмечает даже в толпе малахольных типов, которые могут шагнуть под колеса. А остальных его глаз не фиксирует — они «ниже» порога раздражения.

Но одно дело — засечь сообщение, из которого торчит слишком много «лапши», чтобы навесить вам на уши. Другое дело — быстро выстроить версии истинного замысла того повара, что эту лапшу готовил. Вторая задача сложнее, ей приходится посвящать много сил и времени. Для жизни этого не требуется. Достаточно решить первую задачу — почуять подвох и просто *не верить* таким сообщениям, не пытаюсь разгадать их смысл. Если на вас бежит собака с мутными глазами, а изо рта течет пена, то надо посторониться. Решить, какие у нее в слюне микробы, непросто. Это можно оставить профессионалам и любителям, а вот посторониться важно каждому.

Когда пресс-секретарь ФСБ заявляет с окраины захваченного боевиками села Первомайского, что все заложники убиты и можно начинать бомбардировку села, непросто понять, что за этим кроется. Ведь назавтра оказывается, что ни одного заложника не убито, зато все до одного боевики вышли из окружения («босиком»). Каков смысл этой легенды и этих действий? Голову сломаешь догадаться, но признаков манипуляции достаточно.

Но если уж надо докопаться, то есть наука о толковании, *герменевтика* (от греческого *разъясняю*). Эта наука и возникла уже в эпоху эллинизма для изучения и толкования старых текстов (например, Гомера). В Средние века главным предметом герменевтики стало Священное писание. Европа наполнилась богословами, которые вели нескончаемые диспуты и порождали еретические толкования. В эпоху Воз-

рождения герменевтика стала методом зарождающихся «общественных наук». Ее применял Макиавелли, заложивший основы нового учения о государстве. Он первым понял, что власть держится *на силе и согласии* («макиавеллиевский кентавр»). Значит, «Государь» должен непрерывно вести работу по завоеванию и удержанию согласия подданных. Поэтому манипуляцию вплоть до недавнего времени обозначали словом *макиавеллианизм*. Макиавелли предвосхитил якобинцев, которые в Великой французской революции осуществили грандиозную манипуляцию массовым сознанием.

Макиавелли сказал важную вещь: слова политиков **всегда** нуждаются в истолковании. Он признался в одном письме: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

В XIX веке герменевтика расширила круг объектов и стала учить «вживаться» в текст так, чтобы «понять его смысл лучше, чем сам его автор». Философы предупредили нас, что и гуманитарное знание (которое у нас по ошибке иногда называют *научным*) нуждается в истолковании, так как главное в нем вырастает из недосказанного. Герменевтику используют в «археологии знания» — поиске истинных смыслов тех главных *понятий*, которые лежат в основе цивилизации Запада (например, индивид, свобода, деньги, недвижимое имущество, преступность и т.д.). Эта «археология» раскапывает совершенно поразительные, неведомые нам смыслы и позволяет понять, в чем заключается различие России и Запада как двух цивилизаций. Нужна герменевтика и для толкования *идеологии*, главного средства господства в современном мире. Созданная как замена религии в атеистическом обществе, идеология для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы.

Слово (и текст) — лишь частное выражение более широкого понятия, *знака*. Платье, поза, жест бывают красноречивее слов, это «невербальные тексты». Язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, а самые полные словари английского языка не более 600 тысяч слов. А ведь помимо жестов есть множество других знаковых систем.

В принципе мы всегда должны интерпретировать любое сообщение, в какой бы знаковой системе оно ни было «упаковано». Даже при толковании прозрачных и общепринятых знаков бывают досадные ошибки. Как горевала на базаре торговка, у которой вор вытащил спрятанный на груди кошелек! Она, видишь ли, думала, что он полез «с добрыми намерениями». А теперь плачет, как русский народ после приватизации общенародной собственности. Так что в общем случае герменевтикой можно считать всякую науку, занятую «выявлением скрытого смысла в смысле очевидном».

Мы говорим о манипуляции сознанием. Каковы главные знаковые системы, к которым приложимы инструменты герменевтики? Первым делом, вербальные тексты — сообщения, «упакованные» в *словах* (печатные тексты, речи, радио- и телепередачи). Сюда же относятся другие элементы текста — промежутки между словами, *паузы*. У политиков, манипулирующих сознанием, главное часто заключено в *умолчании*, а слова — это отвлекающая «стрельба».

Очень важны смыслы, скрытые в *образах* (картины, фотографии, кино, театр и т.д.). Сильнее всего действуют *комбинации* знаковых систем — можно достичь огромного *синергического* (кооперативного) эффекта просто за счет соединения «языков», о чем мы поговорим ниже.

Истолкованию должны подвергаться *действия*. Если опытный политик в важной зарубежной поездке выходит из самолета и на виду у всей высокопоставленной публики, которая встречает его с цветами, мочится на колесо шасси — как это понимать? Когда мы про это узнали, нам подсовывался простой смысл. Ах он, такой-сякой, хам некультурный, не мог дотерпеть до туалета! Но этот смысл на самом деле «смысла не имеет». В таких поездках целая куча режиссеров продумывает каждый жест. Тот жест Ельцина — это целый ритуал (надо признать, что новаторский), который несет в себе несколько слоев скрытых смыслов. И всякий человек, который не увидел здесь холодного расчета, подпал под обаяние этого ритуала, как бы он им ни возмутился. Во дает! Знай наших!

В жестах выражают себя разные ипостаси, разные «маски» человека. Общение людей — театр, а иногда карнавал этих масок, «персон». Вспомним, кстати, что латинское слово *персона* происходит от названия маски в античном театре и буквально означает «то, через что проходит звук» (*per* — через, *sonus* — звук).

Вообще, действия, тем более необычные, можно уподобить текстам, написанным, с недомолвками и иносказаниями, на не вполне понятном языке. Здесь, по словам философа, «как и в сфере письма, то одерживает победу возможность быть прочитанными, то верх берет неясность и даже стремление все запутать».

Очень трудно правильно понять смысл сообщений, облеченных в слова и действия людей иной культуры. Писатель Курт Воннегут в одном из своих романов-притч пишет: «Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвращать войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоит из пуканья и отбивания чечетки. Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как увидел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозящей им всем. И хозяин дома клюшкой от гольфа вышиб Зогу мозги».

Язык жестов — большое искусство. Вот — поцелуй. Кажется, куда как естественный жест. Разве не наше естество к нему побуждает? Но нет, это тоже — особенность определенной культуры. Японцам европейский поцелуй был неведом, а когда узнали, то долго был противен. Потом ничего, привыкли и даже вошли во вкус.

Вообще, в приложении к человеку слово *естественный* («природный», «заложенный в генах» и т.п.) — в большинстве случаев не более чем метафора. Ее часто используют политики, чтобы придать видимость бесспорной, вытекающей из «законов природы» правоты своих утверждений. На деле человек — существо очень пластичное, и усвоенные им нормы культуры так входят в его «естество», что начинают казаться чем-то присущим человеку от природы — и он свои

сугубо культурные особенности начинает искренне считать «общечеловеческими», единственно правильными.

На чем же основано толкование текстов или событий? На том, что они встраиваются в их *контекст*. Уже текст, от латинского слова «ткань», «связь» (отсюда *текстура*) есть общность мыслей и слов, сцепленная множеством связей, часть из которых скрыта, невидима. А контекст — гораздо более широкая общность, в которую вплетен текст, и вплетен связями уже *в основном* скрытыми. Уровень нашего понимания текста зависит от того, как глубоко и широко мы смогли эти связи уловить и увидеть в тексте это невидимое обрамление.

Шедевром становится тот текст, который поднимает главные вопросы бытия и потому может «встраиваться» в разные контексты места и времени. Действие трагедий Шекспира можно без науги перенести в средневековую Японию или в современную Россию — мы увязываем его смыслы с контекстом любой цивилизации. Гоголь сегодня читается как пророк и учитель русского человека, а кто будет читать плодovitого Боборыкина? Почти никто — потому, что Боборыкин писал вещи, связанные простыми и явными связями с контекстом только своего места и времени.

Толкование — это восстановление неявных или специально скрытых связей сообщения с контекстом. Успех этого дела определяется знанием, волей и творчеством читателя. Знания надо приобрести, умение выработать. Мы на фотографии сразу узнаем людей и даже представляем их образ «как живой». А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию, ничего на ней не видит — он *не обучен* воспринимать эти образы.

Когда мы смотрим на пейзаж хорошего художника, мы так живо воспроизводим в нашем воображении картину, что кажется, будто художник выписал все детали, каждый листочек на дереве. Но ведь это невозможно. Листочков он выписал очень мало, и они непропорционально велики. Если бы художник изобразил детали точно, мы бы просто не узнали образа. Он, зная законы восприятия, только *намекнул* нам, дал знак, а картину мы создали (с помощью его умелых знаков) в нашем воображении. Мы — соавторы картины.

Цель манипулятора — дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив их в контекст, *изменили* образ этого контекста в нашем восприятии. Он *подсказывает* нам такие связи текста с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление было искажено в желательном для манипулятора направлении. Это повлияет на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем по собственному желанию.

А наша задача — воссоздать в уме *реальный* контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Полно воссоздать действительность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика как раз и дает полезные указания. Например, важны *интересы* тех, кто посылает сообщение. Еще древние римляне открыли важный принцип герменевтики — «ищи, кому выгодно».

Это психологически трудно. Власть имущие и денежные мешки имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. Они нас очаровывают, и мы забываем про герменевтику.

Люди подходят по-разному. Одни стараются восстановить логику автора сообщения, и если они находят в ней изъяны, и в сообщении «концы с концами не вяжутся», здесь они и начинают копать. Другие принимают вывод сообщения как *одну из нескольких возможных* версий, и выдвигают свои версии. Они «конструируют разные контексты».

На практике оба подхода применяются в комбинации. Вот важное указание герменевтики: «Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации». Только анализируя *разные* версии можно приблизиться в истине.

К несчастью, очень часто мы испытываем сужение сознания: получив сообщение, мы сразу же, с абсолютной уверенностью принимаем для себя одно-единственное его толкование. И оно служит для нас руководством к действию. Обычно это происходит потому, что мы из «экономии мышления»

следуем *стереотипам* — привычным штампам, понятиям, укоренившимся предрассудкам. Неважно даже, верим ли мы лживому сообщению или выстраиваем собственную ложную его интерпретацию. В обоих случаях наше поведение *неадекватно* реальности, и нас ждет неудача.

Тот, кто хочет построить защиту против попыток манипуляции его сознанием, должен преодолеть косность ума, научиться строить в уме *варианты* объяснения. Спаситься от манипуляции с помощью догматизма и упрямства, просто «упершись», невозможно. Можно лишь продержаться какое-то время, пока к тебе не подберут отмычку. Или не обойдут как не представляющее опасности препятствие (как обошли идеологи рыночной реформы крестьян, не пытаясь их соблазнить демократией и не тратя сил и денег на разработку специальных технологий и языка для манипуляции сознанием именно крестьян).

Манипуляция — это *технология*, которую используют по долгу службы и за небольшую зарплату сотни тысяч специалистов, независимо от их личной морали, идеологии и вкусов. Эта технология проникает в каждый дом и от нее человек в принципе не может укрыться. Но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать личные и коллективные «средства защиты». Если такое знание станет доступным для большого числа людей, то будут возможны и совместные действия по защите против манипуляции.

Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инструменты и приемы. Но это уже будет борьба, а не подавление безоружного населения. И это будет борьба ничтожного меньшинства против массы мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет важным поворотом в судьбе нашего общества.

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном опыте. В этой книге мы выберем полезные для нас идеи и сведения из разных источников знания и применим их, как в практикуме, для анализа тех слов и дел, которые нам приходится слышать, видеть и терпеть в реальной жизни.



**Глава 2.****ДЕМОКРАТИЯ, ТОТАЛИТАРИЗМ  
И МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ**

Манипуляция сознанием как средство власти возникает только в *гражданском* обществе с *представительной* демократией. Это «демократия западного типа», которая сегодня ошибочно принимается как просто *демократия* — антипод тоталитаризму. На самом деле видов демократии множество (рабовладельческая, вечевая, военная, прямая, вайнахская и т.д.).

В западной демократии граждане — индивиды, наделенные равными частицами власти в виде «голоса». Частица власти осуществляется на выборах, равенство выражается принципом «один человек — один голос». Никто не отнимает у индивидов их частицы власти — ни коллектив, ни царь, ни вождь, ни мудрец, ни партия.

Но «равенство перед Законом не означает равенства перед фактом». Это разъяснили уже якобинцы, отправив на гильотину тех, кто требовал экономического равенства на основании того, что, мол, «свобода, равенство и братство». Перед фактом политически равные граждане не равны, и это необходимо — страх перед бедными сплачивает гражданское общество. На этом держится конструкция «общества двух третей».

*Две трети* — это «средний класс», сплоченный зрелищем бедности тех, кто оттеснен на обочину жизни. Голоса *трети* граждан, недовольных таким порядком, «омертвляются» — множеством способов их побуждают не участвовать в выборах. В последнее время Запад сдвигается к «обществу двух половин» — в выборах не участвует половина граждан. В РФ выборы считались действительными, если к урнам пришло всего 25% избирателей («общество одной четверти»). Сейчас и этот порог снижают.

Раньше, при «старом режиме», власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего правом на господство. В сословном обще-

стве неравенство охранялось традицией, выражалось в разных правах перед законом и подтверждалось непререкаемым словом монарха. Как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, генерального секретаря) нуждалась в легитимации — приобретении *авторитета* в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции. Отношения господства тут были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран *повелевает*, а не манипулирует.

Американские социологи П.Лазарсфельд и Р.Мертон так описывают власть в США: «Те, кто контролируют взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие». Известный специалист по управлению С.Паркинсон пишет: «В динамичном обществе искусство управления сводится к умению направлять по нужному руслу человеческие желания. Те, кто в совершенстве овладели этим искусством, смогут добиться небывалых успехов».

Главным создателем технологии манипуляции с самого начала стали США. Здесь на пространствах, свободных от традиций сословных культур, возник индивид в самом чистом виде. «Отцам нации» пришлось управлять толпой свободных индивидов, не прибегая к государственному насилию (оно было попросту невозможно). В то же время не было опоры на уважение к авторитетам — США заселили диссиденты Европы, отрицающие авторитет. Так возник новый в истории тип социального управления, основанный на *внушении*.

В США создавалась именно технология, этим был занят большой отряд хорошо оплаченных профессиональных интеллектуалов. Они научились обращать на службу правящим кругам даже те общественные течения, которые, казалось бы, как раз находятся к ним в оппозиции. По данным опроса 1987 г., почти половина населения США была уверена, что фраза «от каждого по способностям, каждому по потребнос-

тям» — статья Конституции США, а вовсе не лозунг из «Коммунистического манифеста».

Когда философы пишут всерьез, они отбрасывают ругательства вроде «тоталитаризма» или «культы личности», а говорят о двух типах деспотизма — *восточном* и *западном*. Западный опирается на контроль над *средствами информации* и использует их как нервную систему общества. Французский философ Московичи пишет о СМИ: «Западный деспотизм предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио. Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности... Внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься».

Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет — плод наивности. Как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие «демократия» стало условным и употребляется лишь как идеологический штамп. В среде профессионалов этот штамп всерьез не принимают. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г. Лассуэлл (США) заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Почему способы духовного воздействия *вне демократии* не подпадают под понятие манипуляции? Ведь тираны не только головы рубили и «черным вороном» пугали — словом, музыкой и образом они действовали ничуть не меньше. Почему же литургия в храме или беседа политрука в Красной Армии, побуждающие человека к определенному поведению, — не манипуляция сознанием?

Воздействие на человека религии (не говорим пока о сектах) или «пропаганды» в *идеократических* обществах, каким были, например, царская Россия и СССР, отличаются от манипуляции своими главными родовыми признаками. Вспом-

ним первый признак — *скрытность* воздействия и внушение человеку желаний, *заведомо* противоречащих его главным ценностям и интересам.

Религия и идеология действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не только не скрывается, оно *громогласно*. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались открыто и были явно связаны с декларированными ценностями общества. И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что поведение, к которому они призывали, — в интересах спасения души или благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи скрывать акцию духовного воздействия. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим». Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в подсознание и сделаем так, что ты *сам захочешь*.

Многих вводит в заблуждение сходство некоторых «технических» приемов — игра на чувствах, обращение к подсознанию, к страхам и предрассудкам. Но использование этих приемов в манипуляции сознанием — принципиальная установка, а в идеократической пропаганде — следствие слабости. В советской идеологии обещания чуда Хрущевым сразу нанесли ей рану в которой и вызрели идеологи типа А.Н.Яковлева. С «чудес» Хрущева начало рушиться советское общество — для него манипуляция сознанием «вредна для здоровья».

Идеократическое общество — сложная конструкция, она держится на священных идеях-символах и на отношениях авторитета. Если противнику удастся встроить в эти идеи разрушающие их вирусы, то победа обеспечена. Утрата уважения к авторитетам и символам — гибель. Гражданское общество, состоящее из атомов-индивидов, связано бесчисленными ниточками интересов. Оно просто и неразрывно, как плесень. Удары по идеям большого ущерба для целого не производят, образуются лишь локальные дырки и разрывы. Зато эта ткань трудно переносит удары по интересам каждого (например, экономические трудности).

Человек либерального образа мыслей убежден, что переход от принуждения к манипуляции сознанием — прогресс.

Аргументы понятны. Кнут — это больно, а духовный наркотик — приятно. Если уж все равно сильный заставит слабого подчиниться своей воле, то пусть он это сделает с помощью наркотика, а не кнута. О вкусах не спорят, но многие считают, что наркотик *хуже* кнута.

Западные противники манипуляции указывают, что идеалом либерального порядка является *свобода* индивида, позволяющая ему делать осознанный рациональный выбор и заключать свободный контракт. А манипуляция сознанием, производимая скрытно, лишает индивида свободы в большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва ее утрачивает возможность *рационального выбора*, ибо ее желания программируются извне. Это — ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация идеальной основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый вид тоталитаризма, заменившего кнут более эффективным и антигуманным инструментом, превращающим человека в программируемый робот.

Как оценивали переход «от тоталитаризма к демократии» выразители русской культуры. Гоголь видел во власти, развращающей человека «оружием сластей», антихристианскую силу. О США, как наиболее полном выразителе нового духа Запада, он сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».

В русской литературе и философии именно тревога за душу человека была главным мотивом в отношении к манипуляции сознанием. Поэтому очень многие рассуждения или прямо исходят из христианского идеала, или окрашены в религиозные тона, включают христианские метафоры и аллегории. Конечно, Гоголь и Достоевский писали не для Запада, а для России. Их страхи были пророческими, а предупреждения были направлены как будто именно нам. Выбор делать нам, на свою ответственность, но выслушать и обдумать предупреждения мы обязаны.

Надо хладнокровно прикинуть «достоинства и недостатки» кнута принуждения и пряника манипуляции и каждому определить: если уж любая власть — зло, то какое зло мень-

ше именно для нашей культуры. Даже в «войне всех против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты отношений делятся на три категории: *друг, партнер, соперник*. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он — не друг, не партнер и не соперник. Он становится *вещью*.

Поскольку это принимает массовый характер, происходит неуклонное снижение статуса человека. Сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она — «манипулирует плебейми»), но затем *овеществляет* человека вообще.

Переход к государству с власти, основанной на манипуляции, больнее ударил бы по русской культуре, чем уязвил Запад. Иную, нежели на Западе, свободу искал русский человек — особое сочетание свободы духа и быта. И довольно равнодушно относился к столь ценным на Западе политическим и экономическим свободам.

Пока что нет оснований думать, что русские захотят лишиться «своего» типа свободы. Отнять силой или купить у русских их свободу духа и быта нельзя. Но выманить обманом — технически возможно. Этим сейчас и занимается целая армия специалистов.

### Глава 3.

## ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

По мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием.

Разумеется, правители стараются не допустить массы к знанию доктрин и технологий манипуляции. Это достигается щедрым вознаграждением «тех, кто с нами» и бойкотом «тех, кто не с нами». Но по крупицам собрать и откровения технологий этой власти, и наблюдения «тех, кто не с ними», мы можем. Их надо очистить от «шума» и привести в систему.

Доктрины и теории манипуляции сложились недавно, в XX веке, но их основания были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе. Фокус заключался в том, чтобы сделать эти революции чужими руками («пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Надо было буквально натравить простого человека на «старый порядок». Свою лепту в программирование поведения масс внесли ученые, философы и гуманистари. В Англии — ньютонианцы, которые из новой картины мира выводили идеи о «естественном» характере конституции, что должна ограничить власть монарха («ведь Солнце подчиняется закону гравитации»). Во Франции общество было подготовлено к слову «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Помимо великого дела по созданию нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения оказали глубокое воздействие на сознание в политическом плане.

Во Франции литераторы и ученые сумели «отключить» естественное недоброжелательство бедных слоев народа к плутократам и натравить городскую бедноту на все устои старого режима. В своем роде это — блестящее достижение ума и слова. Орудием богачей стало именно то, что им враждебно — стремление человека к равенству и справедливости.

Во Франции появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация — «Институт», где и собрались идеологи (в члены Института приняли и идущего к власти Наполеона). Они определили две главные духовные сферы, которые надо взять под контроль, чтобы запрограммировать мысли — *познание* и *общение*. В «курсе идеологии», для правящей элиты было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология. Именно идеологи нового общества поняли, что главным средством власти будет в нем *язык*. Здесь сознательно пошли на планомерное, как в лаборатории, создание нового языка.

В то же время было осознано влияние на мысли как можно большего количества людей — *числа*, заменяющего качества. Одним из первых дел Французской революции была разработка метрической системы мер, которая связала сферы познания и языка. В ней участвовали виднейшие ученые и идеологи.

В XIX в. создали *школу* нового типа, важнейший для господства буржуазии механизм. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» — одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) — чтобы легко поддаваться манипуляции. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество.

XX век — время создания крупных теорий и доктрин, а затем разработки на их основе технологий манипуляции. Коротко изложим некоторые концепции (доктрины), важные сегодня.

### Учение о гегемонии Антонио Грамши

Антонио Грамши, основатель Итальянской компартии, в 1926 г. был заключен фашистами в тюрьму, вышел больным в 1934 г. и умер в 1937. В 1929 г. он начал свой огромный труд «Тюремные тетради». Его переиздания на многих языках (кроме русского), следуют одно за другим, а посвященная ему литература необозрима. Этот труд — важный вклад почти во все разделы гуманитарного знания. Грамши осмыслил опыт протестантской Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. и фашизма. Он создавал новую теорию государства и революции — для современного городского общества, но сделал при этом множество открытий общенаучного значения.

Если сегодня открыть крупную научную базу данных (например, «Dissertations Abstracts») на слово «Грамши», то поражаешься, какой широкий диапазон общественных явлений изучается с помощью его учения. Это и разжигание национальных конфликтов, и тактика церковной верхушки в борьбе против «теологии освобождения» в Никарагуа, и влияние спорта на массовое сознание в США, и особенности нынешней африканской литературы, и эффективность тех или иных видов рекламы.

Один из ключевых разделов труда Грамши — учение о *гегемонии*, развивающее мысль Макиавелли о том, что власть держится не только на силе, но и на *согласии*. Механизм



власти — не только принуждение, но и убеждение. Собственность, как экономическая основа власти, недостаточна — господство не гарантируется. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической», но уходит от «экономического детерминизма», который делает упор на отношениях собственности. По Грамши, экономика — скелет общества, а идеология — его «кожа».

Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет *гегемонией*. Гегемония — не застывшее состояние, а динамичный непрерывный процесс. «Государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения», то есть принуждение — лишь броня более значительной сущности. Гегемония означает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане не желают того, что требуется господствующему классу.

Если главная сила государства и основа власти — гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, его слома (революции) сводится к вопросу о том, как достигается или подрывается гегемония. Кто является главным агентом, каковы «технологии»?

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии — «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли — условие революции.

Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий массы людей перейти к активной позиции. Грамши считает это цепной реакцией («це-

почка синтезов») и называет *катарсисом* — подобно просветляющему сознание зрителей действию трагедии в театре.

Для подрыва гегемонии нужна длительная «молекулярная» агрессия в культурное ядро. Это не изречение истины, которая совершила бы переворот в сознании, озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Такое длительное усилие было создано в ходе перестройки, прежде чем в сознании среднего гражданина было сломано культурное ядро советского общества и установлена, хотя бы на короткий срок, гегемония «рыночной идеологии». Вся эта «революция сверху» была в точности спроектирована в соответствии с учением о гегемонии.

На что в культурном ядре надо прежде всего воздействовать для установления (или подрыва) гегемонии? Вовсе не на теории противника, говорит Грамши. Надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру.

Та часть обыденного сознания, которую Грамши назвал «здоровый смысл» (стихийная философия трудящихся), открыта для восприятия идей, служащих источником «освободительной гегемонии». Если же речь идет о буржуазии, стремящейся сохранить или установить свою гегемонию, то ей важно этот здоровый смысл нейтрализовать или подавлять, внедряя в сознание мифы. Кто же главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии? Ответ Грамши однозначен: *интеллигенция*. Ее главная общественная функция — не профессиональная (инженер, ученый, священник и т.д.). Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии — главный смысл существования интеллигенции.

Это — очень короткое и упрощенное изложение некоторых пунктов учения Грамши. Пожалуй, самое крупное подтверждение верности этого учения — стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством «малых дел и слов» партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить — они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Другая блестящая «операция» — мирный переход Испании после смерти Франко к либеральной рыночной экономике, федеративному устройству и демократии западного типа. Кризис гегемонии франкистской элиты был разрешен посредством серии пактов с левой оппозицией. В результате левые были «приняты в элиту», а франкисты сменили фразеологию и стали «демократами». Левые «уговорили» массы потерпеть и отказаться от своих социальных требований — правые этого не смогли бы достичь.

Опираясь на теорию Грамши, культурологи объясняют роль вещи в гегемонии буржуазии. Вещи создают окружающую среду, в которой живет человек, несут «сообщения», воздействуя на обыденное сознание. Если же вещи и проектируются с учетом этой их функции как «знаков», то в силу огромных масштабов и разнообразия их потока они могут стать решающей силой в формировании сознания. Именно дизайн ширпотреба (особое место в нем занимает автомобиль) стал в США главным механизмом внедрения в сознание культурных ценностей.

Стандартизация — условие гегемонии в гражданском обществе, где требуется сохранять «атомизацию» людей. Но в то же время их надо соединять связями, не приводящими к единству — безопасными для гегемонии. Как показали исследования по методологии Грамши, эффективным средством для этого стал в США спорт. Он порождал такие символы и образы, которые связывали мягкими, не ведущими к социальному единству связями самые разные части общества — от негритянского дна до буржуазной элиты. Спорт создавал особый срез общей массовой культуры и обыденного сознания.

Интересны исследования отдельных более частных случаев, когда противостоящие силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Метод Грамши хорошо вскрывает суть «Трехсторонней комиссии» под руководством З.Бжезинского. Это — одна из самых закрытых и влиятельных теневых международных организаций. В нее входит около трех сотен членов из США, Европы и Японии. Цель ее — добиться доступа транснациональных корпораций во все страны мира, особенно в финансовую сферу и энергетику. Признано, что Трехсторонняя комиссия способствовала возникновению глобальных финансовых кризисов 90-х годов и дестабилизации мира. Но она смогла во всех главных странах организовать такое воздействие на общественное мнение, что «неприятные» последствия ее деятельности вообще исчезли из публичных дебатов. Люди как бы перестали видеть очевидное, у них отключили «здравый смысл».

Наконец, в логике учения Грамши велся либеральной интеллигенцией подрыв гегемонии социалистических сил в странах Восточной Европы. Велика была роль театра в разрушении культурного ядра этих стран. Так, например, известный в ГДР театр Хайнера Мюллера в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу», был театром, «подгрызающим общественные институты». Как пишут исследователи, театр сознательно «искал трещины в монолите гегемонии и стремился расширить эти трещины — в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории считалось крушение противостоящего Западу «советского блока».

Вершиной этой «работы по Грамши» была перестройка в СССР.

### **Психологическая доктрина**

Учение Грамши рассматривает *человека общественного*, а не отдельную личность и не малые группы. С другой стороны подходит к вопросу манипуляции та доктрина, что сложилась в психологии. Здесь на первое место вышел к 50-м годам XX в. *психоанализ* — учение, выходящее за рамки строгой науки.

Уже с конца XIX века ученые указали на значения *внушения* в общественных процессах. В 1903 г. русский психофизиолог В.М.Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

У Бехтерева внушение есть «вторжение [в сознание] посторонней идеи без прямого и непосредственного участия в этом акте «Я» субъекта». В этом отличие внушения от *убеждения*. Производится ли внушение словами или другими знаками, «везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния».

При убеждении человеку предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и принимает или отвергает. Убеждение проводится в режиме *диалога*, так что ты можешь задать вопрос, выразить сомнение, шаг за шагом добываясь понимания. Обстановка убеждения — научный семинар, техническое совещание, семейный совет.

Внушение, напротив, «обходит» разум субъекта. Оно эффективно, когда удастся приглушить активность сознания, усыпить часового: «Внушение, в отличие от убеждения, — писал Бехтерев — проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как предмет пассивного восприятия». Поток информации здесь односторонний, диалог исключается. Обстановка внушения — митинг, где с удаленной трибуны вещает фюрер или демократический кумир, толпа ликует и ты не можешь не то что вопроса задать, а и усомниться (могут побить). Впрочем, можно и сидеть перед телевизором, структура общения такая же.

В 30-40-е годы XX века была принята теория рациональности внушения. Согласно ей, при внушении человек не меняет свои убеждения и оценки, а меняет *объект* оценки. Это достигается путем создания такого *контекста*, в котором мысли человека идут в нужном для манипулятора направлении.

нии. На этом была основана «комментированная пресса» — в ней сообщение о факте сопровождается *интерпретацией* комментатора, который предлагает читателю или слушателю несколько вариантов объяснения. В их рамки и загоняется мысль человека. От ловкости комментатора зависит сделать нужный вариант самым правдоподобным.

Но возможности «рационального внушения» оказались скромными, и в 50-е годы упор сделали на учение о *подсознании*. Фрейд оформил мысль, что в подсознании таится страшная сила, и ее можно направить как на поддержку, так и на отрицание какого-то утверждения (например, политического). Эта ориентация подсознания названа **«проекцией»**.

Принятию психоанализа как основы доктрины манипуляции способствовали успехи в области *рекламы*. В США приспособлять психоанализ для рекламы начал ученик Фрейда Эрнст Дихтер. На рекламе мыла, а потом автомобилей он сделал немислимую карьеру. Отвергая теорию рационального внушения, он утверждал даже, что главная ценность товара для покупателя заключается не в его назначении, а в удовлетворении запытаных глубоко в подсознании желаний, о которых сам покупатель может даже не подозревать. В большинстве случаев это темные инстинкты и тайные желания, «вытесненные» в подсознание именно потому, что они неприемлемы для сознания. По словам Дихтера, рекламные агентства в США стали «самыми передовыми лабораториями психологов». Они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не пожелали бы их купить».

В 1957 г. принципы использования психоанализа в рекламе обобщил социолог Вэнс Пэккард в своем бестселлере «Тайные искусители». Эта книга до сих пор считается классическим трудом в рекламном деле. В дальнейшем психоанализ стал дополняться методами герменевтики, семиотики (науки о символах), этнографии и культурологии — оставаясь ядром междисциплинарного подхода. Успех Дихтера в манипуляции поведением покупателей привлек политиков — из рекламы товаров психоанализ был перенесен в манипуляцию

сознанием в политической сфере. В 1960 г. Дихтер был советником в избирательной кампании Кеннеди. После выборов эффективность его рекомендаций проверили на огромном статистическом материале.

В США возникли исследовательские центры, где изучалось использование психоанализа для манипуляции сознанием в разных направлениях. Известный психолог Луи Ческин, который также одним из первых применил психоанализ в рекламе, вел работы по воздействию на подсознание с помощью цвета. На них строилась реклама таких фирм, как «Проктер энд Гэмбл» (парфюмерия), «Филип Моррис» (сигареты), «Дженерал Фудс» (пищевые продукты). Все это товары массового спроса, и полученный при их продаже статистический материал был огромен, так что Ческин имел хороший объект исследования и получил ценные результаты. По ним можно было определить, например, какие эмоции возбуждает в подсознании цветовая гамма избирательного плаката в приличных кварталах и в трущобах, у людей разного возраста, с разными доходами и уровнем образования, разной национальности и т.д.

На радиовещании велись исследования того, как влияет на подсознание пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Все эти параметры стали подбирать в зависимости от того, какие струны в подсознании требовалось затронуть при том или ином сообщении. В избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за высокого голоса и «гарвардского акцента» — там низкий и грубоватый голос Никсона воспринимался как более искренний. Кеннеди советовали по возможности избегать радио и использовать телевидение — при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков.

Важное направление открыл Джеймс Вайкери — он изучал воздействие *слова* на подсознание. Известно, например, что на подсознание сильно действует слово *жизнь* и производные от него, в том числе приставка *био-*. Она к тому же ассоциируется с наукой и пользуется ее авторитетом. Поэтому

му в рекламе эти знаки используются очень широко. Стоит бросить взгляд на московскую газету, и сразу бросается в глаза: «Магазин здоровья — БиоНормалайзер», «Лавка Жизни... Молодая грудь... Биомаска для груди за 100 руб.» и т.д. Отработанные на массовом объекте в рекламе, методы и приемы семантики были перенесены затем в идеологическую сферу.

Широкую известность принесло Вайкери открытие, названное им «сублиминальной» (т.е. подсознательной) рекламой или *сублиминальным кино*. Известно, что в сознание человека поступают только те сигналы, которые по своей силе превышают некоторый порог, а остальные, более слабые и краткосрочные сигналы (шумы) отсеиваются. Но что с ними происходит?

Вайкери договорился с владельцем кинотеатра и провел такие опыты. Он поставил второй кинопроектор, который в промежутках между кадрами кинофильма на короткое мгновение (0,003 секунды) проецировал на экран слова «Кока-кола» и «Ешьте поп-корн» (воздушная кукуруза). Эти сигналы были ниже порога восприятия, так как сознание фиксирует зрительные образы, которые задерживаются не менее 0,05 секунды. Сигналы, посылаемые вторым проектором, сознание зафиксировать не могло. Даже те, кто был предупрежден, не смогли заметить этих кадров. Но глаз-то их видел, и Вайкери предположил, что сигналы отпечатываются где-то в подсознании.

Эти опыты продолжались несколько месяцев и давали устойчивый результат: на тех сеансах, на которых включался второй кинопроектор с рекламой, продажа кока-колы в буфете выросла на 16%, а продажа воздушной кукурузы на 50%. Для рекламы эффективность была небывалой. Но главное заключалось в возможности манипулировать поведением человека вообще — с помощью разных сигналов, посылаемых ему с интенсивностью выше «порога регистрации» (глазом, ухом, обонянием), но ниже «порога восприятия» (сознанием). Это получило название воздействия на подсознание на уровне *подвосприятия*. Вскоре после опытов Вайкери эти исследования исчезли из открытой печати.



Использование сублиминального воздействия запрещено в рекламе. Но наличие в «25-го кадра» обнаруживается только с помощью аппаратуры. В России не было официальных заявлений о том, существует ли на телевидении обязательный контроль передач на отсутствие в них знаков подпорогового действия. Более того, в Москве широко рекламируются видеокурсы иностранных языков фирмы «Intellect», которые, как сказано, «делают возможным запоминание за 60 часов занятий от 2000 слов, которые остаются в памяти на долгие годы, даже если язык не используется». Основаны эти курсы якобы на сублиминальном воздействии. В рекламе так и сказано: «25-й кадр из-за сверхвысокой эффективности был запрещен в рекламе. Но не в образовании. Начиная с 50-х годов методика интенсивного обучения использовалась спецслужбами разных стран для подготовки агентов и дипломатов». И вот теперь — доступна для простых россиян. За небольшую плату в память будут вбиты 2000 слов, которые застрянут там «даже если язык не используется». Иными словами, человек будет искалечен, ибо память должна непрерывно очищаться от того, что не используется. Без забывания нет активной памяти.

Из психоанализа в доктрину манипуляции перешло важнейшее понятие «*психологическая защита*». Вначале так обозначалось явление личностное, потом стали говорить о «психологической защите» в межгрупповых отношениях. Например, в прикладной психологии есть направление, занятое постановкой психологической защиты делегаций, отправляющихся на переговоры.

Понятно, что успех манипуляции наполовину зависит от умения отключить средства психологической защиты личности и общественных групп. К нашей проблеме прямо относится развитая Карлом Густавом Юнгом в книге «Архетип и символ» идея о защитной роли *символов*. Родившись как тип власти вместе с буржуазным обществом, манипуляция сознанием стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм разрушил священные образы.

Юнг пишет: «Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... История развития протестантизма является хроникой штурма образов. Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные образы разбивались один за другим, пока наконец не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета... Протестантское человечество вытолкнуто за пределы охранительных стен и оказалось в положении, которое ужаснуло бы любого естественно живущего человека». Можно считать, что Реформация задала всем будущим манипуляторам главный принцип: перед овладением умами людей необходима подготовка — «штурм символов».

Важной концепцией стало представление психики человека как арены борьбы множества составляющих его «субличностей» — частичных *Я*. В этой борьбе верх может брать то одна, то другая ипостась человека, то одна, то другая сторона его *Я*. Этот «победитель» и программирует поведение. В популярной книге Л.Прото «Кто играет на ваших струнах» личность представлена как марионетка, за управляющие нити которой дергает около десятка скрытых в ее сознании человечков. С этой точки зрения, задача манипулятора — правильно определить, на какое суб-*Я* ему выгоднее всего ставить и как помочь этому частичному *Я* одолеть в человеке своих противников.

Оказалось, что проще всего манипулятору войти в союз с низкими и темными суб-*Я* человека. Легче возбудить и превратить в мощный импульс порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противное всей личности в целом дело. Пусть эта победа манипулятора краткосрочна, этого обычно достаточно, ему важно добиться нужного поступка — пусть потом разум и совесть человека раскаиваются. Как любят говорить все манипуляторы, «поезд уже ушел». На этой основе возникла огромная индустрия активизации низменных влечений человека, которая непрерывно отравляет всю массовую культуру и сферу общения.

С точки зрения возможности манипулировать поведением групп и даже масс, большое значение имели книги Гюстава Ле Бона «Психология масс» и «Душа толпы». Высказанные в них идеи дополняли и развивали многие психологии (например, Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). В дискуссии о месте социальной психологии, проведенной в США 10 лет назад, ее цель была определена четко — «разработка техники формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий». Действительно, начиная с 60-х годов социальная психология занялась экспериментальными исследованиями, на базе которых вырабатывались «поведенческие технологии». Конечно, к выработке методик манипуляции эта наука не сводится, но для нас здесь важна именно эта сторона.

В рамках этой доктрины развивается с начала XX века и параллельное психоанализу течение — *бихевиоризм* (от слова *behavior* — поведение). Его основатель Д. Уотсон еще в 1914 г. заявил, что «предметом психологии является человеческое поведение». Позже он даже утверждал, что любого младенца можно превратить в судью или преступника. В отличие от психоанализа, бихевиористы отвлекаются от всех субъективных факторов (мышление, эмоции, влечения и т.д.) и рассматривают поведение исключительно как функцию внешних стимулов. Человек рассматривается как машина, управляемая извне с присущей машине предопределенностью реакции в ответ на управляющее воздействие.

В 70-е годы бихевиоризм поднялся к понятиям кибернетической машины (необихевиоризм Фредерика Скиннера). Автоматизировав лабораторные устройства, Скиннер провел огромное число экспериментов на животных, а потом и на человеке. В книге «Поведение животных» специалист в этой области Н. Тинберген уклончиво говорит: «В этих книгах, вызвавших бурю споров, Скиннер излагает свое убеждение, что человечество может и должно обучиться «приемлемым» формам поведения». Определеннее выражается Э. Фромм: «Психология Скиннера — это наука манипулирования поведением; ее цель — обнаружение механизмов «стимулирова-

ния», которые помогают обеспечивать необходимое «заказчику» поведение».

По мнению Фромма, в США «невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью». Иными словами, он вновь дал среднему классу США надежду на то, что держать человека под контролем можно, причем с небольшими затратами.

Исследователь поведения К. Лоренц, с которым во многих пунктах расходится Фромм, также категорически не приемлет бихевиоризма и объясняет популярность в США этого учения склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем... Бихевиоризм доводит его до крайних следствий. Другим мотивом является жажда власти, уверенность, что человеком можно манипулировать посредством дрессировки». Лоренц видит опасность бихевиоризма для человечества в том, что постоянное «воспитание» методами бихевиоризма грозит превратиться в мощный фактор искусственного отбора, при котором будут вытеснены, а потом и исчезнут именно тот тип людей, в которых ярко выражены самые прекрасные высокие качества.

Но это, впрочем, нравственная оценка, а нам сейчас важен сам факт: бихевиоризм стал важной составной частью доктрины манипуляции сознанием, разрабатываемой в психологии.

### **Социодинамика культуры**

Социодинамика культуры добывает знания о том, как вырабатываются, хранятся, передаются и воспринимаются продукты культуры — идеи, художественные образы, музыкальные произведения и пр. Это и теории образования, и исследования в области языка, и информационные науки. В какой-то степени социодинамика культуры перекрывается с психологией и связана с учением о гегемонии. Но главное —

представление всего движения элементов культуры как большой системы, которой можно управлять. А значит, можно регулировать потоки так, чтобы побуждать «потребителей культуры» к тому или иному типу поведения.

Манипуляция сознанием требует «подстройки» к аудитории. Для этого нужно определить ее культурный профиль, язык, тип мышления. Такие данные и предоставляет социодинамика культуры. Более сложные программы предполагают не просто «подстройку», но и формирование культурной среды, подготовку адресата к восприятию сообщений, «изготовление» мнений и желаний, на которых можно играть. Это — тоже предмет социодинамики культуры. Ее исследования резко увеличили силу воздействия СМИ.

Первый важный для нашей проблемы вывод этой науки состоит в том, что буржуазное общество, в отличие от сословных обществ, породило новый тип культуры — *мозаичный*. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий. Живущее в потоке такой культуры общество иногда называют «демократия шума».

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколение через механизмы, матрицей которых был *университет*. Он давал целостное представление об универсуме — Вселенной, — независимо от того, в каком объеме давались эти знания (советский букварь был построен по типу университета — для малыша). Скелетом такой культуры были *дисциплины* (от латинского слова, которое означает и ученье, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. Специалист по СМИ А. Моль в книге «Социодинамика культуры» объясняет, что в мозаичной культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайны-

ми отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования».

Мозаичная культура и обучающая ей новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека — «человека массы» (его крайнее состояние — *толпа*). Этот «человек массы» — идеальный объект для манипуляции. В мозаичной культуре знания формируются не образованием, а СМИ. Они лишают человека способности составить целостную картину мира, подменяют ее мозаикой из массы разрозненных фактов.

Запад пережил огромный эксперимент — *фашизм*. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект.

Если надо «промыть мозги» целому обществу и отключить здравый смысл нескольких поколений, требуется разрушить систему «университетского», образования и заменить гуманитарную культуру мозаичной. Для этого надо овладеть *школой* и *СМИ*.



**Главные мишени  
манипуляторов сознанием:  
знаковые системы**

Человек живет в двух мирах — мире *вещей* и мире *знаков*. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком — материальны. Мир знаков связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями. В целом, мир знаков — первая мишень для манипуляторов.

Конечно, мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их невозможно. Многие вещи на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, несводимые к материальной полезности, но они воплощены в вещах.

Начнем с «наименее материальных» знаков.

## Глава 1.

### ОСНАЩЕНИЕ УМА: ЯЗЫК СЛОВ

#### Магическая сила слов

Мир слов включает в себя язык как средство общения и средство мышления. Размышляя, мы облакаем мысли в слова.

Язык как система слов, в которых человек воспринимает мир, есть самое главное *средство подчинения*. Внушаемость посредством слова — свойство психики, возникшее раньше мышления. В раннем детстве слова взрослых оказывают такое воздействие, что ребенку не требуется обоснований. «Мама не велела» — это главное. Когда родители начинают логически обосновывать запрет, они приводят ребенка в замешательство и подрывают силу своего слова.



Внушение — это подчинение не через рассудок, а через чувство. Даже самый рассудочный человек нуждается во внушении. В моменты неурядиц мы ищем совета у людей, которые вовсе не являются знатоками нашей проблемы. Нам нужны их утешения и увещевания. Во всех этих «не горюй», «возьми себя в руки», «все образуется» и т.д. нет полезной информации, но они оказывают целительное действие.

Философ С.Московичи в книге «Наука о массах» писал: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зёрнами воспоминаний, почти как с живыми существами».

А русский поэт писал:

Словом останавливали солнце,  
Словом разрушали города

Через язык воздействуют и на *сознание*. В естественном языке слова имеют множественный смысл. Они порождают образы через ассоциации. Это «соединяющий» язык. В Новое время естественный язык стал заменяться на Западе искусственным, специально создаваемым. Слова были очищены от множества уходящих в глубь веков смыслов. На создание и внедрение в сознание нового языка буржуазное общество истратило несравненно больше средств, чем на полицию, армию, вооружения. Ничего подобного не было в старой Европе.

С книгопечатанием устный язык был потеснен книгой. В Средние века книг было мало (в церкви — один экземпляр Библии). В университетах за чтение книги бралась плата. Всего за первые 50 лет книгопечатания, к началу XVI века, в Европе было издано 25-30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн. экземпляров. Это был переломный момент.

На массовой книге стала строиться и новая школа. Главной ее задачей стало искоренение «туземного» языка народов. Словом «туземный» обозначают язык, который корнями ухо-

дит в толщу культуры данного народа — в отличие от языка, созданного индустриальным обществом. Туземный язык, которому ребенок обучался в семье, на улице, на базаре, стал заменяться «правильным» языком, которому стали обучать платные профессионалы — языком газеты, радио, а теперь телевидения.

В XX веке произошел следующий перелом. В конце 30-х годов из всех слов, которые человек слышал в первые 20 лет своей жизни, каждое *десятое* слово он слышал от какого-то «центрального» источника — в церкви, школе, в армии. А девять слов из десяти слышал от кого-то, кого мог потрогать. Сегодня пропорция обратная — 9 слов из 10 человек узнает из «центрального» источника, и обычно они сказаны через микрофон.

«Туземный» язык рождается из личного общения людей, которые излагают свои мысли. Поэтому он напрямую связан с *диалогом* и со *здравым смыслом* (можно сказать, что голос здравого смысла «говорит на родном языке»). «Правильный» язык — это язык диктора, зачитывающего текст, данный ему редактором, который доработал материал публициста в соответствии с замечаниями совета директоров. Это односторонний поток слов, направленных на определенную группу людей с целью *убедить* ее в чем-либо. Язык диктора несет смыслы, которые закладывали в него те, кто контролируют СМИ. Люди, которые начинают сами говорить на таком языке, отрываются от здравого смысла и становятся легкими объектами манипуляции.

Особого рода искусственным языком является *политический* язык. Он имеет свой *жаргон*, понятный только «своим» и позволяет отличить «своих» от «чужих». В его словах-сигналах закодирован смысл, доступный только представителю «своей» политической субкультуры. Принять «чужой» язык, не понимая, как правило, смысла слов-символов, в политике значит обречь себя на поражение. Освободительную и укрепляющую роль всегда играет естественный родной язык.

Тургенев писал о русском языке: «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий ты один мне поддержка и опора». Чтобы лишить человека этой поддержки и опоры родного

языка, манипуляторам необходимо если не отменить, то хотя бы максимально растрепать «туземный» язык. Начав говорить «словами без корней», человек оказывается в разделенном мире, и в мире слов ему не на что опереться. Создание «бескорневых» слов стало способом разрушения национальных языков и атомизации общества. Русский собиратель сказок А.Н. Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Слом традиционного общества средневековой Европы привел к созданию нового языка с «онаученным» словарем. Революция в России начала XX века, напротив, породила течения, направленные на мобилизацию скрытых смыслов и соединяющей силы языка. Наиболее известны в этом течении поэты Велемир Хлебников и Владимир Маяковский.

Маяковский черпал материал в «залежах древнего творчества». У Хлебникова эта установка доведена до полной ясности. Он поднимал к жизни пласты допушкинской речи, искал славянские корни слов и вводил их в современный язык. Он прямо ставил задачу возрождения и расцвета нашего «туземного» языка («нам надоело быть не нами»). Его словотворчество было направлено на восстановление связи понятийного и просторечного языка, связи слова и вещи. Он писал: «Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи». При этом включение фольклорных и архаических элементов вовсе не было регрессом, это было развитие. Хлебников поставил сложную задачу — соединить архаические славянские корни с *диалогичностью* языка, к которой пришло Возрождение.

Напротив, во время общественного слома в конце XX века мы видим обратное явление, целый культурный проект — с помощью СМИ, переделать наш туземный язык и заполнить сознание словами без корней. Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими

явлениям. Но если ему сказать «*брокер*» или «*киллер*», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл\*. Методичная замена слов русского языка такими словами — часть манипуляции сознанием.

Вот, казалось бы, взаимозаменяемые слова — *руководитель* и *лидер*. Почему пресса настойчиво стремится вывести из употребления слово *руководитель*? Потому, что это слово исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю, он создан этой волей, он — часть целого, участник *сотрудничества*. Слово *лидер* возникло из философии *конкуренции*. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя. И в России телевидение уже не скажет *руководитель*. *Лидер*... Точно так же происходит вытеснение слова *избиратели* и замена его на слово *электорат*. Когда депутат говорит «мои избиратели», порождаемые этим словом ассоциации указывают, что депутат — производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал» (мое предприятие). Электорат — общность пассивная и ведомая.

В большом количестве внедряются в язык слова, подрывающие логическое мышление. В октябре 1993 г. было введено выражение «*мятежный парламент*» — по отношению к Верховному Совету РСФСР. Это выражение нелепо в приложении к высшему органу *законодательной* власти (раньше в подобных случаях говорили «президентский переворот»).

Чтобы ввести в обиход слова, разрушающие ткань естественного языка, важно и звучание, «звуковой облик» слова. Ищут не благозвучие в его обычном смысле, а броскость, энергичность слова, необычность звучания. Для этого хорошо подходят иностранные слова, насыщенные звонкими согласными (*брокер, консалтинг, миллениум*), особенно удво-

---

\* На занятиях в одной из академий государственной службы слушатели должны были выразить смысл слов «убийца» и «киллер», составив с ними однотипные предложения. Они написали, в частности, такие пары: «*Убийца скрылся с места преступления*», «*Киллер удалился с места работы*».

енными (*триллер, саммит*). Привлекательность достигается и смешением стилей (*камикадзе-шахид*, напиток «*Кургазак-Оранж*»), иногда сочетанием слов с несовместимыми смыслами (*демоисламисты*).

Вскрыть истинные смыслы даже главных слов нового языка трудно, до них приходится докапываться. Когда читаешь об этих раскопках смыслов трехвековой давности, оторопь берет, как изощренно скрыты значения понятий, которые мы беспечно включили в свой туземный язык.

В целом, Россия еще не лишилась своего «туземного» языка. Буржуазная школа не успела охватить существенную часть народа. Надежным щитом была русская литература. Лев Толстой создал для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке. Язык не был товаром, каждому ребенку дома, в школе, по радио читали родные сказки и Пушкина. На Западе, напротив, сказки становятся «вненациональным» товаром. Дети знакомятся с ними через видеофильмы Диснея. С ними производят «модернизацию».

Переход к городскому образу жизни и сокращение построенных по типу диалога личных контактов, резкое усиление роли СМИ стали теснить наш туземный язык. В последние два десятилетия происходит и целенаправленное воздействие на ткань языка в ходе смены общественного строя. Лингвисты отмечают интенсивное внедрение множества иностранных слов с устранением корня больших семейств русских слов. Результаты этого длительного переходного периода пока что нельзя предугадать.

### **Манипулятивная семантика**

В XX веке искусственное создание языка в целях манипуляции сознанием было поставлено на научную основу. Американский социолог Лассуэлл стал изучать роль слова в пропаганде с помощью точных методов. Начав свои исследования еще в годы Первой мировой войны, он обобщил результаты в 1927 г. в книге «Техника пропаганды в мировой войне». Он разработал методы изучения и *подбора* слов как средства искажения смыслов. Лассуэлл создал целую систему

принципов создания «политического мифа» путем подбора нужных слов.

Много нового почерпнули и из «языковой программы» фашистов, которые создали особый магический язык (т.н. *Lingua Tertii Imperii* — язык Третьего рейха). Приступая к «фанатизации масс», фашисты изменили смысл привычных слов и понятий, ввели множество новых. Их программу иногда называют «семантическим терроризмом», который привел к разработке «антиязыка». В этом языке применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального». Большая работа в области методов «придания ложного смысла бесспорным фактам с помощью лексических средств» была проведена специалистами Геббельса. Немецкий ученый Э. Кассирер писал, что воздействие нацистской идеологии на язык было столь велико, что произошло изменение *функции языка* — его *магическая* функция стала доминировать над *информационной*.

Особое направление в выработке слов с заданным смыслом — изобретение сокращений, аббревиатур. Мы помним, какое значение приобрели слова СССР или США — они приобрели свой образ. ВЧК просуществовала всего три года, а слово «чекист» сохранилось до сих пор. Сильное воздействие на подсознание оказывало сокращение КГБ, причем на человека Запада оно действовало сильнее, чем на жителей СССР.

Конструируются и сокращения с отрицательным смыслом (например, *совденя*). Мрачное слово *бомж* лишено полутонов и эмоциональной окраски, оно не содержит сострадания, которое звучит в слове *бездомный* или даже *бродяга*. Это — жесткое слово нового времени. С.Н. Булгаков называл такие сокращения с враждебным смыслом «словами-манекенами». Он признавал их мистическую силу и писал: «Такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу,.. сосут кровь языка».

Создание искусственного языка идет по двум направлениям. Ищется слово, в наборе смыслов которого имеется и

такой, что может быть притянут к обозначению данного явления. Пусть даже это малоупотребительный смысл, но его использование не является прямой ложью. Так, военные действия во Вьетнаме назывались в США «программа умиротворения». Это слово настолько вошло в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: «Одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что в конце концов ее пришлось разрушить». *Умиротворение* и *война* где-то чуть-чуть перекрываются, так вместо слова *война* берется *умиротворение*.

Второе воздействие слова — те ассоциации, которые пробуждает его произнесение или прочтение. Во время войны во Вьетнаме важное место в пропаганде занимало слово «сдержанность». Не скажешь ведь, что США во Вьетнаме проявили миролюбие или гуманность — это было бы прямой ложью. Сдержанность... Ведь ядерного оружия не применили! Так, в 1972 г. в обращении к нации президент Никсон заявил: «В течение всей войны США проявляли беспрецедентную в военных анналах степень сдержанности». 19 июля 1971 г. директор ЦРУ сообщил, что под его руководством была проведена операция по организации покушений на общественных деятелей Южного Вьетнама и что к тому моменту было ликвидировано 20 587 таких деятелей. Называлась она «Операция Феникс».

Вообще, в США была проведена огромная работа по созданию специального языка для сообщений прессы о войне во Вьетнаме. Были составлены целые словари (тезаурусы) для обозначения тех или иных явлений и действий, которые производили на читателя нужное впечатление (в лингвистических трудах перечисляются и принципы подбора слов). Ряд исследователей считают, что был искусственно разработан целый язык, который получил название *вьетлийского* (Vietlish, Vietnam English).

Так, помимо слов *умиротворение* или *сдержанность* ключевым понятием было словосочетание «*защитная реакция*». Например, массированные бомбардировки Северного Вьетнама в феврале 1972 г. назывались «защитная реакция». Из-за резких международных протестов был снят с должности ге-

нерал Д. Лавел, который проводил бомбардировки якобы без санкции высшего командования. Его уволили с формулировкой «за плохое знание семантики». На слушаниях в сенате он стал огрызаться и доказал, что выражение «защитная реакция» было официально предписанным и что командование было верно информировано о характере действий авиации. Так, после налетов летчики писали в отчетах: выполнена «защитная реакция».

Тогда были разработаны, по выражению лингвистов, методы построения *сложных политических эвфемизмов*. Это уже не отдельные слова и понятия, а большие языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на сознание. Из языка были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: *война, наступление, оружие по уничтожению живой силы*. Вместо них были введены слова нейтральные: *конфликт, операция, устройство (antipersonnel device)*. Мертвые зоны, в которых диоксидами была уничтожена растительность, назывались «санитарными кордонами», напалм — «мягким зарядом», концлагеря — «стратегическими селениями» и т.д. Были наложены и строго соблюдались табу на использование огромного количества нормальных слов. Президент Американского лингвистического общества Д. Болинджер заявил тогда: «Америка — это первое общество, которое добилось настоящего табу на все неприятное». Бомбардировки Югославии в 1999 г. были названы «гуманитарной интервенцией», и это понятие в течение двух лет США пытались даже ввести в международное право.

И в русском языке мы наблюдаем аналогичный процесс — политики избегают использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяют *эвфемизмами* — благозвучными и непривычными терминами. Так, в ходе реформы в официальных и даже пропагандистских документах не употреблялось слово «*капитализм*». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. Беженцы из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, это «*вынужденные переселенцы*».

Множество ложных слов вбросило в обиход телевидение во время войны в Чечне. Например, военных вдруг стали



называть «федералы». Это слово лежит в совсем другой плоскости, нежели «армия — боевики» или «правительственные войска — мятежники». Это слово порождает ассоциацию «*федералы — конфедераты*». Северяне и южане... Так в США называли стороны в гражданской войне. Телезрителя подталкивали к мысли, что в Чечне идет вооруженное столкновение сторонников двух типов государственного устройства. Какое-то время телеведущие даже называли боевиков Басаева *партизанами*.

Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью *терминов*. Это специальные слова, причем большинство аудитории не знает их точного значения. Но термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки. Красивым термином, кажется людям, нельзя назвать какую-нибудь гадость.

Вот, например, слово *эмбарго*. Если в 1991 г. средний западный гражданин испытывал неудобство от разрушительных бомбардировок Ирака, то установленное в августе 1990 г. *эмбарго* на торговлю с Ираком не вызвало никакого возражения. А ведь это — более многозначительный шаг, нежели бомбардировки. Так, говорилось, что в Ираке установлен тоталитарный режим, и население там не имеет ни прав, ни механизмов, чтобы навязать свою волю политикам Багдада. Но если это так, то население не несет и ответственности за действия режима. И, согласно логике, наказывать иракского крестьянина, убивая голодом его ребенка, означает брать этого крестьянина *заложником* и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу рассматривались во время войны как военное преступление. Но по отношению к иракскому крестьянину это называлось «механизмом международного права», *эмбарго*. Слово *заложник* не употреблялось — табу.

Одним из инструментов политического языка являются *ярлыки*, которые «навешиваются» политическим противникам. Они создаются и вводятся в употребление с целью опорочить или высмеять противника путем воздействия на чув-

ства и подсознание — без приведения рациональных доводов. Так, эффективным оказался введенный в обиход в 1983 г. Р. Рейганом ярлык «империя зла», который придавал борьбе с СССР на последней стадии холодной войны оттенок религиозного противостояния дьяволу.

Ранее в процессе разрушения легитимности верховной власти в СССР был введен термин *геронтократия*. Он создавал сильный негативный настрой, не имея под собой разумных оснований (Сталин и Дэн Сяопин были стариками, Е. Гайдар и С. Кириенко — молодыми людьми — и что?). Интенсивно использовался изобретенный в конце перестройки ярлык «*красно-коричневые*», который в подсознании ассоциировал коммунистов с фашистами. А конкуренты той группировки, которая оказалась приближенной к Ельцину, ввели в обиход термин «*семья*». Он порождал отрицательные ассоциации, поскольку «семьями» называют мафиозные кланы. Значение этого термина известно, ярлык прижился и выполнял свою идеологическую функцию.

Замена слов и понятий политическими эвфемизмами приводит к болезни общества, которую еще Фукидид в античное время назвал *коррупцией языка*. Будучи свидетелем упадка Афин, он оставил описание коррупции как важнейшего признака этого упадка — слова начали означать нечто противоположное тому, что они всегда означали. Разные партии стали использовать одно и то же слово в разных смыслах.

Художественное осмысление дал писатель Оруэлл со своим образом «*новояза*» в романе-антиутопии «1984». Оруэлл дал фантастическое описание тоталитарного режима, главным средством подавления в котором был новояз — специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов. Оруэлл описывал западное общество, переживающее «выверт демократии» — искусственный тоталитаризм, одним из средств власти которого был искусственный язык с замещенными смыслами. Понятие Оруэлла вошло в философию и социологию, создание новоязов стало важной политической технологией.

Глава 2.

**ИНЫЕ ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ**

**Язык чисел. Мера**

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Согласно мифу, Прометей был наказан Зевсом именно за то, что он передал человеку огонь и число, чем сделал его почти равным богам. В числе, как и в слове, заложены множественные смыслы. Магия числа в том, что оно, в отличие от слова, обладает авторитетом *точности* и *беспристрастности*. Поэтому число — один из главных объектов манипуляции.

Изначально числа нагружены мистическим содержанием. Не будем углубляться в «число зверя» и каббалистику. Мистический смысл числа и счета — общее явление. Пастух хоть в Туркмении, хоть в тундре, никогда не скажет, сколько у него овец или оленей, хотя знает их всех «в лицо».

Число, как и слово, было изначально связано с *вещью*. Последователи Пифагора считали, что в числе выражена сущность, природа вещи, при этом число не может лгать, и в этом его преимущество перед словом. Они считали даже, что числа это те матрицы (парадигмы), по которым создаются вещи — вещи «подражают числам». Если число «не может лгать» это дает тем, кто оперирует числами, такую свободу, с которой не сравнится никакая «свобода слова». Математик Кантор так и сказал: «Сущность математики заключается в ее свободе».

В Новое время на Западе *рынок* стал метафорой всего жизнеустройства. Общественные отношения во всех сферах жизни уподобились эквивалентному обмену товарами. Товарная форма, приравнивающая разные сущности к общему эквиваленту, есть количественная категория, устраняющая качественное своеобразие вещей. Современный мир западного типа иногда называют «царством количества».

Общественные изменения, ведущие к усилению количественного начала в мышлении за счет качественного, сразу сказываются и на языке — здесь на первый план выдвигаются количественные характеристики, число оказывается в центре внимания в политических выступлениях. Лингвисты отмечают интенсивный процесс *квантификации* русского языка в течение последнего десятилетия. Это выражается, например, в широком использовании приставок *сверх-*, *супер-*, *мини-* (иногда можно даже увидеть вывеску *минисупермаркет*).

Для этого часто привлекаются иностранные, особенно англоязычные слова. Интересную книгу называют *бестселлер* (чисто количественное понятие), слово *подросток* вытесняется словом *тинэйджер*. Слово *подросток* выражает важное качественное состояние человека, а *тинэйджер* — возрастная категория, в которой число лет обозначается в английском языке словом с *teen*, то есть от 13 до 19 лет.

Свобода тех, кто «*владеет числом*» означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто «*потребляет*» числа. Сила убеждения чисел огромна. Это предвидел уже Лейбниц, который писал: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: подсчитаем!» Эта утопия означает полную замену качеств (*ценностей*) их количественным выражением (*ценой*). В свою очередь, это снимает проблему *выбора* и заменяет ее проблемой *подсчета*, что и является смыслом технократии.

Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо. Свое очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры — и все равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам *вид* числа.

Очень часто в идеологических целях числом характеризуют расплывчатые, не поддающиеся измерению величины,

причем нередко с высокой точностью, что сразу выдает манипуляцию. Академик Т.И. Заславская, агитируя за экономическую реформу, утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17%, а в сильных — 32%. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах. Понятие «трудиться в полную силу» в принципе неопределимо, это не более чем метафора — однако оно «измеряется» социологом с точностью *до 1 процента*. Этот прием взят из арсенала рекламы, которая все же выглядит скромнее в своих претензиях и дает свои оценки с точностью до 10%: «С новыми «памперсами» попки стали на 40% здоровее», «С новым шампунем «Шаума» волосы стали на 30% сильнее».

Манипулирующая сила числа многократно возрастает, когда числа связаны в математические *формулы* и *уравнения* — здравый смысл против них бессилён. Здесь возник целый большой жанр манипуляции (особенно в сфере экономики, где одно время даже господствовала целая «наука» — эконометрия; ее репутация рухнула в момент кризиса 1973 г., когда все ее расчеты оказались ложными).

Хотя число выглядит «точным» знаком, в воображении оно создает *образы* и на деле часто служит *метафорой*. Поэтому манипуляторы часто запускают в общественное сознание числа, деформирующие («поражающие») воображение. Они просто обезоруживают разум человека. И. Бунин писал в книге «Окаянные дни» (1918): «Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение — перешагни же меру. Это как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт!?» А назначь тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как? Семь повешенных?!» — «Нет, милый, не семь, а семьсот!» — И уже тут непременно столбняк — семерых-то висящих еще можно представить, а попопуй-ка семьсот, даже семьдесят!»

Особо потрясают разум цифры, приводимые *в качестве художественного образа*. Дело в том, что цифры художника нельзя понимать буквально, соотносить их с цифрами физическими, они сродни цифрам религиозным. Религии же «уклоняются от контакта с историческим временем». Глупо было

бы и верить, и не верить, что Ной прожил 950 лет, как сказано в Библии. Это «не те» годы. Но люди принимают числа писателей за «те» числа! Одни верят, и это нелепо, другие возмущаются, принимают эти цифры за злодейский обман.

Классический пример — утверждения, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн. человек. Сейчас движение «населения» ГУЛАГа по годам, со всеми казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что данные о расстрелах надо понимать как художественные гиперболы — но ведь весь культурный слой воспринимает их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Налицо расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и «сорока трем миллионам расстрелянных».

Именно ради воздействия на воображение, а не на разум, манипуляторы стремятся раздуть, увеличить и так огромные числа, причем увеличить их в десятки а то и сотни раз. Само это стремление преувеличить реальную количественную меру может служить признаком манипуляции. Вот типичное умозаключение из идеологически важной книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе».

Это манипуляция с числами. Что значит «250 млн. потеряло Отечество в XX веке»? Эти люди умерли? А сколько умерло в XIX веке? Они не были потеряны? Контекст протягивает нить к ГУЛАGu. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн. человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год — как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число этих смертей пришлось на годы войны.

Пожалуй, самым большим достижением при манипуляции с числами является разрушение у человека способности «взвешивать» явления, он утрачивает *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек теряет инструмент измерения и

снижает точность, «меряет на глазок», он теряет саму *систему координат*, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы. Во время перестройки деформация в мышлении привела к необычной интеллектуальной патологии — утрате *расчетливости*.

Вот пример. Телевидение чрезвычайно широко и настойчиво освещает террористические акты, показывает взорванные дома, окровавленные тела жертв, горе близких. В результате в массовом сознании создается неадекватное представление об опасности стать жертвой террористов, что влияет и на установки, и на поведение людей. Оно «программируется» этим страхом, который возбуждается средствами воздействия на сознание.

Если бы человек подошел к вопросу трезво, он мог бы легко оценить, что эта опасность на три порядка (в тысячу раз) меньше, чем вероятность стать жертвой катастрофы за рулем автомобиля. Из 35 миллионов водителей в России ежегодно гибнет 1 на тысячу. От терактов в РФ гибнет в год менее 1 человека на миллион. Но ведь люди не боятся ездить на машине.

В условиях обширной программы манипуляция, когда разрыхляются системы психологической защиты и нарушается система ориентации, наши *инструменты меры* могут быть сильно испорчены. Так, к концу 80-х годов у очень большого числа людей стало проявляться явление, носящее название «*феномены Пиаже*» (Ж.Пиаже открыл его, изучая мышление детей и описал в работе «Генезис числа у ребенка»). Заключается оно в неспособности количественно сравнивать предметы, имеющие разную форму. Так, два шарика пластилина равного диаметра кажутся детям одинаковыми. Но если их раскатать в полоски разной длины, то более длинная полоска кажется большой, а короткая — маленькой.

Пиаже нашел, что в основе этого явления лежит то, что многие даже взрослые люди не владеют «*принципом сохранения величины или количества*», в то время как овладение этим инструментом меры «составляет необходимое условие всякой рациональной деятельности».

Мы могли наблюдать, как это условие утрачивалось в среде интеллигенции. В ходе реформы произошло резкое разделение по благосостоянию людей, как казалось, одного круга (например, сослуживцев). Обедневшие интеллигенты объясняли обогащение узкого слоя личными качествами этих людей — энергией, предприимчивостью, хитростью, даже непорядочностью. Благодаря этим качествам они, мол, «создали» свое богатство. Свою же бедность они объясняли тем, что «не создали» такого же богатства в силу иных личных качеств — они остались верны своей профессии, им претит заниматься торговлей, они не могут делать подлостей и т.д. Но если бы могли — то тоже стали бы богаты и, в принципе, если бы все приняли жизненные нормы «новых русских», то все были бы столь же богаты. Принцип сохранения количества в этих рассуждениях отброшен, люди не видят, что богатство перераспределилось, а не увеличилось.

Манипуляторами был усилен и использован частый дефект количественных сравнений — разделение частей и целого. Например, человек, имевший хорошую квартиру с газом, отоплением и телефоном, а также дачу под Москвой, считал себя бедняком по сравнению со своим западным коллегой только потому, что у того был автомобиль. Вспомним очень популярный фильм «Ирония судьбы». Оба его героя — врач из поликлиники и учительница — соглашались в том, что зарплата у них меньше, чем того заслуживает их профессия. При этом они не замечают, что оба только что получили бесплатно квартиры в хороших домах.

Фильм снимался в доме около метро «Юго-Западная» в Москве, вот и возьмем нынешнюю рыночную цену этой квартиры. Она равна зарплате нынешней учительницы за 100 лет работы. Но такую добавку к зарплате ни учительница, ни врач «застойного времени» не замечали. Как не замечали и того, что на ту «маленькую» зарплату они могли без потрясения для своего кармана полететь на самолете, взять такси и т.д. Они, как дети, не знали, что все это стоит больших невидимых денег, которые и даются им как часть платы за их труд на общее благо. На Западе полоска пластика больше!



Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом — способность быстро прикинуть в уме порядок величин. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Очень сильно действуют на сознание *большие числа* — человек не может их мысленно освоить, они поражают воображение. Так, в 80-е годы было широко распространено мнение, будто село неэффективно, и это выражается в том, что горожан «гоняют на картошку». Авторы пишут, как о чем-то ужасном: «*Госкомстат сообщает, что на сельскохозяйственные работы отвлекается ежедневно в среднем 300-400 тыс. человек*». Воображение поражено этой величиной. Но давайте введем меру. Итак, условно говоря, постоянно в селе работало 300—400 тыс. «привлеченных». Так ли это много? Во время пиковых нагрузок в сельском хозяйстве везде привлекают дополнительных работников — в США несколько миллионов сезонников-мексиканцев, в Испании марокканцев, а теперь латвийских и российских инженеров (они дешевле марокканцев). В СССР всего в народном хозяйстве было занято 138 млн. человек, следовательно, «отвлеченные на село» составляли 0,22—0,29% от этого числа (или около 1% от числа занятых в сельском хозяйстве). Это величина очень небольшая — несопоставимо с тем значением, которое ей придавалось.

Широко распространена манипуляция с числами посредством использования «*средних*» показателей. Вот, и власти, и оппозиция в РФ утверждали, будто потребление в стране упало в результате реформы на 30%. Если быть точными, то в 1999 г. потребление мяса и мясопродуктов в среднем по РФ составило 57,5% по отношению к 1990 г. Спад на 42,5%. Но ведь этот спад не распределился равномерно по всем слоям населения — он сосредоточился почти исключительно в обедневшей половине народа. Значит, в этой половине потребление мяса упало на 60—80%! А власти, оппозиция, да и широкие массы обывателей делают вид, что не понимают этой простой вещи.

Искаженный образ возникает и вследствие употребления *относительных* чисел без указания *абсолютных* величин. Допустим, спад производства тракторов в РФ в 1990 г. был 10%, и рост их производства в 1999 г. был 10%. Телевидение представило это как восстановление производства. Ура, идет «компенсация спада», на 10% упало, на 10% приросло. Но в 1990 г. спад в 10% означал потерю в 24 тыс. тракторов, а в 1999 г. увеличение производства на 10% означало прирост в 1 тыс. тракторов — в *абсолютном* выражении вещи несоизмеримые.

В целом, манипуляция с числами портит «инструменты меры» как одной из важнейших составных частей оснащения ума.

### Язык образов

Воздействуя на духовную сферу человека, слово порождает цепной процесс. Пробужденное словом чувство усиливает ход мысли вызванной этим словом, а в воображении возникают и начинают жить своей жизнью *образы*.

Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как назвали его недавно) писал: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл».

В другом месте он вновь возвращается к роли образов в программировании поведения: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков».

Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с сообщением, посылаемым открыто, ма-

нипулятор отправляет адресату и скрытый, «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия.

Сообщение может содержать в себе уже готовые образы или образы в комбинации со словом. Поэтому культуре выделяют особый мир графических и живописных форм, воспринимаемых с помощью зрения — *эйдосферу* (от греческого слова эйдос — вид, образ).

Как правило, *зрительные* образы употребляются в совокупности с текстом и числами, что дает кооперативный эффект. Так, на рекламных щитах мы всегда видим специально сконструированный зрительный образ и текст. Кооперативный эффект комбинации текста и образа связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга — восприятие *семантическое* и *эстетическое*. Самые эффективные средства информации одновременно захватывают и мысль, и художественное чувство (говорят, что «семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия *театра* (текст, звук голосов, цвет, пластика движений). Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает новое качество, причем в его создании важную роль играет *зрительный зал*. В некоторых отношениях он образует специфическую толпу.

Ле Бон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых театральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу,

зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Эффект соединения слова и образа хорошо виден даже на простейшей комбинации. Издавна известно, что добавление к тексту хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Иллюстрации делают книгу доступной для ребенка или подростка, который не мог ее осилить в издании «без картинок». Графики и диаграммы делают статью интересной (на деле — понятной) для ученого.

Гениальным изобретением для передачи сообщений людям, не привыкшим читать, были *комиксы* — короткие упрощенные тексты, каждый фрагмент которых снабжен иллюстрацией. Сначала комиксами называли юмористические, комические тексты с рисунками, потом эта удачная форма распространилась на другие типы сообщений — а название сохранилось.

Став важной частью массовой культуры США, комиксы в то же время были мощным инструментом идеологии. Вся история современной американской идеологии неразрывно переплетена с историей комиксов. Изучавший феномен комиксов культуролог Умберто Эко писал, что комиксы «породили уникальное явление — массовую культуру, в которой пролетариат воспринимает культурные модели буржуазии в полной уверенности, что это его независимое самовыражение».

Мы в России, стране с традиционной культурой чтения, с трудом можем представить себе ту роль, которую сыграли комиксы в формировании массового сознания американской нации. Они «вели» среднюю американскую семью из поколения в поколение. В одной из книг по истории комиксов, изданной в 1977 г., приведены данные об известных сериях, которые к тому моменту издавались без перерыва в течение 80 лет! Известной уже и нам серии «Супермен» исполнилось 70 лет непрерывного издания.

Насколько необходимым «духовным хлебом» стали для американцев комиксы, говорит такой случай. Незадолго перед Второй мировой войной забастовка типографских рабо-

чих вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски. Возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио — чтобы успокоить город. Жители одного городка штата Иллинойс устроили референдум и переименовали свой город в Метрополис — вымышленный город, в котором действовал Супермен.

Крупные исследования с применением ряда независимых методов показали, что в середине 60-х годов в США ежедневно читали комиксы в газетах от 80 до 100 миллионов человек. Почти 60% читателей читали в газете практически только комиксы. Даже во время Второй мировой войны средний читатель газеты сначала прочитывал комикс, а во вторую очередь — военную сводку. Наибольший интерес к комиксам проявляют люди в возрасте 30-39 лет. Однако 99% детей школьного возраста читают комиксы регулярно. Обсуждение прочитанных комиксов — главная тема бесед у школьников, что делает этот жанр культуры важнейшим механизмом социализации детей.

Вымышленные персонажи и даже прототипы искусственно созданной «человекообразной расы», как Супермен или Батман, стали неотъемлемой и необходимой частью духовного мира американца. Когда автор известной серии «Лилль Абнер» Аль Капп ввел нового персонажа, Лену-гиену, «самую некрасивую женщину в мире», он попросил читателей прислать свои предложения с описанием черт ее лица. Он получил более миллиона писем с рисунками. В конце 70-х годов комиксы «Лилль Абнер» печатались в США в более чем 1000 газет и имели 80 миллионов читателей ежедневно. Джон Стейнбек выдвигал Аль Каппа на Нобелевскую премию по литературе.

Такой необычайно эффективный «захват» массовой аудитории комиксы смогли обеспечить именно благодаря совмещению текста со зрительными образами. Получив такую власть над читателем, комиксы стали выполнять множество идеологических функций в американском обществе. Так, они стали главной «лабораторией», создающей *новояз*. Авторы комиксов вместе со специалистами по психоанализу и лингвистике разрабатывают и внедряют в сознание неологизмы —

новые слова, которые быстро входят в быденное сознание, в язык массовой культуры, а затем и в официальный язык.

Очень большую роль в привлечении зрительных образов к манипуляции сознанием сыграла новаторская практика немецких фашистов. Фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действо — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и рассудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как в раннем Средневековье.

Немцы действительно коллективно видели «явления», от которых очнулись лишь в самом конце войны. Эти их объяснения (в том числе на Нюрнбергском процессе) принимались за лицемерие, но когда их читаешь вместе с комментариями культурологов, понимаешь наличие в этом большой проблемы. Например, никогда не было удовлетворительно объяснено, на что немцы могли надеяться в безумной аванюре Гитлера. А на деле ни о каком расчете и речи не было, в них возникла коллективная воля, в которой и вопроса такого не стояло. Немцы оказались в искусственной, созданной языком Вселенной, где, как писал Геббельс, «ничто не имеет смысла — ни добро, ни зло, ни время и ни пространство, в которой то, что другие люди зовут успехом, уже не может служить мерой».

В 1934 г. фюрер поручил снять фильм о съезде партии нацистов. Весь съезд с его миллионом (!) участников готовился как съемка грандиозного фильма, целью был именно фильм: «Суть этого гигантского предприятия заключалась в создании искусственного космоса, который казался бы абсолютно реальным. Результатом было создание первого истинно документального фильма, который описывал абсолютно фиктивное событие», — пишет современный исследователь того проекта.

Фашисты эффективно использовали зрелища и кино. Они создавали огромные спектакли, в которых реальность теряла свой объективный характер и становилась лишь средством, декорацией. В 1943 г., после разгрома в Сталинграде, Гитлер для подъема духа решает снять во фьорде Нарвит суперфильм

о реальном сражении с англичанами — прямо на месте событий. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в котором три года назад они были разбиты. Поистине «натурные съемки» — реальные военные действия, проводимые как спектакль. Даже генерал Дитль, который командовал реальной битвой, должен был играть в фильме свою собственную роль.

Тогда не удалось — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма. И фюрер приказывает начать съемки фильма о войне с Наполеоном. В условиях тотальной войны, уже при тяжелой нехватке ресурсов, с фронта снимается для съемок двести тысяч солдат и шесть тысяч лошадей, завозятся целые составы соли, чтобы изобразить снег, строится целый город под Берлином, который должен быть разрушен «пушками Наполеона» — в то время как сам Берлин горит от бомбежек. Строится серия каналов, чтобы снять затопление Кольберга.

Уроки фашистов были тщательно изучены. Соединение слова со зрительным образом было взято на вооружение пропагандой Запада. Целая серия интересных исследований показывает, как Голливуд подготовил Америку к избранию Рейгана, «создал» рейганизм как мощный сдвиг умов среднего класса Запада вправо. Можно выразить уважение к мастерству специалистов кино: они работали упорно, смело, творчески. Операторы искали идеологический эффект угла съемки, специалисты по свету — свой эффект.

Важный пример — использование зрительных образов в сочетании с авторитетом *науки*. Речь идет о *географических картах*. Они оказывают на человека огромное идеологическое воздействие. Уже с начала XX века (точнее, с зарождением геополитики — крайне идеологизированного учения о территориальных отношениях между государствами) карты стали интенсивно использоваться для манипуляции общественным сознанием.

В ходе развития цивилизации человек выработал два разных языка для записи, хранения и передачи информации —

*знаковый* (цифра, буква) и *иконический* (визуальный образ, картинка). На пути соединения этих двух языков совершенно особое место занимает изобретение карты — важная веха в развитии культуры.

Карта как способ «свертывания» и соединения различной информации обладает огромной, почти мистической эффективностью. Она имеет не вполне объясненное свойство — «вступить в диалог» с человеком. Карта — инструмент творчества, так же, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах).

В то же время карта мобилизует *подсознание*, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом есть возможность создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это выражение *представления* о реальности, переработанного соответственно той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека авторитетом научного знания. Для человека, получившего современное образование, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

Первыми широко использовали географические карты для идеологической обработки населения немецкие фашисты. Они установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание. И они не скупилась на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического дела. Эти карты заполнили учебни-



ки, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой и в истории географии, и в истории идеологии.

В последние годы фабрикация географических карт стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Это — особая «горячая» сфера манипуляции сознанием. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта былого расселения народа, утраченных исконных земель и т.д. безотказно воздействует на подогретые национальные чувства. При этом человек, глядящий на карту, беззащитен против того текста, которым сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться.

Мы сами были свидетелями, как во время перестройки идеологи, помахав картой Прибалтики с неразборчивой подписью Молотова, сумели полностью парализовать всякую способность к критическому анализу не только у депутатов Верховного Совета СССР, но и у большинства здравомыслящих людей. А попробуйте спросить себя сегодня: какую же там ужасную тайну увидели? Почему при виде этой филькиной грамоты люди усомнились в законности существования СССР и итогов Второй мировой войны? Никто не вспомнит. А на той карте и не было ничего такого, что могло бы вызвать это «озарение». Просто манипуляторы хорошо знали воздействие самого вида карты на сознание. Поскольку тоталитарный контроль над прессой был в их руках и никакие призывы к здравому смыслу дойти до масс не могли, успех был обеспечен.

Сегодня главным средством воздействия на сознание стал язык телевидения с особым жанром — *рекламой*, главный смысл которой заключается именно в манипуляции сознанием. Но телевидение заслуживает отдельной главы.

### **Мир звуков и запахов**

Мы не можем подробно обсудить все виды знаковых систем, которые становятся мишенью для воздействий, служащих манипуляции сознанием. Укажем коротко еще лишь некоторые. Важная знаковая система — *акусфера*, мир звуковых форм культуры. Звуки, воздействующие в основном не

на разум, а на чувства, всегда занимали важное место в программировании поведения. Восприятие слова в большой степени зависит от того, *каким голосом* оно произнесено. Те, кто служил в армии, знают, например, что такое «командирский голос».

Мы говорили о «семантическом терроре» — убийстве слов, обладающих глубокими множественными смыслами, или подмене смысла слов, создании новоязов и антиязыков. Но важна и *фонетика*, произношение слова и фразы вслух. Выше, в гл. 4, упоминались исследования психоаналитиков о том, как действует на подсознание голос политика и как это сказалось на восприятии радиодебатов между Кеннеди и Никсоном. Сегодня мы можем наблюдать программу изменения фонетической основы русского языка. Вот кажущееся безобидным дело — замена дикторов радиовещания и телевидения.

За шестьдесят лет люди привыкли к определенному типу «радиоголоса» как к чему-то естественному. И мало кто знал, что в действительности в СССР сложилась самобытная, одна из лучших в мире, школа радиовещания как особого вида культуры и даже искусства XX века. На советском радио один и тот же диктор, мастерски владея несколькими «голосовыми инструментами», — тембром голоса, ритмом, темпом и множеством других параметров чтения, — мог в совершенстве зачитать и сообщение из области медицины, и на сельскохозяйственную тему, а они требуют разной аранжировки. В такой новой области, как радиовещание, удалось воплотить старые традиции русской музыкальной и поэтической культуры.

С начала 90-х годов дикторы радио, подражая «Голосу Америки», стали использовать чуждые русскому языку тональность и ритм. Интонации часто не соответствуют содержанию и бывают оскорбительны (когда речь идет о трагических событиях). Сообщения читаются таким голосом, будто диктор с трудом разбирает незнакомый текст. Резко снизилась общая грамотность — дикторы проглатывают целые слова, а уж о мелких ошибках вроде несогласования падежей и говорить не приходится. Все это — подкрепление «семантическому террору» со стороны фонетики.

Очевидно и воздействие *музыки* на сознание. Стоит вспомнить эффект боевого или траурного марша, песни «Вставай, страна огромная» или выступления рок-ансамбля перед толпой «фанатов». Об эффекте музыки в программировании поведения (обычно в совокупности с другими каналами воздействия — словом, пластикой движений и зрительными образами) написано море литературы.

Надо добавить только, что не менее важной, чем звук, частью акусферы является *тишина*. На мышление, сознание и подсознание человека действует именно чередование звука и тишины — со своим ритмом и интенсивностью. Ницше не раз возвращался к глубокой мысли: «великие события случаются в тишине» («приходят на голубиных лапках»). Если же речь идет о взаимосвязи бытия и политики (а именно здесь лежит проблема манипуляции сознанием), то роль тишины возрастает еще больше. Хайдеггер, который продолжил мысль Ницше об аристократии посвященных, призванных управлять массой, даже поставил вопрос о создании *сигетики* — техники молчания. Это — «тихая», более или менее подсознательная коммуникация среди посвященных посредством умолчания.

Напротив, чтобы предотвратить возможность зарождения собственных групп элиты (интеллигенции) в массе управляемых и угнетенных людей, эту массу нужно полностью лишить тишины. Так на современном Западе возникло явление, которое получило название «*демократия шума*». Создано такое звуковое (и шумовое) оформление окружающего пространства, что средний человек практически не имеет достаточных промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и додумать до конца связную мысль. Это — важное условие его незащитности против манипуляции сознанием. Элита, напротив, очень высоко ценит тишину и имеет экономические возможности организовать свою жизнь вне «демократии шума».

Отметим вещь еще менее явную, чем тишина — сигналы *запахов*. Значение их обычно ускользает. Тот факт, что мир запахов с точки зрения манипуляции сознанием и поведением недооценивается, можно считать странным. Известно, что эта знаковая система оказывает на поведение самое мощное воздействие. Достаточно вспомнить о том, какую роль играют

духи как знаки, как носители сообщений в самых тонких человеческих отношениях. Известно также, что метафора запаха используется в пропаганде очень широко. Слова о запахе действуют на воображение, и под воздействием слов человек как бы ощущает тот или иной запах.

На практике Запад в полной мере использовал запахи в укреплении культурного ядра общества и предложил людям из всех социальных групп и всех субкультур богатейший «рацион» запахов. Были развиты мощные отрасли промышленности — парфюмерия и косметика, табачных изделий, напитков и т.д., — в которых запах играл ключевую роль. Дизайнеры буквально проектируют запахи ресторанов, отелей, аэропортов, целых кварталов. Тот, кто впервые приезжал на Запад из России, сразу замечал контраст именно в мире запахов.

К сожалению, воспитанный европейской рациональной школой человек утратил традиционное знание о роли запахов в поведении людей. Здесь — потенциально опасный, неприкрытый участок фронта нашей обороны против манипуляции сознанием.



**Главные мишени  
манипуляторов сознанием:  
духовные процессы**

Глава 1.

**МЫШЛЕНИЕ:  
ЕГО ТИПЫ И ОСНАЩЕНИЕ**

**Логическое мышление**

На какие психические и интеллектуальные структуры личности направляют манипуляторы удар, чтобы разрушить психологические защиты и «подготовить» человека к манипуляции? Что надо сделать, чтобы отключить здравый смысл?

Когда мы говорили о словах, числах и других знаках, с помощью которых люди обмениваются информацией и организуют свое мышление, речь шла об элементах «оснащения ума». Однако в ходе своей эволюции человек выработал и сложные умственные процессы. Один из них — *логическое мышление*.

Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим». Действительно, большинство европейски образованных людей просто не задумывается над тем, насколько недавнее это приобретение — умение мыслить логически.

Есть и мышление дологическое или *пралогическое*. Речь идет о двух разных мыслительных структурах, которые существуют в одном и том же обществе и даже в одном и том же индивидуальном сознании. То есть, в некоторых условиях человек может «переключиться» и начать мыслить пралогич-

но. Суть такого мышления в том, что оно не выстраивает цепочки причинно-следственных связей и не сопоставляет свои выводы с опытом. Причины явлений носят, при таком видении мира, мистический характер.

Манипуляция сознанием, основанная на пралогическом мышлении, как технология невозможна (в отдельных случаях она возможна как импровизация). Дело в том, что это мышление непредсказуемо для технолога, он не может вычислить его «алгоритм». Впрочем, особой потребности в манипуляции и не бывало, потому что носителей такого мышления колонизаторы просто уничтожали или вытесняли с территории.

Напротив, логическое мышление прозрачно, его структура хорошо изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. Так удается отключить способность к структурному анализу сообщений и явлений — анализ заменяется идеологической оценкой. Вот пример структурного сравнения. В начале 90-х годов власти РФ отказали в политическом убежище и выдали ФРГ бывшего президента ГДР Э. Хонеккера, обвиненного в том, что во время его правления солдат-пограничников ГДР заставляли выполнять Закон о границе, и на Берлинской стене погибло несколько десятков человек.

Сомневался ли кто-нибудь при этом в легитимности закона ГДР о границе? Нет, закон ГДР был аналогичен законам других стран. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности самого Хонеккера как руководителя государства? Нет, везде его тогда принимали как суверена, воздавая во всех столицах установленные дипломатическим протоколом почести. В чем же адепты правового общества видели его вину? В том, что стрелять в людей, которые пересекают границу в неустановленном месте без документов, — преступление. И если это случается, то власти любой великой державы обязаны захватить руководителя такого государства, где бы он ни находился, и отправить его в тюрьму.

Допустим, что это так. Тогда возникает вопрос: когда поведут в тюрьму Маргарет Тэтчер? Во время ее мандата на

границе английской колонии Гибралтар погибли сотни марокканцев, которые хотели абсолютно того же, что юноши из ГДР — пересечь границу без документов. Когда начнется суд над Дж. Бушем старшим? Ради соблюдения закона о границе США каждую осень вдоль Рио Гранде звучат выстрелы и, получив законную пулю, тонут незаконные иммигранты («мокрые спины»). Чего желали эти люди, кроме как незаконно пересечь границу ради чего-то привлекательного, что было для них за ней? В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? На берлинской стене за сорок лет погибло 49 человек, а на Рио Гранде, согласно официальным данным полиции США, только за 80-е годы погибли две тысячи мексиканцев\*. Структурно — разницы никакой.

Кстати, судили Хонеккера за его действия, совершенные в ГДР, по законам другой страны (ФРГ), чего никто даже не попытался объяснить. Приложите это к любому другому случаю (например, Клинтон изменил жене в США, и его похищают спецслужбы Саудовской Аравии, где ему на площади отрубает голову — так там наказывается адюльтер).

Когда были подведены итоги исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин искусственная *шизофренизация* сознания. Шизофрения (от греческих слов *schizo* *расщепляю* + *phren um*, *рассудок*) — это расщепление сознания. Один из характерных симптомов шизофрении — утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями.

Ясно, что если удастся «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать. Им не остается ничего иного, как просто верить выводам приятного диктора, авторитетного ученого, популярного поэта. Потому что иной выход — огульно «не верить никому» — вызывает такой стресс, что выдержать его под силу немногим.

---

\* Иммигранты-мексиканцы гибнут в основном не от рук пограничной полиции, а от мафии, которая занимается нелегальной переброской сезонников, но по сути это дела не меняет.



Легче всего разрушение логики достигается в сознании, которое рационально в максимальной степени. Наиболее чистое логическое мышление весьма незащищено. То мышление, которое «армировано» включениями иррациональных представлений, гораздо устойчивее. Во время перестройки именно интеллигенция оказалась более всего подвержена искусственной шизофренизации, причем с большим отрывом от других социальных групп. Наиболее устойчивым было мышление крестьян.

Хорошо изученный психологами эпизод — манипуляция сознанием со стороны компании АО «МММ» (Сергей Мавроди), своего рода эксперимент. С помощью рекламы большую выборку граждан — 7% москвичей — убедили отнести и отдать свои деньги группе дельцов без всякой разумной надежды получить их обратно. Отнесли, отдали — и потеряли. Но даже после этого 75% из них «верили Сергею Мавроди» — и его избрали депутатом парламента. Даже после полного и окончательного краха, 29 июля 1994 г., тысячи людей стояли в очереди, чтобы купить со скидкой «билеты МММ». Эти билеты вообще не были ценными бумагами и печатались «на правах рекламной продукции», но это никого не волновало.

Несколько групп исследователей изучали структуру мышления этих людей, и результат не вызывает сомнения: на некоторое время логика их рассуждений была «расщеплена». При опросах им был задан вопрос: «Понимаете ли Вы, что такая прибыль, которую обещало «МММ», не могла быть заработана?». 60% ответили утвердительно. Да, они понимали, что невозможно получить такие высокие дивиденды, но шли и отдавали деньги.

Каков же состав вкладчиков АО «МММ»? В основном это представители научно-технической интеллигенции в возрасте до 40 лет. Соотношение интеллигентов и рабочих составляет в этой выборке 13:1. И это притом, что вся реклама «МММ» вроде бы ориентировалась на Леню Голубкова — простоватого рабочего.

Что такое рационализм? Декарт писал: «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью... включать в свои суждения только то, что

представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению». В итоге это означает, что из «оснащения ума» исключается знание, записанное на языке традиции — оно, выражаясь словами Декарта, не познается с очевидностью и не является полностью ясным и отчетливым. Между тем традиции содержат огромный фонд информации, хотя она и не может быть подтверждена научными методами.

Разумеется, установка рационализма совершенно законна и необходима в научном исследовании. Ослабляющее воздействие норм рационализма сказывается, когда ум «выходит за стены научной лаборатории» и речь идет об осмыслении реальных, целостных проблем жизни. Приложение к таким проблемам чисто научного метода есть не наука, а *научность* — незаконная операция, имитация науки

Почему «островки традиции», то есть хранящегося в глубинах исторической памяти знания, не подвергаемого логическому анализу, укрепляют рациональное мышление? Почему они служат эффективными устройствами «аварийной сигнализации»? Потому, что действуют автоматически, и их трудно отключить извне манипуляторами нашего сознания.

Взять ту же аферу «МММ». Ясно, что людей соблазнили возможностью получить большую «легкую» прибыль, пустив свои деньги в рост. Согласуется ли это с русской культурной традицией? Нет, традиция содержит множество предупреждений (например, в виде пословиц) против соблазна легких денег и спекуляций — добра от них не жди. Если бы это «неявное знание», было включено в оснащение ума, то при мысли о возможных выгодах вклада в «МММ» оно подавало бы тревожные сигналы и многих заставило внять голосу здравого смысла.

Люди, в которых образование и характер работы подавили традиционные запреты, оказались податливее к манипуляции, чем люди физического труда с более низким уровнем образования. Особенно уязвимы были люди сравнительно молодых поколений, которых за годы перестройки настроили против традиционных («нецивилизованных») норм.

К. Лоренц отмечает факт: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Я уж не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы».

Подчеркнем, что К. Лоренц, виднейший антрополог, считает отказ от традиций гибельным для устойчивости сознания даже в том случае, если этот отказ *полностью оправдан*. То есть, защитная роль традиции не связана прямо с конкретными запретами (например, с запретом «не гонись за легкими деньгами»). Наличие традиции в рациональном мышлении действует как общий механизм, предотвращающий расщепление сознания.

Наряду с традицией, заключающей в себе неявное знание множества поколений, важную охранительную роль играют включения *мистического* мироощущения. Прежде всего, конечно, те, которые достигают уровня религии. Если вернуться к примеру с соблазном «МММ», то видно: включенные в поток рационального мышления блоки религиозного сознания породили бы диалог с ветхозаветной заповедью: «добывать хлеб свой в поте лица своего». То есть, возник бы еще один заслон.

Третий удар рационализм нанес, вытеснив на обочину мышления «*метафизику*» — все качественное, неизмеримое и неизрекаемое. Успехи точных наук породили веру в их всемогущество, в возможность «онаучить» все знание. Это привело к глубокому кризису сознания — ведь ценности не только не поддаются исследованию научным методом, их нельзя даже «уловить» в научных терминах.

Рационализм, «вычистивший» из логического мышления этику и метафизику, выродился в нигилизм — отрицание ценностей. Есть даже такая формула: «Запад — цивилизация, знающая цену всего и не знающая ценности ничего». Как преломляется нигилизм в разных культурах — особая тема. В русской культуре он не раз приобретал взрывной характер

как раз вследствие сочетания рационализма с глубокой, даже архаической *верой*. Но мы здесь говорим о том нигилизме, который мягко, оболочка за оболочкой, снимал защиту разума против манипуляции. Здесь и утрата символов и традиций, и создание нового языка, и разрыв человеческих связей.

Нас здесь интересует одна сторона дела — уязвимость «освобожденного от догм» рационального мышления перед манипуляцией. Эта опасность (беззащитность разума перед «происками дьявола») побуждала Пте к поиску особого типа научного мировоззрения, соединяющего знание и ценности. Путь, предложенный Пте, оказался тупиковым, но важно само его предупреждение.

Немецкий ученый В. Гейзенберг, наблюдавший соблазн фашизма, напоминает: «Еще и сегодня Пте может научить нас тому, что не следует допускать вырождения всех других познавательных органов за счет развития одного рационального анализа, что надо, напротив, постигать действительность всеми дарованными нам органами и уповать на то, что в таком случае и открывшаяся нам действительность отобразит суцностное, «единое, благое, истинное».

В. Гейзенберг пишет: «Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности. В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами. Такое изменение воззрений людей, по видимому, некоторым образом связано с развитием научного мышления».

Ясно, насколько «раскованным» становится мышление, с которого снята цензура устойчивых этических норм. Поражительная легкость, с которой в ходе реформы люди верили

в экономические авантюры (например, в финансовые «пирамиды»), во многом объясняется тем, что на время удалось отключить в массовом сознании этические контролирующие механизмы — тот внутренний голос, который спрашивает: «*А хорошо ли это?*»

Можно сказать, что проблема Добра и Зла была устранена из мыслительного процесса, все свелось к упрощенным рациональным критериям — «эффективности», «рентабельности» и т.п. Так, задолго до реформы начались разговоры о желательности безработицы, но в этих разговорах считалось дурным тоном рассмотреть вопрос в *этической* плоскости, поразмышлять о страданиях людей, которых безработица коснется.

Сейчас, читая центральную прессу конца 80-х годов, поражаешься, насколько безапелляционно утверждались очевидно ложные или по меньшей мере очень сомнительные тезисы. Однако люди верили нелогичным и даже иррациональным утверждениям и не делали своих собственных простых умозаключений. Например, люди поверили, будто частные предприятия обязательно эффективнее государственных — поверили просто вследствие частого повторения в СМИ этого утверждения. А ведь оно не подкрепляется ни логически, ни эмпирически, и верить ему значило нарушать нормы рационального мышления.

Профессор МГУ В.М. Кульков пишет в 1997 г.: «В ходе приватизации упорно внушалась мысль о заведомой неэффективности государственной собственности. Между тем, анализ функционирования предприятий по четырем крупнейшим странам Западной Европы (в середине 80-х гг.) показывает, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было в пользу первого: в ФРГ оно составило 1,34, во Франции — 1,30, в Италии — 1,21, в Великобритании — 1,91, в среднем по четырем странам — 1,44».

Как видим, разница по важному показателю не просто велика, она огромна — как же можно было этим не заинтересоваться, размышляя о таком радикальном изменении, как приватизация всей отечественной промышленности. Многие и сейчас верят ложному тезису, хотя на их глазах всего за

три года после приватизации самой рентабельной промышленности в РФ — нефтедобывающей — производительность труда в ней упала в среднем в 4 раза.

Таким образом, рациональное логическое мышление уязвимо, посредством манипуляции в него можно внедрять «программы-вирусы», так что люди, отталкиваясь от очевидных фактов, приходят к ложному, а иногда и абсурдному умозаключению, противоречащему их интересам.

### **Некогерентность умозаключений**

Одним из главных признаков разумного мышления является внутренняя непротиворечивость умозаключений. Она обеспечивается совместимостью и соизмеримостью использованных понятий и отсутствием разрывов в логике. Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, *некогерентны (incoherent)*. Это рассуждения, в которых «концы с концами не вяжутся».

Из-за некогерентности не возникает диалога, чтобы договориться хотя бы по немногим главным вопросам. Вот советник Президента по экономическим вопросам А. Илларионов говорит в интервью (1999 г.): «Выбор, сделанный весной 1992 года, оказался выбором в пользу социализма... — социализма в общепринятом международном понимании этого слова. В эти годы были колебания в экономической политике, но суть ее оставалась прежней — социалистической». Политика Гайдара и Чубайса — это социализм?! Причем «в общепринятом международном понимании этого слова». Это — абсурд, несоизмеримость понятий.

Экономист Н.П. Шмелев писал в важной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (М., 1989): «Мы производим и потребляем в 1,5-2 раза больше стали и цемента, чем США, но по выпуску изделий из них отстаем в 2 и более раза». Это утверждение некогерентно. Невозможно «потреблять» в 2 раза больше стали, чем США, но при этом «выпускать изделий из стали» в 2 раза меньше, ибо сталь потребляется только в виде изделий — рельсов, арматуры, стального листа и т.д.

Вот другой пример. Академик Т.И. Заславская в 1995 г. в программном докладе на международном форуме сказала: «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.».

Итак, социолог утверждает, что 93% работников не могут теперь жить так, как жили до приватизации, за счет честного труда («личных усилий»), а вынуждены искать сомнительные (порой преступные) источники дохода — но в то же время считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*. Где же логика? Ведь из первой части утверждения прямо вытекает, что приватизация повлияла на экономическое поведение подавляющего большинства граждан самым кардинальным образом.

Несоизмеримость понятий и разрывы в логике, придающие рассуждениям некогерентный характер, резко снижают устойчивость рационального мышления и делают людей беззащитными против манипуляции. Признаки некогерентности являются, одновременно, важным диагностическим симптомом. Они предупреждают о том, что получателя сообщений готовят к манипуляции — или сам отправитель сообщения уже стал жертвой манипуляторов.

### **Аутистическое сознание**

Большое место в сознании занимает *воображение*, особенно создание фантастических образов, способных увлечь массы людей и приглушить в них чувство ответственности. В этом состоянии они обретают особый тип мышления — *аутистического*. Аутизм — состояние психики, при котором человек концентрируется на своей внутренней жизни, активно уходит от внешнего мира.

В мышлении человека сочетаются два компонента: *реалистическое* мышление и *аутистическое*. Первое оперирует

элементами действительности, как она есть, со всеми ее неприятными сторонами. Второе комбинирует созданные воображением образы, от которых неприятная часть реальности «отщеплена» и замечена под ковер. Оба они необходимы, важно, чтобы между ними поддерживалось равновесие.

Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву). Двум типам мышления соответствуют два типа удовлетворения потребностей. Реалистическое — через действие и разумный выбор лучшего варианта, с учетом всех «за» и «против». Тот, кто находится во власти аутистического мышления, избегает действия и не желает слышать трезвых рассуждений. Он готов даже голодать, пережевывая свои приятные фантазии.

Аутистическое мышление — не случайное нагромождение фантазий. Оно *тенденциозно*, в нем всегда доминирует та или иная тенденция, тот или иной образ — а все, что ему противоречит, подавляется. И если удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление выходит на первый план, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес. Это отражено в поговорке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Для того, чтобы манипулировать сознанием путем усиления аутистического мышления, необходимо знать структуру желаний в разных слоях общества, особенно желаний навязчивых. Такие желания специально культивируются в обществе средствами культурного воздействия. Обостряя до предела какое-либо стремление, аутистическое мышление несколько не считается с действительностью.

Например, во время перестройки многие всерьез поверили в утопию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский дом», хотя на Западе никто и никогда не давал оснований считать, будто Россию в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно предста-



вить себе, что в 1989-1990 гг. множество умных и образованных людей в нее верили.

У массы людей идеологи создали самые превратные, внутренне противоречивые представления о понятиях *рынок* и *демократия*, совершенно несовместимые ни с реальностью тех обществ, откуда они были взяты, ни с реальностью России. Почему же они привились на нашей почве, разрушив связную общественную мысль? Потому, что люди попали в такой мыслительный коридор, в котором структуры аутистического мышления господствуют над здравым смыслом. И люди строят в своем воображении фантастические образы.

Идеологи верно подметили и использовали важную черту массового сознания советского человека — избалованность высокой надежностью социальной системы СССР. Два поколения советских людей выросли в никогда раньше не бывавших в истории России условиях: при отсутствии угроз и опасностей. Вернее, при *иллюзии* отсутствия угроз. Эта иллюзия проникла глубоко в душу, в подсознание. Реально люди даже не верили в существование холодной войны — считали ее пропагандой. Нам стали казаться смешными и надуманными все реальные страхи и угрозы, в среде которых закаляется человек на Западе: угроза безработицы, бедности, болезни при нехватке денег на врача и лекарства. Мы даже из нашего воображения вычистили чужие угрозы, чтобы расти совершенно беззаботно.

Человек привык к тому, что жизнь может только *улучшаться*, а все социальные блага, которыми он располагает, являются как бы естественной частью окружающей природной среды и не могут исчезнуть из-за его, человека, политических установок и решений. Вот простой пример: летом 1991 г. несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую осуществило правительство Гайдара в январе 1992 г. Расчет проводился по нескольким вариантам и полностью сбылся в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, но одновременно в массовую печать дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей.

Так, популярный журнал «Огонек» дал такой прогноз Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободны-

ми, то оно будет стоить, я полагаю, 4-5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику», — и так далее по всему спектру товаров.

Сознание людей было уже настолько подготовлено к тому чтобы верить в приятные образы, что даже жестокая реальность либерализации цен, при которой мясо быстро поднялось в цене вместо пяти рублей до 20 тысяч (!) рублей, нисколько эту веру не поколебала.

Сдвиг к аутистическому мышлению в нашем обществе был «организован» средствами манипуляции сознанием. Этому способствовал и общий кризис, всегда толкающий к аутизму как возможности спрятаться от страшной действительности. При общем нарушении психики под воздействием кризисов и социальных катастроф реалистическая функция поражается, как правило, сильнее. Сложность в том, что аутизм заменяет реальность *моделью*, которая по-своему логична и даже респектабельна. Она напоминает построения ученого, и для интеллигенции она привлекательнее, чем реалистичное, охватывающее неприятные стороны действительности, мышление «кухарки».

Господство аутистического мышления при расщеплении логики породило небывалый в истории кризис народного хозяйства. Те шаги, которые к нему привели, были бы невозможны, если бы их не поддержал с энтузиазмом чуть не весь культурный слой, на время увлекший за собой большинство городских жителей.

Во время реформы же проявился важный признак аутистического мышления — придание преувеличенного значения *распределению* в ущерб *производству*. Распределять (а тем более прихватывая себе побольше) легко и приятно, производить и налаживать производство — трудно и хлопотно. Фетишизация рынка (механизма распределения) началась с 1988 года, но уже и раньше состоялась философская атака на саму идею жизнеобеспечения как единой *производительно-распределительной* системы. Можно даже сказать, что здесь речь идет уже даже не о мышлении, а целом аутистическом мироощущении.

Плодом аутистического мышления был и созданный воображением образ той свободы, которая наступит, как только будет сломан «тоталитарный» советский строй. Никаких предупреждений о возможных при такой ломке неприятностях и слышать не хотели. Между тем реалистично мыслящий человек знает, что любая конкретная свобода возможна лишь при условии наличия целого ряда «несвобод». Абсолютной свободы не существует, в любом обществе человек ограничен структурами, нормами — просто они в разных культурах различны.

Парадоксальность аутистического мышления в том, что оно делает возможным веру в противоположные, несовместимые фантазии. Желание устроить в СССР капитализм удивительным образом совмещалось с мечтой о «лишении привилегий», полной социальной справедливости и даже уравнительстве. Иногда отрицающие друг друга тезисы следовали друг за другом буквально в одном абзаце. Бывало, что в статье на экологические темы автор возмущался тем, что высыхает Аральское море — и одновременно проклинал проект переброски в бассейн Аральского моря части стока северных рек.

Одной из самых нелепых фантазий такого рода было бурное и утопическое возрождение в РФ *сословных* притязаний. Откуда ни возьмись, Москва наполнилась дворянами, а то и потомками графов и князей. Возникли конкурирующие дворянские собрания, поиски родословных, стали популярны песни о каких-то поручиках Голицыных — все это под флагом демократии. Говорилось о том, что большевики поголовно уничтожили дворян, а остатки их («два миллиона!») уехали за границу. Даже неудобно было напомнить, что в 1917 г. всех дворян, включая обитателей ночлежек, в Российской Империи было 1,4 миллиона человек. И что большинство из тех дворян, что живут в России, — нормальные люди, и им в голову не приходит тащить в наше время эти оставшиеся в прошлом сословные атрибуты.

Аутизм массового сознания сыграл большую роль в изменении общественного строя в 80-90-е годы. Главным критерием советского жизнеустройства было *сокращение страданий*. На этом пути были достигнуты признанные всем ми-

ром успехи — устранены главные источники массовых страданий — бедность, безработица, бездомность, преступное и межнациональное насилие, массовая гибель в войне с более сильным противником. Альтернативным критерием было *увеличение наслаждений*. В ходе перестройки активная часть общества склонилась к тому, чтобы изменить выбор — пойти по пути *увеличения наслаждений* и пренебречь опасностью массовых страданий.

Шопенгауэр в книге «Афоризмы житейской мудрости» свел главные советы мудрых людей всех эпох. Вот с чего он начинает раздел «Правила общие»: «Первой заповедью житейской мудрости я считаю мимоходом высказанное Аристотелем в Никомахейской Этике (XII, 12) положение, которое в переводе можно формулировать следующим образом: «Мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия страданий»... Нет худшего безумия, как желать превратить мир — эту юдоль горя — в увеселительное заведение и вместо свободы от страданий ставить себе целью наслаждения и радости; а очень многие так именно и поступают».

### **Ассоциативное мышление. Метафоры**

Создание *метафор* — главная задача идеологии. Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в программировании поведения людей. Хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого предусмотрен манипулятором. Вот пример сильной метафоры, введенной в оборот Геббельсом, а затем использованной Черчиллем, — *железный занавес*.

Чем больше давление мозаичной культуры, тем меньшую роль играет логика («полиция нравов интеллигенции»), тем более восприимчиво сознание к манипуляции. Так что нынешнее разрушение университетской культуры в массе населения, наблюдаемое сейчас и в России, и на Западе — необходимое условие для господства посредством манипуляции. Место рационального мышления все больше занимает ассоциативное.

Манипулятивная сила метафор определяется, с одной стороны, их эстетической привлекательностью и кажущейся эв-

ристической ценностью (способностью объяснить сложное явление через знакомую аналогию) — притом, что в действительности предлагаемая аналогия не обладает достаточным подобием и приводит к ложному умозаключению, которое как раз и желательно манипулятору.

Известно, что человек, чтобы действовать в своих интересах (а не в интересах манипулятора), должен реалистично определить три вещи: *нынешнее состояние*, желательное для него *будущее состояние*, *путь перехода* от нынешнего состояния к будущему. Склонность сэкономить интеллектуальные усилия заставляет человека вместо осмысления всех этих трех вещей прибегать к ассоциациям: называть эти вещи какой-то метафорой, которая отсылает его к иным, знакомым состояниям.

Чаще всего иллюзорна и сама уверенность в том, что иные состояния, через которые он объясняет себе нынешнее, ему известны или понятны. Например, российский патриот из оппозиции говорит себе: нынешний режим — как татарское иго. Он уверен, что знает, каким было татарское иго, и в этом, скорее всего, его первая ошибка и первое условие успеха манипуляции. Вторая ошибка связана с тем, что метафора татарского ига в приложении к конкретному режиму начала XXI века непригодна, она не обладает достаточной степенью подобия, чтобы что-то объяснить.

Историк А. Тойнби показал, что глубокие преобразования начинаются благодаря усилиям небольшой части общества, которое он называл «творческим меньшинством». Оно складывается вовсе не потому, что в нем больше талантов, чем в остальной части народа: «Что отличает творческое меньшинство и привлекает к нему симпатии всего остального населения, — свободная игра творческих сил меньшинства».

В середине 80-х годов умами людей в СССР овладела особая, сложная по составу группа, которая представляла собой целое культурное течение — условно их называют «демократы». В атмосфере официальной идеологии они представляли как группа с раскованным мышлением, полная свежих метафор, новых лозунгов и аллегорий. Они вели свободную игру, бросали искры мыслей — а люди додумывали, строили воздушные замки, включались в эту игру.

Вспомним эти метафоры, которые на время подавили способность к здравому мышлению и рассудительности: «наш общий европейский дом», «столбовая дорога цивилизации», «нельзя быть немножко беременной», «пропасть не перепрыгнуть в два прыжка», «коней на переправе не меняют» и т.д. И плотность бомбардировки была такой, что основная часть общества была очарована. Расщепление логики усиливается, когда манипуляторам удается найти эстетически привлекательную метафору. Такой стала метафора «деревянный рубль». Бывало, что человек на бензоколонке наполнял бак бензином за три рубля — и при этом проклинал наши «деревянные».

Объяснительной силой обладают лишь те метафоры, которые удовлетворяют *критерии подобия* с реальным явлением. Если эти критерии не соблюдаются, то умозаключение неразумно. Вспомним метафору «нельзя быть немножко беременной». Ее использовали в пропаганде радикального подхода к реформе. Мол, надо полностью разрушить плановую систему и перейти к стихии рынка. На деле никакого подобия между беременностью и экономикой нет. Более того, реальная экономика и не признает «или — или», она именно «немножко беременна» многими хозяйственными укладами. Данная метафора была типичным инструментом манипуляции. Разрушительный смысл несла в себе и метафора «возвращения в лоно цивилизации». Россия в ней уподоблялась ребенку, который вырос уродом и которого следует вернуть обратно в лоно — совершить «роды наоборот».

Одним из самых больших успехов было для идеологов успешное внедрение в обиход метафор из аллегорической повести М.Булгакова «Собачье сердце». Интеллигенция приняла программу-вирус, не распознав ее манипулятивной силы. Образ Шарикова вошел как метафора не только в идеологию, но и в обыденное сознание — как стереотипное отображение типичного советского человека («совка»). А профессор Преображенский стал положительным героем, задающим этические нормы. На деле этот паразитирующий на номенклатуре профессор — образ *сверхчеловека*, присвоившего себе право создать из собаки человека, не нести за него никакой ответственности, а затем и уничтожить его. Дело, несомненно,

тимое с элементарными нормами этики, не говоря уж о крайнем антидемократизме и даже социальном расизме изречений этого профессора. Связка *Преображенский-Шариков* разрушила символическую конструкцию основы советского строя.

### Стереотипы

Метафоры — это готовые штампы мышления, но штампы эстетически привлекательные. Это — выраженные художественно *стереотипы*. Стереотипы — это устойчивые упрощенные представления и оценки, штампы, *клеймо*, которое общественное мнение ставит на тех или иных людей, явления, социальные группы и т.д. Это «истина», которая не нуждается в доказательстве. В социологии даже есть теория (*labelling theory*), которая описывает процессы выработки и «приклеивания» ярлыков.

Человек не может прожить без «автоматизмов» — обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни сил, ни времени. Таким образом, стереотипы как инструмент восприятия и мышления могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые его жертвы видят действительность — «ставить» перед глазами человека то один, то другой «фильтр».

Поэтому один из важных принципов защиты от манипуляции сознанием состоит в создании неопределенности для манипулятора, как пишут психологи, в «размягчении стереотипных сценариев поведения, расширении диапазона готовых идей и доступных приемов». Понятно, что это требует усилий.

Известный американский журналист Уолтер Липпман в 1922 г. выдвинул целую концепцию *стереотипизации* как основы пропаганды. Он писал: «Из всех средств влияния на человека самым тонким и обладающим исключительной силой внушения являются те, которые создают и поддерживают галерею стереотипов. Мы представляем себе большин-

ство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия».

На магической силе стереотипов основана коммерческая реклама и торговые марки. Частое повторение слов и образов создает стереотип высокого качества какого-то товара. При виде торговой марки («Мерседес», «Аидас» и т.д.) мы не думая убеждены, что перед нами хорошая вещь. Возникла даже «культура» имитации торговых марок. Один японский фабрикант даже фамилию свою поменял, стал Золинген — и выпускал ножи с надписью «М. Золинген». Немцы в суд — бесполезно.

Если подтолкнуть массы людей видеть какое-то явление через нужный стереотип, то несогласным становится очень трудно воззвать к здравому смыслу, убедить людей подумывать, не принимать скоропалительных решений.

Задача манипулятора облегчается тем, что стереотиповмишеней сравнительно немного, особенно у интеллигенции, проникнутой рациональным мышлением (то есть не отягощенной традициями и религиозным видением мира). Такое мышление откладывает в сознании очень небольшую часть всего человеческого опыта, и эта часть «оседает» в памяти в виде стереотипов как заученных и легко узнаваемых готовых умозаключений.

Для успешной манипуляции общественным мнением необходимо иметь надежную «карту стереотипов» разных групп и слоев населения. Очень большой объем исследований был выполнен американскими специалистами, работавшими над изучением умонастроений в зарубежных странах с целью повлиять на них в желательном для США направлении («чтобы внешняя политика США вызывала чувство восхищения или по крайней мере воспринималась без возмущения»). Например, установили, что американцы легко поверили, будто Кеннеди был убит сумасшедшим одиночкой, а европейцы в это не верят. Они считают, что был крупный заговор. Когда это было установлено, версия убийцы-одиночки была исключена из американской пропаганды на Европу.



Наибольшие усилия в США были предприняты для изучения культурных стереотипов разных групп населения СССР (особенно интеллигенции как главной силы, создающей или разрушающей легитимность государства). С профессиональной точки зрения дотошность и объективность американских советологов восхищает. Они действительно нашли в душе советского человека струны, на которых можно было эффективно играть.

Особенно важно использование стереотипов при *«захвате аудитории»*. «Захват» — одна из главных операций в манипуляции сознанием. В ходе ее выполнения манипулятор привлекает, а затем удерживает внимание аудитории и «присоединяет» ее — делает сторонником своих установок (создает ощущение принадлежности к одному и тому же «мы»). На этой стадии манипулятор подстраивается под стереотипы аудитории, не противоречит им. Его задача — завоевать доверие, он как бы издает клич: «Мы с тобой одной крови — ты и я».

Этому принципу следуют даже создатели рекламы в отношении неодушевленных предметов — товара. Рекламуемый товар должен стать для потребителя «своим». Для этого сначала производится «мифологизация» товара, он «одушевляется», возводится в ранг живого существа. В телевизионной рекламе этот товар даже прямо представляется в виде какого-то гнома или маленькой феи, которые очень доброжелательны к людям и «желают» им служить. Товар-существо становится для потребителя «своим».

Видный американский социальный психолог Ф. Зимбардо советует: «Эффективность коммуникатора возрастает, если он сначала выражает мнения, соответствующие взглядам аудитории... Представляйте одну сторону аргумента, если аудитория в общем дружелюбна. Представляйте обе стороны аргумента, если аудитория уже не согласна с вами или есть вероятность, что аудитория услышит противоположное суждение от кого-нибудь еще». Главное — не заронить у людей подозрение, что ты собираешься ими манипулировать.

Удивительно, но даже одиозным или уже ненавистным идеологическим работникам удается восстановить доброжелательное отношение аудитории, всего лишь перейдя на язык

близких ее сердцу стереотипов. За 3-4 месяца перед каждыми выборами антисоветское телевидение начинает использовать советскую фразеологию, пускает в эфир советские фильмы и песни — и большинство аудитории размягчается и вновь начинает доверять вчера еще ненавистным дикторам.

Как правило, в манипуляции используются стереотипы, которые уже отложились в сознании. Но используются готовые стереотипы не прямо, а чаще всего с приемом, который называется *канализирование* или подмена стереотипа. Это операция перенацеливания, переориентации какого-то устойчивого стереотипного отношения с одного объекта на другой. Этот принцип высказал уже Геббельс: «Существующие воззрения аудитории могут быть направлены на новые объекты с помощью слов, которые ассоциируются с существующими взглядами».

Например, в антисоветской пропаганде идеологи очень сильно давили на чувство справедливости и уравнилельный идеал советских людей. Стереотип неприязни к нетрудовым доходам постепенно подменили стереотипом неприязни к номенклатуре как якобы классу, эксплуатирующему трудящихся. Неудовлетворенность людей канализировали на работников управления, тесно связанных с образом государства.

Канализация стереотипов — одна из важнейших задач манипуляции. С помощью этого метода людей уводят от осознания фундаментальных общественных противоречий, подсовывая им ложные цели. В большой работе о комиксах итальянский философ и писатель Умберто Эко разбирает красноречивый случай канализации стереотипов. Одним из главных героев комиксов и многих фильмов в США является сверхчеловек, безотказно побеждающий зло — Супермен, Бэтмен и др. У. Эко пишет: «От человека, который может производить труд и богатство астрономических размеров в несколько секунд, могли бы ожидать огромных переворотов политического, экономического, технологического порядка мира».

Например, он мог бы решить проблемы голода и технической отсталости многих стран или даже, как шутит У.Эко, «освободить несчастных китайцев от ига Мао Цзэдуна». Вместо этого он занят проблемами своего маленького местечка. Он

не мыслит масштабами мира и даже масштабами США. У.Эко подчеркивает, что для Супермена «единственное зло, которое должно быть побеждено, — это отдельные члены подпольного мира коррупции, которые опустошают банки и бронированные фургоны. Иными словами, единственный видимый образ, в который воплощается зло — это угроза частной собственности». Нередко группы, которые занимаются контрабандой наркотиков, могут быть представлены как носители зла, но *частная собственность — никогда*. Установки на ее отрицание канализируются на иные объекты.

Часто для манипуляции надо предварительно усилить или даже построить необходимый стереотип — «наездить колею», «нарезать бороздки». Речь обычно идет об иллюзорном стереотипе — внушении ложного объяснения какой-то проблемы, так, что оно становится привычным и приобретает характер очевидного («если землю превратить в товар, то будет изобилие продуктов»). Когда программа манипуляции имеет долгосрочный характер то такие подготовительные работы можно делать загодя, без всякой манипулятивной нагрузки, не вызывая подозрений.

В 1981 г. модный философ Самуэль Хантингтон писал: «Иной раз приходится представлять [интервенцию или другую военную акцию США] таким образом, чтобы создавалось ложное впечатление, будто это — военная акция против Советского Союза. США поступают так со времен доктрины Трумена». То есть, вторжение в Доминиканскую республику или Ливан пришлось бы как-то объяснять, а если это подается как действие против СССР, то никаких обоснований не требуется — работает стереотип.

Иногда политики скрывают свои действия, говоря о них как о чем-то абсурдном и заведомо невозможном. Для этого они отсылают к аналогиям, отложившимся в сознании как стереотипы. Например, США помогали палачу Камбоджи Пол Поту. Но ведь это неудобно! Как же опровергались эти сведения? Н.Хомский пишет:

«В первые послевоенные годы США поддерживали диверсионные группы, созданные Гитлером на Украине и в Восточной Европе. В этом им помогали такие люди, как Рейн-

хард Гелен, начальник военной разведки нацистов на Восточном фронте, который был назначен ЦРУ руководителем служб шпионажа Западной Германии. Ему было поручено создать «секретную армию» из тысяч членов СС, которая должна была помочь группам, действовавшим внутри Советского Союза.

Это настолько не вяжется со здравым смыслом, что один очень хорошо информированный специалист по международным делам из газеты «Бостон глоб», осуждая тайную поддержку США красным кхмерам, привел как верх абсурда такую аналогию: «Это все равно как если бы США подмигивали подпольному движению нацистов, которое боролось против Советов в 1945 г.». Но именно это и делали США в начале 50-х годов — и не ограничиваясь тем, чтобы только подмигивать!

Антисоветский (на деле антирусский) стереотип так силен, что он действует и через много лет после развала СССР и прихода к власти в России антикоммунистов. Вот, в 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей. Жадное до зрелища смерти телевидение с ханжескими предупреждениями («сцена, которую мы покажем, слишком тяжела для восприятия») во всех деталях показало извлечение останков. От двух до трех тысяч трупов в каждой яме.

Кто же расстрелял австрийцев? Автоматически возникла версия: русские. Известный обозреватель испанской газеты «Паис» пишет с сарказмом: «Русские продолжают быть убийцами по своей природе, такова уж их раса — убивают чеченцев и вообще кого попало. Они такие плохие, потому что были коммунистами? Или они были коммунистами, потому что такие плохие?»

И далее газета сообщает, что вышел конфуз — русские в 1945 г. до тех мест в Австрии не дошли. Значит, предположила пресса, эти останки принадлежат заключенным какого-нибудь концлагеря, которых нацисты вывезли и расстреляли, чтобы замести следы. Опять конфуз — во всех черепках обнаружены здоровые крепкие зубы, говорящие о хорошем питании. Да и остатки тряпок явно офицерские. Никак не могли их хозяева быть изможденными узниками.

Нашелся проницательный историк, который объяснил: это останки австрийских офицеров, расстрелянных Наполеоном. Но археологи над этой гипотезой посмеялись — не тот возраст останков. Наконец, промелькнуло сообщение, что эти массовые расстрелы — дело рук добрых янки, и всякие упоминания об этом событии исчезли. Не укладывается в стереотип, ломает всю канву прессы! Если бы советские войска побывали в той зоне Австрии, то никакой проблемы вообще не возникло, никто бы ничего не расследовал и не сомневался.

Хорошо разработана технология «создания» политиков с опорой на стереотипы. Жаргонное слово «раскрутка» обозначает целую систему методов продвижения на высшие уровни политики людей независимо от их личных качеств или уже завоеванной популярности. Одним из сложных стереотипов является *имидж* — специально выстроенный в ходе целой программы действий стереотипный образ политика или общественного деятеля. Как пишут в учебниках, в имидже «главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно». То есть, имидж должен соответствовать активным ожиданиям людей — активным стереотипам массового сознания.

Например, в 1992 г. в выборной кампании в президенты Клинтона для создания его имиджа технологи выбрали бытующий в американском массовом сознании стереотип «новое лучше старого». Главным лозунгом Клинтона был сделан такой: «Перемены или продолжение старого?» Себя Клинтон представлял как движущую силу обновления, перемен, а своего противника-республиканца как сторонника «продолжения старого». Если, например, Клинтон говорил о реформе медицинского обслуживания, вопрос звучал так: изменения или продолжение того, что было? Если он говорил об образовании, экономике, социальных благах, вопрос оставался тем же: изменение или продолжение старого? Этот простой стереотип прекрасно сработал.

Классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки», была избирательная кампания в сенат США М. Шаппа в 1966 г. Для нас она интересна тем, что

отработанная в ходе этой кампании техника была взята за основу при создании образа Б.Н. Ельцина.

Шапп продвигал специалист по политической рекламе, владелец крупной рекламной фирмы Дж. Нейполитен. Шапп — энергичный делец, начавший в 1948 г. с 500 долларами производство телевизионных антенн и к 60-м годам сколотивший состояние в 12 млн. долларов. За продвижение его в сенат он предложил Нейполитену 35 тыс. долларов. Изучив объективные данные, манипулятор составил такой неутешительный портрет: «1. Шапп неизвестен избирателям. 2. Шапп — еврей (это не послужит поводом для поражения, но и не поможет на выборах). 3. Разведен и женат вторично. 4. Не обладает внушительной внешностью. Он невысок ростом, сутул и, когда улыбается, морщит нос, как кролик; далеко не лучший оратор. Он тянет фразу, вместо того чтобы поставить точку и резко ее оборвать. У него нет опоры в какой-либо организации».

Нейполитен взялся за эту работу — не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании — «Человек против Машины». Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «бюрократическим аппаратом» — боссами демократической партии, от которой шел Шапп.

Был сделан получасовой телефильм — игровой, но имитирующий документальность. За мишень для манипуляции было взято чувство недоброжелательства к номенклатуре и бюрократии. Фактически о Шаппе в фильме вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял Человеком, бросившим вызов Машине. В Пенсильвании, где избирался Шапп, за несколько дней перед выборами фильм был показан по телевидению 35 раз (накануне выборов 10 раз). Шапп победил на предварительных выборах, хотя никто из экспертов не допускал такой возможности.

Хотя Шапп проиграл второй тур (как и кандидат в президенты Х. Хэмфри, кампанию которого также вел Нейполитен), полученные в ходе этого эксперимента данные расширили возможности манипуляции. Оказалось, что на антино-

менклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека. А если у него есть и положительные качества (например, высок ростом) и ему помогает сама номенклатура, то успех манипуляции гарантирован.

Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала — ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной культуры». Тем не менее, за весьма короткий срок и с небольшим набором простых приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и прочно вошел в массовое сознание. Даже после 1992 г., когда Ельцин в быту и в повадках открыто продемонстрировал приверженность к типично номенклатурным нормам поведения, в массовом сознании не возникло ощущения несовместимости двух образов.

## Глава 2.

### ЧУВСТВА

#### **Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции**

Столь же важным, как мышление, объектом для манипуляции является сфера *чувств*. Возможно даже, что это — главная или по крайней мере первая сфера, на которую направлено воздействие. Во всяком случае, чувства более подвижны и податливы, а если их удастся «растрепать», то и мышление оказывается более уязвимым для манипуляции. Можно сказать, что в большой манипуляции сознанием игра на чувствах — обязательный этап. Основатель учения о манипуляции сознанием массы Г. Ле Бон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоци-

ации слов». Он особо подчеркивал, что «в своей вечной борьбе против разума чувство никогда не бывало побежденным».

Чувственная ступень отражения стоит ближе к внешнему миру, чем мышление, и реагирует быстрее, непосредственнее. Поэтому ее легче «эксплуатировать». Если же надо в чем-то убедить массу, то этот процесс может быть начат только с воздействия на эмоции — на освоение логической аргументации масса не пожелает тратить ни усилий, ни времени. Вот общий вывод социодинамики культуры: «Толпу убеждают не доводами, а эмоциями. Фактически всякая аргументация опирается на латентные структуры сообщения. Эти структуры носят логический характер лишь в случае сообщений, так или иначе связанных с наукой» (А. Моль).

В области чувств легче создать «цепную реакцию» — *заражение*, эпидемию чувств. Ле Бон много писал: «Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение». Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, — *подражание*, стихийное распространение массового чувства. Поэтому общей принципиальной установкой в манипуляции массовым сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы. Главным средством для этого служит создание или использование кризиса, аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства. Это может быть крупная технологическая катастрофа, кровавое насилие (акция террористов, преступника-маньяка, религиозный или национальный конфликт), резкое обеднение больших групп населения, крупный политический скандал и т.д.

Особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство. Вырвавшись из-под власти сознания, они хуже всего поддаются внутреннему самоконтролю и проявляются особенно бурно. Менее бурно, но зато более устойчиво проявляются чувства благородные, которые опираются на традиционные положительные ценности. В манипуляции эффективно используется естественное чувство жалости и сочувствия к слабому, незащищенному. В очень многих



ситуациях пассивный манипулятор — тот, кто подчеркивает свою слабость, неспособность и даже нежелание управлять, — оказывается важнейшей фигурой в программе манипуляции. Чудаковатый старик-академик, великий музыкант не от мира сего, грустный клоун, наивная блондинка, жалеющая всех на свете и т.д. Они не заменяют активных и жестких манипуляторов, но резко ослабляют психологическую защиту людей.

Для манипуляции сознанием годятся любые чувства — если они помогают хоть на время отключить здравый смысл. Но начинают манипуляторы всегда раскачивать те чувства, которые уже «актуализированы» в общественном сознании. Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают».

Вспомним, как «раскачивали» в советском человеке уязвленное чувство справедливости. Советский человек стал испытывать почти ненависть к номенклатуре — за то, что она пользовалась «привилегиями». А сегодня тот же человек равнодушно взирает на воров, которые его обобрали и нагло демонстрируют свое несправедливое богатство. Не просталась черная «Волга» секретаря райкома, но не колет глаз белый «Мерседес» директора АО, хотя бы это был тот самый бывший секретарь райкома.

Значит, дело не в социальных *интересах*, а в уязвленном *чувстве*. Оставим в стороне вопрос технологии — как удалось уязвить чувство советского человека вопреки его разуму. Ведь уже ясно (хотя люди стыдятся это признать), что привилегии, которые двадцать лет занимали умы людей, — миф. Когда Молотов умер в 1986 г., все его состояние равнялось 500 руб. — на похороны (да еще перед этим он отправил 100 руб. в фонд Чернобыля). Даже Брежнев, которому перестроечная пропаганда создала ореол стяжателя, оставил в наследство, как выяснилось, лишь несколько подержанных иномарок — была такая слабость у руководителя советской империи.

С точки зрения разумного расчета, руководители высшего звена в СССР были самой «недооплаченной» категорией — это сообщила даже идеолог перестройки Т.И. Заслав-

кая. Почему же маленькие блага номенклатуры вызывали ярость, а к роскоши нуворишей или невероятным доходам «олигархов» проявляется такая терпимость? Молодой «олигарх» из комсомольских работников официально заявляет, что его личное состояние равно 14 млрд. долларов, директор небольшой государственной компании «Мордовэнерго» имеет годовой оклад 300 тыс. долларов — и никаких эмоций это не вызывает.

Дело в том, что в глубине сознания множества людей жила вера в то, что социализм будет царством *равенства*, той утопией, где люди будут братья и равны. Разрушение этого идеала, к тому же с грубым растравливанием сознания, вызвало приступ гнева, который невозможно было компенсировать доводами рассудка. Перестройка была основана как раз на эксплуатации этой утопии и уязвленного чувства. Вместо того чтобы воззвать к здравому смыслу и сказать: «Героический период в прошлом, пусть секретарь райкома будет у нас просто управляющим», — в людях распалили чувства преданного брата.

Преимущество новой номенклатуры в том, что она «перестала врать». Более того, телевидение специально убеждает людей, что новые чиновники, как правило, нечисты на руку. Но особых претензий к ним нет, потому что быть вором менее преступно, чем изменять идеалу.

### **Чувство юмора. Смех**

Исключительно важным чувством, которое широко используется в программах манипуляции сознанием, является **чувство юмора**. Способность видеть и представлять явления жизни в смешном виде и осваивать мир под углом зрения иронии — важное свойство психики. Поэтому смеховая культура во все исторические эпохи составляет необходимую особую часть культуры общества. Огромную роль играет смех в процессах установления или подрыва культурной гегемонии, то есть в переломные моменты в жизни общества.

Сильным средством разрушения психологической защиты против манипуляции сознанием является *осмеяние*, идео-

логизированное острословие. Особенно идеологически нагруженным бывает смех, имеющий своим объектом именно скрепляющие общество *символы*. Фрейд в монографии «Острословие и его отношение к бессознательному» писал о тенденциозных островах, что они служат «оружием атаки на великое, достойное и могущественное, внешне и внутренне защищенное от открытого пренебрежения им». Именно поэтому идеологизированные острословы Хазанов и Жванецкий, Задорнов и Петросян стали в СССР влиятельными реальными политиками в годы перестройки.

После ликвидации СССР многие анекдоты, шутки и стишки, которые раньше считались продуктом «народного творчества», были изданы. Вот, например, книга анекдотов о советской армии «Моня Цацкес — знаменосец» Эфраима Севелы (автор отрекомендован журналом «СОЦИС» как еврейский писатель, книга издана в 1992 г. в Петербурге). Анекдоты представлены как «армейский фольклор», хотя видно, что это — довольно занудливый идеологический продукт. Судя по тому, что подобные анекдоты выходят теперь в авторских книгах, весь их поток фабриковался сравнительно небольшим числом творческих работников.

Такой юмор был направлен и на символы семьи, например:

Мне мама в детстве выколола глазки,  
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.  
Теперь я не смотрю мультфильмы, не читаю сказки,  
Зато я нюхаю и слышу хорошо.

Эту операцию кое-кто из социологов пытается представить как фольклор («черный юмор в народной смеховой культуре»), как «прямую, непосредственную трактовку неприглядной роли семьи в освещении подросткового фольклора». Это неверно. В подобных стихах и следа нет «народной смеховой культуры» или «подросткового фольклора». Это — типичная лабораторная продукция посредственного поэта, выполнявшего идеологическое задание. Когда в 1992 г. начали выходить эти «антологии черного юмора», стало видно, что это — профессиональная работа очень малой группы людей.

Кстати, эта идеологическая программа продолжает выполняться. В феврале 2000 г. «Независимая газета» сообщила: «Все большую популярность приобретает выставка «Детские ужастики» харьковского фотографа-авангардиста Сергея Браткова в московской галерее «Реджина». Впервые этот проект Братков показал в своем родном городе Харькове два года назад. Экспозиция из двенадцати цветных фотографий плюс две инсценировки с участием детей. Экспозиция продолжалась недолго, возмущенные харьковчане потребовали закрытия «педофильной» выставки». И «Независимая газета» дает положительную рецензию об этой выставке.

Те нормы антисоветской «смеховой культуры», которые позже были укреплены и развиты Жванецким, Хазановым и др., начали вводиться в середине 50-х годов в субкультуре той молодежи, которую называли «стилягами». Весь их разговор был пропитан иронией. Она казалась аполитичной потому, что была всеохватной, но само определение *чужих* как «плебеев» было вовсе не безобидным. Имелось и резкое отличие смеха «стиляг» от смеха «плебеев» — «плебеи» смеялись *не над всем*, многое в жизни обладало для них святостью.

Уже в середине 50-х годов в молодежной среде (особенно в среде студентов) ироничный язык стал *престижным*. Он приобретал нормативное значение, которое стало очевидным в 60-е годы и сыграло важную роль в консолидации «шестидесятников». Общение студентов стало похоже на непрерывный КВН. Чуть позже этот стиль был перенесен в язык общения научных лабораторий (это отражено в фильме М. Ромма «Девять дней одного года»). То же самое происходило в массовой эстрадной культуре — за Райкиным, как карикатура на него самого, шел Хазанов.

Когда в том же ключе стали «иронизировать» над принципиальными устоями советского строя, этого никто даже не заметил. Люди, которые в августе 1991 г. спокойно распевали с эстрады «забил заряд я в тушку Пуго», были подготовлены сами и имели перед собой подготовленную аудиторию. Это и есть «смеховая культура», выросшая из юмора 60-х годов. И этот юмор, определивший стиль мысли и слова важ-

ного поколения, был столь агрессивным, что он подавил, оттеснил и обыденный «юмор плебеев», и «юмор Василия Теркина», и утонченный «юмор Грибова и Яншина». Нигде стереотипы интеллигенции не оказывали на массовое сознание такого нормативного влияния, как в СССР 70-х годов — ведь почти все популярные актеры, поэты, эстрадные юмористы вышли из этого поколения или подлаживались под него.

Штампы из Райкина, а потом Жванецкого стали заменять аргументы. Обладал ли этот переход «антисоветским потенциалом»? Видимо, да, обладал, и это даже чувствовалось. Хохмы и шуточки как особый «понятийный аппарат» размягчили определенный участок в мировоззренческой «мембране» человека, а потом в этих шутках (скажем, в комедийных фильмах) стал постепенно наращиваться компонент *сатиры*. Культура «нейтрального» смеха снизила барьеры для проникновения смеха антисоветского, а нередко была почти «троянским конем» для идеологизированного смеха.

### Страх

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является *страх*. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх — фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления.

Уточним понятия. Есть страх истинный, отвечающий на реальную опасность. Этот страх есть выражение инстинкта самосохранения. Он сигнализирует об опасности, и на основании сигнала делается выбор наиболее целесообразного поведения (бегство, защита, нападение и т.д.). Реальный страх может быть чрезмерным, тогда он вредит — в той мере, в какой он искажает опасность. Но есть страх иллюзорный, «невротический», который не сигнализирует о реальной опасности, а создается в воображении, в мире символов, «виртуальной реальности». Развитие такого страха нецелесообразно, а то и губительно.

Различение реального и невротического страха давно волновало философов. Иллюзорный страх даже считался феноменом не человека, а Природы, и уже у Плутарха был назван *паническим* (Пан — олицетворение природы). Шопенгауэр пишет, что «панический страх не сознает своих причин, в крайнем случае за причину страха выдает сам страх».

Разновидностью иллюзорного страха является *маниакальный* страх, когда величина опасности, могущество «врага» многократно преувеличивается, представляется чуть ли не абсолютным, хотя в реальности ему до этого далеко. Крайний случай невротического страха — страх *шизофренический*. Его интенсивность выходит за пределы понимания нормального человека. Это — всегда страх перед человеком, перед общественным окружением, но столь сильный, что он не имеет никакой связи с действительными возможностями этого окружения нанести ущерб. Шизофреники, которые перенесли заключение в самых страшных нацистских концлагерях, вспоминали, что ужасы этих лагерей переносились несравненно легче, чем приступы страха во время психоза.

Для манипуляции главный интерес представляет именно неадекватный, иллюзорный страх — и способы его создания, особенно в условиях расщепления сознания. А также отключение, подавление истинного, спасительного страха — достижение апатии, равнодушия, психологического привыкания к реальной опасности или, наоборот, такого преувеличения опасности, которое толкает к гибельным действиям. Почему возможность создавать в воображении преувеличенный образ страха стала основой для целой стратегии манипуляции сознанием? Потому, что иррациональный страх — очень действенное средство «отключения» здравого смысла и защитных психологических механизмов. Потрясенный страхом человек легко поддается внушению и верит в любое предлагаемое ему «спасительное» средство.

Страх проявляется по-разному в разных культурах. Например, различны «профили страхов» японцев и жителей Запада. Японцы не боятся божьей кары, загробных мучений, у них нет понятий смертного греха — основных источников страха в «культуре вины» Запада. Зато японцы испытывают силь-

ные страхи перед «чужим», особенно если они роняют перед ним свое достоинство и заставляют стыдиться за тебя твой коллектив. Говорят: Япония — это «культура стыда». Страх позора так силен, что в Японии часты самоубийства молодых людей из-за неудач на вступительных экзаменах в университеты.

Учитывая, какую роль играет в судьбах мира Запад, было бы полезно обсудить проблему «западного страха» — важного раздела в истории мировой культуры. Но это особая большая тема. Здесь заметим только, что программирование страха — важная часть технологии манипуляции, разработанной на Западе.

Важным явлением стал «ядерный страх», который овладел средним американцем, когда стало известно, что СССР также обладает атомной бомбой. Он сразу же приобрел черты страха иррационального, так что Федерация ученых-атомщиков США организовала крупное исследование психологов с целью найти средства ввести этот страх в разумные рамки. Психологи поставили своей целью превратить иллюзорный страх в *реальный* — «мобилизовать здоровый страх, побуждающий к действию и реализации эффективных мер против реальной опасности войны». Эта цель не была достигнута, и ядерный страх в США обрел те же черты, что и страх перед концом света в X веке, страх перед чумой в XIV веке, «страх Лютера» — типичные черты экзистенциального «западного страха».

В результате в начале 50-х годов эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не сами атомные и водородные бомбы СССР как средство разрушения, а та паника, которая возникла бы в случае войны. В СССР подобного страха не возникло, причины этого лежали в самом типе культуры\*.

---

\* Когда после аварии на Чернобыльской АЭС из городка было срочно эвакуировано население, перед милицией встала немислимая для Запада проблема: жители, тайными тропами обходя заслоны, повадились возвращаться в покинутые жилища за вещами. А потом и жулики потянулись — стянуть, что плохо лежит. В зараженную зону!

Ядерный страх в США использовался в политической рекламе, направленной не только на создание образа «внешнего врага», но и во внутренней политике. Одним из самых сильных роликов считается фильм «Дейзи», выпущенный демократами во время выборной кампании 1964 г. Целью было дискредитировать республиканца Б. Голдуотера. В фильме маленькая девочка обрывает лепестки ромашки и считает: один, два, три... А потом за кадром мужской голос начинает обратный счет: десять, девять, восемь. При счете ноль — лицо ребенка крупным планом, глаза, полные ужаса, и из них вырастает гриб ядерного взрыва. Фильм был показан всего один раз за два месяца до выборов, но произвел такое впечатление, что множество людей звонило в Белый дом, требуя «остановить Голдуотера». Бедного Барри погубил страх американцев перед ядерной войной.

Когда мы окидываем мысленным взглядом нашу историю, сравнивая с историей становления человека Запада, сразу бросается в глаза эта разница: никогда русскому человеку не вводился в сознание вирус мистического страха. Этого не делало Православие, этого не делали народные сказки про Бабу Ягу. Наши грехи поддавались искуплению через покаяние, и даже разбойник Кудеяр мог надеяться на спасение души.

Можно принять как общий вывод: вплоть до последнего времени в культуре России не играл существенной роли экзистенциальный страх — страх перед самим существованием человека, страх как важная сторона самой его жизни. Православие и выросшая на его почве культура делали акцент на любви: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (Первое послание Иоанна, 4, 18).

Однако в той части граждан, которые в наибольшей степени были проникнуты рациональным способом мышления и западническими иллюзиями, удалось раскатать невротический страх. Речь идет о страхе внушенном, бредовом, основания которого сам человек не может объяснить. В него запустили идею-вирус, идею-матрицу, а он уже сам вырастил монстра, который лишил его способности соображать. Так, значительная часть интеллигенции проголосовала в 1996 г. за Ельцина. Социологи, изучавшие мотивы этого выбора, при-



шли к выводу: в нем доминировал страх — перед Зюгановым! Этот страх не мог быть подтвержден никакими разумными доводами, и этих доводов в разговорах получить было невозможно. Тем не менее предвыборная стратегия, основанная на страхе, оказалась успешной.

Мы видели и другие проявления невротического, иррационального страха. В августе 1991 г. М. Леонтьев писал в «Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Тут мы видим отщепление от народа некоторой группы по важному культурному признаку: она стала подвержена «западному» страху.

В целом культивирование страха было важной составной частью идеологической программы реформ. Для этого были использованы все возможные темы: репрессий 1937 года, голода, дефицита, технологических катастроф, преступности, СПИДа, экологических опасностей, межнациональных войн и насилия. При этом в каждой теме образы страха накачивались в массовое сознание средствами пропаганды. Телевидение непрерывно показывало ужасные сцены разгрома Бендер, а потом бомбардировок Грозного, избиения демонстраций и, наконец, расстрела Верховного Совета РСФСР, заснятого как спектакль заранее установленными камерами.

Конечно, нагнетанию страхов в разных слоях российского общества способствует сама жизнь. Западные эксперты используют как количественный показатель нарастания страха рост числа телохранителей. По этому показателю можно говорить уже о шизофреническом страхе: в советское время всего около трех десятков человек в Москве имели личную охрану. Сейчас крупные коммерческие структуры тратят на охрану около трети своих прибылей. Тем не менее в конце 90-х годов примерно половина всех бизнесменов в России находилась в постоянной тревоге за свою жизнь и жизнь своих близких. Второй индикатор страха — общая уверенность бизнесменов и высших чиновников, что их телефон прослушивается. Этот страх также приобретает характер паранойи.

## Глава 3.

### МАНИПУЛЯЦИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПАМЯТЬ

#### Запоминание, узнавание и внушение

В целях манипуляции сознанием приходится воздействовать на все виды памяти человека и разными способами. С одной стороны, надо, чтобы человек запомнил (а то и заучил до автоматизма) какую-то мысль, метафору, формулу (как во время референдума в 1993 г. надо было затвердить: «Да, да, нет, да!»). С другой стороны, бывает необходимо «отключить» его краткосрочную или историческую память, потому что они создают психологический барьер против внушения.

В пределе человек, не помнящий истории своего народа и страны, выпадает из общности и становится беззащитен против манипуляции. Если люди быстро забывают реальность, то всякую проблему можно представить ложно, вне реального контекста. И обсуждение, даже если бы оно было, теряет разумные черты — результат достигается на эмоциях.

Рассмотрим сначала важность запоминания. Когда человек получает какое-то сообщение, его взаимодействие с памятью делится на два этапа: сначала происходит *пассивное* запоминание. Затем информация перерабатывается рассудком, и если она признается мало-мальски убедительной, эмоционально окрашенной и представляющей интерес, она «внедряется» в память и начинает воздействовать на сознание.

Таким образом, запоминаемость и убедительность находятся в единстве. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка общественного мнения прессой».

Исследователи пришли к печальному для простого человека выводу: то, что в результате частого повторения прочно запоминается, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение: «Эффективность убеждения измеряется числом людей, у которых данное сообщение вызывает определенную реакцию, направленность же этой реакции несущественна». Направленность реакции *несущественна!* Тот, кто вперился в экран телевизора и десять раз в день слышит одно и то же сообщение, подвергается манипуляции, даже если каждый раз он чертыхается от возмущения.

Этот вывод проверен на коммерческой рекламе, ценность которой для ученых — в огромном количестве эмпирического материала. Мастера рекламы знают, что для ее эффективности неважно, вызывает ли она положительную или отрицательную реакцию, важно, чтобы она застряла в памяти. Так возник особый вид — «раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает или раздражает людей. В истории рекламы известен случай, когда фирма почти утроила оборот благодаря новой рекламе ее рубашек. Вместо обычного красивого улыбающегося мужчины в рубашку этой фирмы на рекламе был одет мрачный, кривой на один глаз тип.

Специалистами в области информации проведено множество исследований с целью выяснить свойства сообщений, облегчающие запоминание. Так, обнаружено, что сообщение должно укладываться в промежуток от 4 до 10 секунд, а отдельные его частицы — в промежутки от 0,1 до 0,5 секунды. Чтобы воспринять рассуждение, которое не умещается в 10 секунд, человек уже должен делать особое усилие, и мало кто его пожелает сделать. Значит, сообщение просто будет отброшено памятью. Поэтому редакторы телепередач доводят текст до примитива, выбрасывая из него всякую логику и связный смысл, заменяя его ассоциациями образов, игрой слов.

Подробно изучено влияние эмоциональных элементов сообщения на его запоминаемость. Запоминается то, что вызвало впечатление — то, что *впечаталось*. Любая информация, если она не подкреплена «памятью чувств», быстро сти-

рается, вытесняется. Роль разных чувств в запоминании тщательно «взвешена», так что имеются математические модели, позволяющие «конструировать» передачи и выступления политиков. Одни сообщения целенаправленно внедряются в долгосрочную память, другие в краткосрочную, а третьи используются как нейтральное прикрытие, создающее правдоподобность.

В манипуляции играет ключевую роль *узнавание*, потому что оно порождает ложное чувство знакомства. Это становится предпосылкой согласия аудитории с отправителем сообщения — он воспринимается аудиторией как *свой*. Для «захвата» аудитории узнавание гораздо важнее сознательного согласия с его утверждениями. Поэтому так важно намолотить людям глаза с телеэкрана.

Все мы это постоянно видим в политике. В 1989 г. в народные депутаты прошла целая куча работников телевидения, которые просто вели популярные передачи. Они не были ни политиками, ни специалистами, ни духовными лидерами, а лишь инструментом, который озвучивал подготовленные редакторами тексты. И вот, стали депутатами, вершили судьбы страны.

Действуя через СМИ, манипуляторы главную ставку делают на *непроизвольное* запоминание. Поэтому для них гораздо важнее создать поток сумбурных сообщений, чем изложить одну связную идею, которую человек обдумает и преднамеренно запомнит. Сумбурные сообщения откладываются в дремлющих слоях памяти и действуют подспудно, больше на подсознание. Они оживляются новыми образами и сообщениями, которые их «будят». При этом для манипулятора даже неважно, как отнесся человек к сообщению, которое он запомнил непроизвольно.

При изучении процессов памяти психологи обнаружили явление «дремлющего эффекта»: отложенная в памяти точка зрения, которая была отвергнута сознанием в момент непроизвольного запоминания, с течением времени, «отлежавшись», превращается сначала в смутное, неопределенное представление, а потом и в *согласие* с ней. Для того чтобы пресечь этот процесс превращения, необходимо время от времени на-

поминать человеку первоначальный смысл утверждения и причины, по каким оно было отвергнуто.

Вот пример. Начиная с 1990 г. периодически проводилась кампания пропаганды за приватизацию земли и разрешение ее купли-продажи. Каждый раз опросы показывали, что общественное мнение отвергает это крупное изменение. Кампания затихала и начиналась снова через год. За этот год никаких аргументов в пользу купли-продажи земли не появлялось, даже наоборот, результаты эксперимента с фермерами были печальны. Но отвергнутый сознанием тезис через «дремлющий эффект» понемногу овладевал установками людей. И год за годом все больше людей начинали относиться к этой идее терпимо, а потом и благожелательно.

### Историческая память

Устранение из сознания стабилизирующего блока традиций резко повышает уязвимость к манипуляции. Не менее важно отключение *исторической памяти*. В ней заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения.

Разрушение исторической памяти происходит во всяком обществе, где господство основано на манипуляции. Эффективность в этом отношении западной идеологической машины просто невероятна. Например, всеобщее незнание элементарных исторических сведений о Второй мировой войне на Западе — вовсе не шутка. Такие вещи у нас пока еще не укладываются в сознании. Дело не в конкретных программах, а в типе мышления, которое устраняет коллективную историческую память и запас «неявного знания».

Всего полвека назад в Испании произошла жестокая гражданская война, но в конце 80-х годов для молодого поколения ее как будто и не было. В России до сих пор имена Колчака и Деникина, Чапаева и Фрунзе у всех на слуху, но в Испании это невозможно себе представить. На о. Teneriffe, откуда начался мятеж Франко, города наполнены монументами в честь этого события. Там не меняли названия улиц, не

сносили памятников, но они уже ничего не говорят молодежи. Пришлось наблюдать такую сцену: к памятнику основателя фашистского Движения в Испании («фаланги») Хосе Антонио Примо де Риверы подъехал автобус с испанскими туристами. Все вылезли и подошли к памятнику, читают надпись. Один спрашивает соседа: «Кто это — Хосе Антонио Примо де Ривера?» Тот отвечает: «Не знаю. По-моему, архитектор этого города».

В периоды общественных кризисов разрушение исторической памяти выполняется как целенаправленная программа заинтересованных политических сил. На это начинает работать большая пропагандистская машина. Во время перестройки была поставлена задача *развенчать* Александра Невского как «хитрого, властолюбивого и жестокого правителя». Эта кампания выявила поразительное беспамятство в отношении нашествия монголов. Вот, видный военный историк пишет о «нашествии татаро-монгольских мусульманских орд». Как это мусульманских? Ислам до монголов в то время еще не дошел. В их ордах было много религий, но никак не мусульмане, а христиане (несториане) преобладали среди воинов Батыя.

Александр Невский, сделал исторический выбор и решил дать отпор тевтонам. Для этого он поехал к монголам и побратался с сыном Батыя, Сартаком. Стать братом — это ведь не просто заключить союз. Побратался с иноверцем? Нет, Сартак был христианин. Но ведь это важно помнить, особенно когда Александра Невского обвиняют в том, что он отверг «христианский Запад» в пользу «мусульманских орд».

В 1989 г. издательство «Прогресс» выпустило книгу профессора Оксфордского университета Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси», одна из важных тем которой — создание отталкивающего образа Александра Невского. В предисловии сказано, что «книга профессора Дж.Феннела приоткрывает дверь в ту мастерскую, где создаются британские стереотипы русского прошлого и советского настоящего». В 1990 году («Год Александра Невского»), на торжественную конференцию в Петербурге съехалось много историков с Запада. Как они сами заявили, их задача — «перепроверка толкова-

ния событий прошлого» и «критическое переосмысление прежних оценочных критериев». Переосмысление в духе тех же самых «стереотипов».

Вся программа «развенчания семисотлетнего мифа об Александре Невском» исходила из установки, согласно которой русским было бы предпочтительнее сдаться на милость тевтонских рыцарей и через них приобщиться к цивилизации. Один из самых активных российских участников этой кампании историк И.Н.Данилевский писал в 1994 г.: «Как представители западноевропейской цивилизации, рыцари ордена несли с собой новую жизнь, несли новую идеологию — католическую религию..., вместе с ними шел новый закон, новый городской быт, новые формы властвования».

Сегодня, когда наше общество в значительной мере атомизировано, восстановление исторической памяти — даже раньше чем восстановление логического мышления — должно стать заботой любого разумного человека. Память — это первое, к чему следует обращаться, чтобы успокоить разрушительные или самоубийственные инстинкты толпы. Это непросто, потому что мы не имели опыта общения с людьми, превращенными в толпу — и в царской России, и в СССР мы были сильно, даже жестко упорядоченным обществом.

### **Краткосрочная память и манипуляция в политике**

Во время перестройки был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий — по прошествии всего нескольких месяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего.

Так, была сильно искажена историческая картина России начала XX века. Так, большевики были представлены как самая революционная и радикальная партия, хотя на са-

мом деле из левых партий их следует считать умеренными (а во многих отношениях даже консерваторами). Например, в отличие от других революционных партий — эсеров и анархистов — они принципиально отвергали индивидуальный террор. А ведь он во многом предопределил «культуру насилия», сыгравшую важную роль в вызревании Гражданской войны.

Столь же важным было стирание исторической памяти о формировании культурного генотипа западного буржуазного общества, которое сегодня берется за образец. У читателя создали ложное представление о том, что буржуазное общество является обществом диалога и компромисса, что оно изначально отвергает революцию, хотя революционизм коренится в самой философии гражданского общества. Мало-помалу пропаганда вытравила из нашей памяти и Кромвеля, и якобинцев, и даже революцию, приведшую к возникновению США. Между тем их отец-основатель Томас Джефферсон считал, что революции должны происходить каждые 20 лет. Так что Троцкий со своей теорией перманентной революцией — в какой-то степени плагиатор.

Историческую память разрушают, когда ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками. Ведущий центрального телевидения может с ясными глазами заявлять: «Большевики в 1917 г. свергли царя». Элементарная вещь: царя свергли в феврале 1917 г. генералы и стоящие за ними масоны-западники, а не большевики. События, которые определили судьбу страны в XX веке, стерты из памяти.

Большевикам вообще не пришлось бороться с монархистами, их как реальной силы уже не было. В Учредительном собрании 85% мест получили разные *революционные социалистические* силы. Кадеты (буржуазные либералы) получили всего 17 мест из 707. Так что вся борьба шла не между большевиками и «старой Россией», а между разными отрядами революционеров.

В целом кампания по отключению нашей памяти о советском строе и о том, как он возник, была успешной. Вот пример того, как эффективно историческая память и логика могут быть замещены броской метафорой: перед выборами 1995 г. один из главных тезисов против коммунистов звучал так:



«Если их выберут, значит, опять они возьмутся за старое — «Все отнять и разделить!» Эта метафора была у всех на языке, хотя коммунисты делали совсем противоположное — сначала «отнимали и соединяли», а потом «строили и соединяли», но главное — не делили, а *соединяли*. Ключевые слова их проекта были *национализация* и *коллективизация* — не раздел, а собрание. «Отнимали и разделяли» как раз в ходе ваучерной приватизации. Радикальный идеолог перестройки Г.Х. Попов в своей книге «Что делать?» буквально повторил лозунг «Отнять и разделить!». Он писал: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами».

Большие усилия сегодня делаются и для отключения *краткосрочной* памяти. Если люди быстро забывают действительность, то всякую проблему можно представить ложно. Под воздействием телевидения люди обнаружили способность стирать из своей памяти недавнее прошлое почти таким же чудесным способом, как стирается текст из магнитной памяти ЭВМ. Легко и без следа забываются события и персонажи буквально полугодовой давности — а значит, о них перестают и думать.

Так, например, поиски «денег КПСС» были важным актом в политическом спектакле. Для поиска этих денег Е. Гайдар в свое время даже нанял некую американскую фирму, которой заплатил за «работу» миллионы долларов. Чем кончилось это дело? Никто не интересуется, оно забыто. И подобных дел множество.

Вот недавний пример. Осенью 2002 г. много говорилось, в том числе на самом высоком уровне, что в РФ собран рекордный урожай зерновых, «какого не бывало даже в советские времена». Урожай 2002 г. составил 86,5 млн. т. Но почему же это «рекорд»? Совсем недавно, в 1997 году, было собрано 88,5 млн. т зерна. Ранее, но уже в ходе реформы, в 1992 г. — 107 млн. т. А до этого, в РСФСР, в последние двадцать лет урожай менее 100 млн. т вообще был редкостью — в 1990 г. 116,7 млн. Рекордным же был урожай 1978 г. — 127,4 млн. т. Этот случай показал, как легко можно стереть из памяти сведения об одном из важнейших показателей жизни страны.

В целом, стирание исторической и краткосрочной памяти привело общество в аномальное состояние. Оно живет в особом, искусственно созданном времени, которое не движется. Утратив историческое измерение, люди остались и без будущего — они не могут выработать проект. Человек затрудняется представить себе будущее и старается не думать о нем. А значит, он не может обрести и политическую волю и становится легко манипулируемым.

Один из первых советов Шопенгауэра в его «Афоризмах житейской мудрости» таков: «Чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами».

### Глава 4.

## ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ

### Воображение и поведение

Помимо мышления и чувств, важнейшим объектом манипуляции сознанием является воображение. Вдумаемся в само слово. *Во-ображение!* Превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека.

Ле Бон писал в книге «Душа толпы»: «Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Воображение связано с *восприятием*, оно лишь по-новому комбинирует то, что мы когда-то познали на опыте и зафиксировали это в памяти: нельзя вообразить то, что в разных своих элементах не присутствовало бы в действительности. Дети до полутора лет не проявляют никаких признаков воображения — им для этого не хватает материала. К воображению тесно примыкает *предчувствие*, которое также порождает в сознании образы, построенные из элементов познанной ранее реальности. Предчувствие «запускает» процесс, который мы и называем воображением.

Так как воображение — способность *творческая*, оно меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логики, традиции). Значит, оно более уязвимо для воздействия извне. Очень большая часть людей подвержена грезам, уводящим их все дальше и дальше от реальности. У других воображение, наоборот, сковано, они затрудняются в выработке собственных образов, ищут их в готовом виде.

Преобразуя в нашем сознании полученные когда-то и где-то от действительности впечатления, воображение создает образы и мыслительные, и чувственные. Следовательно, через воображение манипулятор может воздействовать и на мышление, и на чувства. Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров — воображения и *чувств*. Говорят, что эмоции — основные деятели в психическом мире, а образы — строительный материал для эмоций.

Исключительно сильная комбинация воображения и чувств возникает при воздействии на сознание образа *крови* и гибели людей, особенно гибели невинных. Особенно велико значение этого образа в духовной жизни тех обществ, в которых сохранился «естественный религиозный орган» (в культурах с символами). Например, огромную роль в определении всего хода исторических событий в России XX века сыграло *Кровавое воскресенье* 9 января 1905 г. — расстрел в Петербурге мирной демонстрации рабочих. Свидетель тех событий Александр Керенский писал в воспоминаниях: «События Кровавого воскресенья произвели коренной переворот в мышлении рабочих масс, на которые до этого времени про-

паганда действовала слабо. Генерал Трепов и те, кто позволил ему совершить этот безумный акт, разорвали духовные узы, которые связывали царя и простых рабочих».

При этом образ крови воздействует на сознание по-разному в зависимости от общей культурно-психологической обстановки в обществе. Во время «путча ГКЧП» в Москве в августе 1991 г. гибель трех юношей (причем в результате несчастного случая) стала важной вехой в ликвидации советского государства, — а расстрел из танков Верховного Совета в октябре 1993 г. прямого эффекта на массовое сознание не произвел — это сознание находилось в ином состоянии, нежели в 1991 г.

На сочетании воображения и чувств основано одно из самых мощных средств воздействия на общественное сознание — *терроризм*, соединенный с телевидением. Образ изуродованной взрывом невинной жертвы доводится телевидением буквально до каждой семьи, а воображение «подставляет» на место жертвы самого телезрителя или его близких, и это порождает целую бурю чувств. Затем уже дело техники — направить эти чувства на тот образ, который подрядились разрушить манипуляторы (образ армии, федерального центра, исламских фундаменталистов, чеченцев и т.д.). В этой акции необходима лишь цепочка: *террористический акт — телевидение — воображение — чувства — нужное поведение*. Желательно при этом отключить мышление (здравый смысл), потому что террор не является реальным средством уничтожения и даже не создает значительной реальной опасности. Его цель — устрашение, т.е. создание неадекватного чувства страха.

После взрывов в Москве и Волгодонске летом 1999 г. телевидение предприняло интенсивные манипулирующие действия. В Совете Федерации показали снятую бандитами видеоленту о том, как они пытаются заложников и отрубает им головы. После этого один из ведущих телевидения, заявил: «После этого можно было ожидать, что Совет Федерации одобрит ядерный удар по Чечне». Сам этот комментарий был направлен на дестабилизацию обстановки, но здесь важно признание: идеологи знают силу воздействия телевизионных

образов и пытаются с их помощью разжигать эмоции членов Совета Федерации. Ведь о преступлениях бандитов депутатам и так было хорошо известно, но после показа ленты они, как предполагалось, могли бы принять какое-то фатальное решение не на основе зрелого рассуждения, а под влиянием нахлынувших чувств.

В психологии выработана подробная классификация типов воображения: преднамеренное и непроизвольное, воспроизводящее и творческое, конкретное и абстрактное. У многих людей развивается воображение типа «сны наяву» — способность погрузиться в собственные фантазии, уйти от действительности. Во время общественных кризисов это может стать массовым явлением и завидной целью для манипуляторов сознанием — когда правящий слой заинтересован в том, чтобы отвлечь как можно больше людей от активной политической позиции (например, от участия в выборах).

Делится воображение и по типу объектов, по виду деятельности (художественное, научное, техническое, религиозное и т.д.). В отличие от аналитического мышления, которое расчленяет предмет, концентрируя внимание на отдельных его сторонах, воображение дает синтетический образ — впечатление от предмета в целом. Поэтому его воздействие на сознание труднее контролировать средствами логики.

Активизация воображения во время перестройки облегчалась тем, что в качестве доводов идеологи почти исключительно применяли образы, которые мы не могли соотнести с реальностью. Это были образы иных стран («*Запад*») или иных исторических периодов («*сталинские репрессии*»).

Игра воображения сильно зависит от степени удовлетворения потребностей человека. Удовлетворенные потребности не разжигают воображения, а вот если человеку чего-то не хватает, в его сознании возникают образы — как недостающего предмета, так и путей к обладанию им. Искусственное изменение состояния удовлетворенности самых главных потребностей людей — сильное средство контроля над их воображением и, таким образом, над поведением людей. Умеренная нехватка какого-то ресурса пробуждает активное воображение, заставляющее действовать, разрешать проблему. Как

правило, это не в интересах манипуляции сознанием. Обычно манипуляторы стремятся как можно быстрее обострить неудовлетворенность людей до стадии *фрустрации* — ощущения подавленности и безысходности. В этом состоянии начинает доминировать пассивное воображение — миражи, грезы, мечты. Возникает и повышенное стремление искусственно «улучшить настроение», например выпивкой.

Все мы не раз наблюдали, как человек, «вообразив себе невесть что», ведет себя, на наш взгляд, неадекватно реальности, часто вопреки своим очевидным интересам (гораздо реже мы замечаем такие странности в нашем собственном поведении, но и это бывает). При этом и речи нет о расщеплении сознания (шизофрении), каком-либо другом психозе или воздействии психотропных препаратов, делающих воображение слишком уж ярким. Нет, речь идет о нормальном состоянии человека.

Особенно богат и насыщен порожденный творческим воображением мир, когда игра носит коллективный характер. Умело давая пищу воображению, дирижируя игрой, политики-манипуляторы могут вовлечь в нее целые народы. При этом игра порой становится страшной, разрушительной и даже самоубийственной — и тем не менее народ может быть ею увлечен до такой степени, что бесполезно взывать к его рассудку. При этом чуть ли не каждый по отдельности согласится с разумными оценками реальной действительности. Иными словами, дело не в обмане и не в недостатке информации.

Колдовской силой обладает *театральная сцена* — как окно в воображаемый мир. Поэтому театр по своему воздействию на сознание занимает совершенно исключительное место. Ле Бон уделил большое внимание воздействию театра на массовое сознание, на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

В театре воображаемый мир может быть усложнен. Затягивая сознание, особенно коллективное, в умело построен-

ный воображаемый мир, его можно сделать полностью беззащитным — оно будет *подавлено* воображением. Так Гамлет, манипулируя воображением, заставил раскрыться мать и Клавдия, попросив актеров сыграть пьесу, изображающую царевубийство, — а зрители в Англии XVI века видели этот двойной театр.

В отличие от шизофреника нормальный человек отдает себе отчет в том, что образы его воображения не есть реальность. Именно потому они и приобретают для него особый глубокий смысл — они как бы выявляют сущность вещей и событий. Эти образы «реальнее» фактов, они — *сверхреальность*. Когда человек вживается в них, с ним может произойти озарение — ему кажется, что он проникает в суть вещей. Это и оказывает мощное воздействие на его поведение, причем окружающим, не пережившим того же озарения, это поведение может казаться странным и необъяснимым. Если же озарение оказывается коллективным, возникает сильный массовый порыв или даже действия, порой кажущиеся всеобщим помешательством.

В ходе нынешних общественных потрясений мы наблюдали становление прекрасно организованного театра. Вознесение людей, обретение ими маски, последующее их разоблачение и низвержение — все это стало захватывающим зрелищем, каждый акт которого полностью парализует и разум, и волю миллионов людей. Общественное сознание не может освободиться, пока не сбросит наваждение этого театра. Пока рассудок не поставит под контроль воображение, которое рисует людям скрывающийся за маской образ могучей и вездесущей власти.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» пишет: «Путеводной звездой нашей деятельности должны быть не образы фантазии, а ясно усвоенные понятия. Обычно бывает обратное. При ближайшем исследовании мы убеждаемся, что в конце концов решающий голос во всех наших делах принадлежит не понятиям, не рассуждению, а именно воображению, облакающему в красивый образ то, что желало бы нам навязать».

### Манипуляция вниманием

Мишенью, на которую необходимо оказывать воздействие при манипуляции, является и *внимание*. Задача манипулятора — в чем-то убедить людей. Для этого надо прежде всего привлечь внимание людей к его сообщению. Затем надо, чтобы человек запомнил это сообщение, ибо убедительно то, что остается в памяти.

Сам термин *манипуляция* перенесен в сферу сознания из искусства фокусников. У фокусников к важнейшим навыкам относится отвлечение внимания зрителей от главного объекта. Мастер переключает внимание на специально создаваемые для этого явления с помощью слов, жестов, внешних эффектов. Так же поступают и манипуляторы сознанием. Для этого они разрабатывают изощренные технологии, иногда кровавые.

Внимание, концентрация психических процессов на каком-то объекте направляет и организует восприятие, мышление, чувства, воображение и т.д. Сосредоточив внимание на важном, человек отсеивает второстепенную информацию. Даже при чтении текста человек всегда выделяет в нем несколько *центров интереса*, на которых и концентрирует внимание, а пустоты между ними пробегает вполглаза.

Люди активно используют свою способность к изменению *направленности* внимания. Они переводят его, как проектор, на те объекты, которые в данный момент они посчитали более важными. Так для манипулятора возникает возможность заместить объект — увести важный объект в тень, подсунув человеку отвлекающий объект (уже имеющийся или построенный манипулятором).

Искусственно рассеивая внимание, можно снизить возможность осмысления главного. Телевидение, которое оперирует одновременно текстом, музыкой и движущимися образами, обладает исключительно высокой способностью сосредоточивать, рассеивать и переключать внимание зрителя.

Понятно, что для целей манипуляции одинаково важны приемы привлечения и *удержания* внимания на убеждающем



сообщении (захват аудитории) и в то же время *отвлечения* внимания от некоторых частей сообщения — манипулятор добивается, чтобы человек не заметил «ненужной» правды.

При исследовании способов отвлечения или переключения внимания в 60-е годы в США было обнаружено, что сообщение, направленное против какого-либо мнения, более эффективно, если в момент его передачи отвлечь внимание получателя от содержания сообщения. В этом случае затрудняется осмысление информации выработка контрдоводов — основа сопротивления внушению.

Группам студентов показывали два небольших фильма, в которых произносилась речь, убеждающая в том, что студенческие братства вредны. Один фильм изображал самого оратора, который произносил эту речь. В другом фильме та же речь давалась на фоне видеоряда, образы которого никак не были связаны с текстом. Они отвлекали внимание от содержащихся в речи доводов. Более внушаемы оказались те, кто смотрел фильм с образами, отвлекающими внимание.

Затем методики усложнили — словесную информацию давали при отвлекающем воздействии разной силы. Оказалось, что убеждение наиболее эффективно при умеренных уровнях отвлечения внимания. При слишком сильном отвлечении чувство подозрения возрастает. Впрочем есть и крайние способы отвлечения внимания через *психологический шок*.

Эксперименты 60-х годов дали почти количественные критерии «оптимального» отвлечения внимания от аргументов убеждающего сообщения. Газеты стали применять «калейдоскопическое» расположение материала, разбавление важных сообщений сплетнями, противоречивыми слухами, сенсациями, красочными фотографиями и рекламой. Телевидение стало по-новому компоновать видеоряд, точно подбирая отвлекающие образы.

Сильным отвлекающим действием обладают *уникальные* неповторимые события. Они создают «двойное внимание» — люди, как говорится, не верят своим глазам и все сильнее всматриваться в объект, сосредоточивая на нем внимание. Под

прикрытием такой сенсации политики торопятся повернуть все темные дела. Слабее воздействие непривычных событий, которые происходят редко и привлекают внимание другими сторонами (убийства, катастрофы, скандалы). Иногда, наоборот, важные события могут быть использованы для отвлечения внимания от политической акции, которая в другое время вызвала бы повышенную общественную активность. Так, например, умело был выведен в отставку Ельцин — 31 декабря 1999 г., когда все люди готовились встретить Новый год.

### **Политический спектакль и манипуляция сознанием**

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Что это льется — кровь или краска? Эти женщины и дети, что упали как подкошенные в Бендерах, Сараеве или Бали, — прекрасно «играют смерть» или вправду убиты? Здесь происходит превращение людей в толпу. Ле Бон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Огромную роль в смешении реальности и спектакля играет *насилие*. Оно занимает важное место в жизни человека, и его преувеличенный и художественно соблазнительный образ умножается средствами культуры. Американский писатель Б. Гиффорд сравнивает процесс, превращающий клубок страстей, пороков и преступлений в огромный спектакль, с тем, что видит в жизни: «Всего за три дня вокруг меня произошло вот что. Дочь моего друга, 15 лет,

была изнасилована и убита выстрелом в голову в полдень в университетском городке. Мой сын с невестой, им по 20 лет, ожидали вечером автобус. К ним подошел парень с ружьем, заставил сына лечь на тротуар, затолкал девушку в машину, увез на пустырь, изнасиловал и избил. Мой старый друг 72 лет выставил свою кандидатуру в муниципалитет, конкурируя с негритянкой. Когда он пошел к избирателям, на него напала группа громил-негров и превратила его буквально в котлету». Гиффорд задает вопрос: «Давайте различим, где реальность, а где спектакль. Видите вы разницу? Я писатель, и я разницы не вижу». И эта разница все более стирается — даже мелочами. Вот, в супермаркете, куда ходит писатель, старик, собирающий коляски на стоянке перед магазином, обнаружил в такой коляске две отрезанные руки. Просто шутка. Неизвестно даже, было ли перед этим совершено убийство или так, шутник где-то раздобыл «ненужные» руки.

Анализ этого сдвига дал французский философ Ги Дебор в книге «Общество спектакля» (1971). Он показал, что технологии манипуляции сознанием способны разрушить знание, полученное человеком от реального исторического опыта, заменить его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами».

При этом *историческое время* превращается в совершенно новый тип времени — *время спектакля*, время пассивного созерцания. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное время. Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции. Такое состояние подерживается искусственно, возникла даже особая техника — *непрерывное говорение*. Человек, слушая его, просто не имеет возможности даже мысленно вступать с получаемыми сообщениями в диалог. На радио и телевидении появились настоящие виртуозы этого жанра.

Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у че-

ловека, наблюдающего политический спектакль. Общество спектакля — это «вечное настоящее». В реальной жизни время, как важнейшая координата бытия, ощущается в движении «прошлое — настоящее — будущее». Настоящее понимается в неразрывной связи с прошлым и с ответственностью за будущее. Спектакль способен как бы «остановить» настоящее. Места для проявления воли человека при этом не остаются, будущее запрограммировано режиссером.

То же самое происходит с восприятием пространства: созерцатель спектакля «потребляет» его стандартные упаковки, сам оставаясь вне реальности. Режиссеры спектакля становятся хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов. Актерами «спектакля» являются политики.

Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля» — «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться».

К обману примыкает, как ритуал спектакля, обстановка секретности. Секретность становится важнейшей и узаконенной стороной жизни, так что задавать вопросы и требовать ответа становится чем-то неуместным и даже неприличным. Мы давно уже не знаем, кто, где и почему принимает важнейшие для нашей жизни решения. О чем говорил Горбачев с папой римским? Какое соглашение он подписал с Бушем на Мальте? Когда и зачем были взяты на Западе огромные кредиты? Кто решил принять для России программу МВФ? Никаких объяснений не дается, но, чудесным образом, никто их и не просит. Мы лишь можем смотреть на сцену и гадать.

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску. Убить его посчитали необходимым, видимо, потому, что он создал недопустимый для «нового мирового порядка» прецедент — выплатил весь внешний долг, показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без фиговых листков реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Освенцим и поджог рейхстага.

Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Освенцим эпохи спектакля, и так же, как после Освенцима стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

Но, несмотря на предупреждения, массы людей смотрят на телеэкран так же, как раньше.

Спектакль — система очень гибкая. У режиссеров нет детальных планов, какие бывают у строителя. Если на сцене совершается цепь действий по дестабилизации обстановки, то для нее не нужна ни мощная социальная база, ни большая сила — взорвать мост в миллион раз легче, чем построить. При этом точно нельзя предвидеть, по какому пути пойдет процесс, есть лишь *сценарии*. Но режиссеры готовы к тому, чтобы действовать по любому сценарию, и быстро определяют, какой из них реализуется.

Глава 5.

**ТЕЛЕВИДЕНИЕ**

Телевидение — это и особая технология, и особый социальный институт. Его работники — чуть ли не особое сословие. Характер его воздействия на зрителя определяется этим целым, а не особенностью техники.

Сегодня зависимость людей от телевидения стала почти всеобщей. У некоторых категорий (особенно у детей и подростков) эта зависимость развивается настолько, что наносит ущерб физическому здоровью. Сначала врачи и педагоги, а теперь уже и политики рекомендуют родителям за дверью своих жилищ забывать о демократии и действовать авторитарно, заботясь прежде всего о благе детей.

Американский исследователь пишет: «Дети могут быть настолько поглощены телевидением, что теряют связь с реальным миром. Как сообщило Агентство «Юнайтед Пресс», в один дом ворвался вор и убил хозяина, отца троих детей девяти, одиннадцати и двенадцати лет. Десять часов спустя полиция, вызванная соседями, вошла в квартиру и нашла трех детей, смотрящих телевизор всего лишь в нескольких метрах от окровавленного трупа своего отца. После этого сообщения в университете штата Небраска было проведено национальное исследование, где детям был задан вопрос, что они бы себе оставили, если бы им пришлось выбрать между своим отцом и телевизором. *Свыше половины* выбрали телевизор».

Вот другое проявление воздействия телевизора. В 1996 г. в Риме вышла книга «Молодежь-людоед. Антология экстремального ужаса», которая привлекла интерес культурологов. Это — рассказы десяти молодых писателей. Они создают новый тип литературы ужасов с описанием изощренных пыток и убийств. Внимание специалистов привлек тот факт, что эти писатели описывают мир, воспринятый через экран телевизора, а не через личный опыт или чтение. Виртуаль-

ная реальность телевидения как источник художественного воображения — *имитация имитации!* В этой литературе возникает и новый язык, за основу которого берется калейдоскоп образов телевизионной рекламы, информационных выпусков и клипов. Таким образом, телевидение как механизм отчуждения человека от жизни создает свою «вторую производную».

### **Телевидение как технология разрушения сознания**

Выше говорилось об учении Антонио Грамши, создавшего новую теорию революции. Он учил, что для подрыва общественного строя надо действовать не в лоб, а совершая «молекулярную агрессию» в сознание и разрушая «культурное ядро» общества. В такой «агрессии» телевидение стало главным оружием. Небольшая профессиональная группа — творческие работники телевидения — превращаются в особую спецслужбу, устанавливающую контроль над сознанием массы обывателей.

Говорят, что сейчас главным является *рынок образов*. Рынок образов диктует свои законы, и их продавец (телекомпания) стремится приковать внимание зрителя к своему каналу. Если это удастся, он берет плату с продавцов, которые рекламируют свои товары — телевидение «продает им свою аудиторию». Эта «продажа аудитории» представляет собой огромный и быстро растущий рынок. В США в 1987 г. расходы на рекламу составили 109,7 млрд. долларов, а уже в 1992 г. 168,7 млрд. долл.

На Западе реклама дает 75% дохода газет и 100% доходов телевидения (в США реклама занимает около 1/4 эфирного времени). Даже немногие оставшиеся государственными каналы в большой степени финансируются за счет рекламы (во Франции два государственных канала зависят от рекламы на 66%). В 2000 г. показ 30-секундного ролика во время финального матча чемпионата США по футболу стоил 1,5 млн. долларов (о самом этом ролике писали как о шедевре манипуляции).

Соединение телевидения с рекламой придает ему совершенно новое качество. В рекламе «молекулярная» потребность предпринимателя в продвижении своего товара на рынке соединяется с потребностью буржуазии в обеспечении своей *культурной гегемонии*. В современном обществе идеологическая роль рекламы намного важнее, чем информационная. Реклама создает виртуальный мир, построенный по «проекту заказчика», с гегемонией буржуазных ценностей. Это — наркотизирующий воображаемый мир, и мышление погруженного в него человека становится *аутистическим*. В общем такие люди образуют *общество спектакля* в чистом виде — они знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются его законам.

Это действие рекламы резко усиливается, когда она увязывается с сообщениями *информационных* выпусков. Воображение, разогретое рекламой, по контрасту убеждает зрителя в достоверности известий, а «заведомо истинные» известия усиливают очаровывающий эффект рекламы. Так бесстрастный репортаж создает «доверие», которое распространяется на идущую вслед за ним рекламу, а реклама, возбуждающая эмоции, готовит почву для восприятия идей, заложенных в «бесстрастном» репортаже. Против обеих этих вещей по отдельности может устоять сознание, но оно беззащитно против их комбинации.

С другой стороны, реклама, разрывающая ткань художественного произведения (например, кинофильма), резко снижает его благотворное воздействие на сознание человека. Попытки запретить законом прерывать рекламой кинофильмы категории «высокохудожественные», всегда приводят к острым политическим столкновениям.

Часто упрекают телевидение за то, что в своей «охоте за зрителем» оно злоупотребляет показом сенсационных событий. Этим оно искажает реальность. Но важно другое: самый легкий способ привлечь зрителя — обратиться к скрытым, подавленным инстинктам и желаниям, которые гнездятся в подсознании. Если они гнездятся слишком глубоко, зрителя надо *развратить*. Один телепродюсер сказал откровенно: рынок заставляет меня искать и показывать *мерзкие* сенса-



ции; какой мне смысл показывать священника, который учит людей добру — это банально; а вот если где-то священник изнасиловал малолетнюю девочку, а еще лучше мальчика, а еще лучше старушку, то это вызовет интерес, и я ищу такие сенсации по всему свету. А свет велик, и такого материала для ТВ хватает.

Особо выгодным товаром оказываются для ТВ именно образы, запрещенные культурными запретами. Отснятый четвертым каналом британского ТВ телесериал «Бруксайд» получил «замечание» Совета по контролю качества телепрограмм (есть такой Совет в Англии). Как сказано в замечании, режиссер «без всякой необходимости» показал сцену инцеста — полового акта брата и сестры. Для этого были приглашены очень привлекательные актеры, играющие обычно положительных героев (Джон Сэндфорд и Элен Грейс). Мы, сказал в оправдание режиссер, включили сюжет с инцестом, потому что он позволяет «атаковать последнее табу». Лучше не скажешь.

Таким образом, уже рынок, независимо от личных качеств продюсеров, заставляет развращать человека. Если это совпадает и с политическими интересами верхушки, то ТВ становится мощной разрушительной силой. ТВ интенсивно применяет показ того, что люди видеть *не должны*. Одно из главных обвинений в адрес ТВ — срывание покровов со смерти. Смерть, как уже говорилось, должна быть скрыта от глаз посторонних. Культура вырабатывает сложный ритуал показа покойного людям, его нарушение сразу пробивает брешь в духовной защите человека.

На показе смерти настаивают рекламодатели. Специалисты по рекламе считают, что зрелище смерти, удовлетворяющее «комплекс Танатоса», сильнее всего возбуждает внимание и интерес зрителей. Есть даже количественная шкала «ценности смерти» для телевидения с очень широким перечнем ситуаций.

В США ТВ буквально гоняется за любой возможностью показать «смерть в прямом эфире». Вот сообщение: судья Балтиморы дал разрешение на видеозапись казни в газовой камере осужденного Джона Таноса. Крупный канал платного

телевидения тогда посчитал, что трансляция казни в прямом эфире принесет прибыль в 600 млн. долл. Потом был суд над звездой футбола О. Симпсоном — он обвинялся в зверском убийстве жены и ее приятеля. Процесс стал национальным шоу, ожидался невероятный спрос на открытку с фотографией казни. Судья разрешил телетрансляцию, хотя получил 15 тыс. писем протеста.

А 1 мая 1998 г. на всей территории США была прерваны детские передачи, чтобы показать в прямом эфире самоубийство на улице Лос Анжелеса человека, который узнал, что болен СПИДом. Это был целый спектакль: сначала он поджег свою машину, в которой запер собаку, потом вылез оттуда в горящих брюках с ружьем, потом выстрелил себе в голову, залив кровью всю улицу. Все это снимали с вертолетов. По всей стране дети вынуждены были смотреть эту сцену, что вызвало протесты родителей.

На телевидении возник бизнес под названием *snuff* (что-то вроде «понюхать»). Людей похищают, чтобы затем пытаться их до смерти в подпольных студиях, где записывают видеофильм: пытку, агонию, смерть. Эти кассеты идут по очень высокой цене (по российскому телевидению прошел испанский фильм «Диссертация» на эту тему молодого режиссера А.Аменабара). В Англии, по сведениям Скотланд-Ярда, распространением видеофильмов только о пытках детей занято около 4 тыс. продавцов.

Запад втягивается в то, что философы уже окрестили как «молекулярная гражданская война» — множественное и внешне бессмысленное насилие на всех уровнях, от семьи и школы до верхушки государства. Справиться с ним невозможно, потому что оно «молекулярное», оно не организовано никакой партией и не преследует никаких определенных целей. Даже невозможно успокоить его, удовлетворив какие-то требования. Их никто прямо и не выдвигает, и они столь противоречивы, что нельзя найти никакой «золотой середины». Насилие и разрушение становятся самоцелью — это болезнь всего общества.

## Телевидение и создание реальности

Телевидение — не «гонимый, приносящий вести». Оно формирует «вести» — создает *фиктивную реальность*. Вот мудрость продюсеров телевидения США: «Речь идет не о том, чтобы «вещать истину», а о том, чтобы «творить истину».

Президент Американского общества редакторов Л. Гилюне сказал (1993 г.): «Репортажи новостей по телевидению всегда порождали сомнение, реально ли то, что в них представлено. Природа визуальных средств информации — развлекать, драматизировать, создавать сны наяву для массового зрителя — влияет на содержание информации. Мир фантазии смешивается с миром факта. Для многих людей то, что появляется на экране телевизора, становится реальностью».

Поскольку человек действует согласно своему восприятию реальности (то есть ее *образу*), телевидение, создающее этот образ, программирует поведение человека. Вспомним суд над кумиром США футболистом О.Симпсоном. Этот суд расколол страну по расовому признаку: большинство негров считали, что Симпсон невиновен, а белые, что виновен. Изучение процесса показало, что ТВ именно «конструировало реальность» — все участники суда над Симпсоном «работали на объектив». Даже судья, когда делал заявление, поворачивался лицом к телекамере. Выявилось различие театра и ТВ. Драма на сцене, независимо от числа трупов, производит эмоциональное очищение зрителя — *катарсис*, который освобождает от темных импульсов. Телесуды (и над Симпсоном, и другие) не только не производят катарсиса, но, напротив, оставляют «липкий осадок злобы, подозрений, цинизма и раскола».

Более того, был сделан поразительный вывод, что ТВ обладает свойством *устранять из событий правду*. Именно глаз телекамеры, передающий событие с максимальной правдоподобностью, превращает его в «*псевдособытие*», в спектакль. Кассеты с записью суда даже не могут считаться документом истории — они искажают реальность. Объектив камеры действует таким образом, что меняет акценты и «вес» событий и стирает границу между истиной и вымыслом.

Видный юрист пишет, что объектив телекамеры, дающий крупным планом лицо обвиняемого, прокурора, судьи, служит как бы протезом глаза телезрителя, который приближает его на запретное расстояние и создает мерзкое ощущение мести. Эта способность ТВ не имеет отношения к праву на информацию, это — право смотреть в «замочную скважину». По определению этого юриста, присутствие телекамеры в зале суда создает особый жанр *порнографии*, и телесуд не может не быть неприличным спектаклем. Зал суда с телекамерой — это особый сценарий, действующий по своим законам и фабрикующий свою «правду».

Присутствие ТВ оказывает такое воздействие, что экс-премьер Италии Андреотти согласился предстать перед судом, если процесс будет передаваться в прямом эфире. Он уже знал об эффекте камеры. Прецедент был в 1986 г. в Нанте (Франция), где обвиняемые, тайно получив оружие, захватили заложниками весь суд, но не стали скрываться, а поставили условием пригласить на процесс ТВ. И автоматически превратились из преступников в героев захватывающего телесериала.

Создавая реальность, ТВ деформирует нас самих. Пресса полна сообщений о прямом воздействии ТВ на реальные события, на «создание» человеческих трагедий. Особенно в этом отличились передачи жанра откровенных разговоров (*talk show*). Ради сенсации ведущие с ТВ лезут к людям в душу, вытягивают перед телекамерой скрытые грехи, семейные тайны, похороненные в глубине памяти гадости — а после этого у жертв наступает и раскаяние и злоба, случаются даже убийства.

Целая серия (более 70) исследований в США показала, что все большее число людей, особенно детей и подростков, оказываются неспособны различить спектакль и реальную жизнь. В США 1,5 млн. школьников — «пограничные» дети, которые отвечают на сигналы ТВ, как лунатики. ТВ прямо ведет их к насилию, к которому они вовсе не предрасположены ни душевно, ни социально. Но и вполне нормальные дети и подростки не могут устоять против программирующего действия телевидения. Примеры диких выходов часто даются в газетах, и речь идет о массовом явлении. Вот примеры.

*Барселона.* Трое подростков, посмотрев ТВ, воспроизвели восхитивший их трюк. Поздно вечером они натянули через улицу шнур и наблюдали, как он перерезал горло мотоциклисту. Он умер на месте.

*Лондон.* Два шестилетних мальчугана полностью разрушили дом своих соседей, чтобы повторить телепередачу и получить премию. В детской передаче показан построенный в телестудии дом, который требуется разрушить самым оригинальным способом. Дети-победители получают ценные призы.

*Осло.* Группа 5-6-летних детей на лужайке недалеко от дома забила насмерть одну из подружек. Она в игре представляла ту черепашку-нинзя, которую в последней передаче все били.

*Валенсия.* 20-летний юноша, переодевшись черепашкой-нинзя, ворвался в соседний дом и зарезал супружескую пару и их дочь.

*Нью-Йорк.* Малолетние приятели, посмотрев по телевизору боевик, наказали такого же малолетнего сына хозяев квартиры за то, что он отказался стащить для них конфеты из шкафа. Они держали его за руки за окном 12-го этажа, требуя конфет. Поскольку он был уже в шоке и не отвечал, они разжали руки. Его маленький брат прыгал и плакал рядом, но помочь ничем не мог.

Во всех таких сообщениях идет речь о нормальных детях из среднего класса. Они просто уже живут в «обществе спектакля» и не могут отличить жизнь от того, что видят на телеэкране. Они — жертвы свободы сообщений. Разумеется, не только дети поддаются прямому воздействию телевидения на поведение. В США 63% опрошенных осужденных заявили, что совершили преступление, подражая телевизионным героям, а 22% переняли из передачи телевидения «технику преступления».

Социальному «заражению» под действием телеэкрана дети начинают подвергаться уже с дошкольного возраста. Этому посвящены большие исследования психологов Стэнфордского университета под руководством А. Бандуры, которые положили начало целой научной области.

А. Бандура сначала изучал «заражение» при наблюдении сцен насилия в обыденной жизни — в присутствии ребенка кто-то ведет себя агрессивно, бьет кукол, калечит искусственных животных и т.д. После наблюдения таких сцен «без всякого к тому побуждения абсолютно нормальные, хорошо адаптированные дошкольники начинают вести себя агрессивно. Причем они не только проделывают все, что увидели, но и дополняют это собственной фантазией».

Затем А. Бандура заменил реальные сцены насилия сценами, увиденными по телевидению (в специально сделанных, а также в художественных или документальных фильмах). Было проведено огромное количество экспериментов с людьми разного возраста (детьми, подростками, студентами и взрослыми) и сделан надежный вывод: сцены насилия на телеэкране вызывают сильные агрессивные импульсы.

При этом вид страданий жертвы насилия лишь усиливает интенсивность агрессивной реакции телезрителя. Иными словами, эти эксперименты опровергли гипотезу, согласно которой виртуальные сцены насилия вытесняют агрессивные импульсы. По поводу выводов А. Бандуры фирмы, производящие телевизоры, сделали коллективное заявление с попыткой поставить эти выводы под сомнение. Но этим только подлили масла в огонь и стимулировали много новых исследовательских проектов, которые эти выводы подтвердили.

Откуда у ТВ такая сила? Первое важное свойство телевидения — его «убаюкивающий эффект», обеспечивающий пассивность восприятия. Сочетание текста, образов, музыки и домашней обстановки расслабляет мозг, чему способствует и умелое построение программ. Человек может контролировать, «фильтровать» сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово и через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает — «фильтры» рвутся. Так получилось с комиксами, ТВ умножило мощь этого принципа. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда — образов, снятых «на месте событий». Критическое осмысление резко затруд-

няется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом. Неважно! Эффект вашего присутствия «в тексте» достигается.

Известны случаи, когда цель передачи достигалась при полном противоречии текста видеоряду. Так, сеть Си-Би-Эс (США) показала фильм о КНДР, снятый австралийским репортером-коммунистом У. Бэрчеттом. Но вместо авторского комментария был дан другой, противоположный по смыслу текст диктора телекомпании — и фильм воспринимался как радикально антикоммунистический.

Редакторы телевидения это знают, и чуть не в половине сообщений информационных программ используются обрезки видеозаписей из архива. Иногда при монтаже даже не убирают дату съемки видеокadra, и бывает, что актуальный репортаж «из горячей точки» сопровождается видеозаписью многолетней давности. А иногда на экране показывают вообще посторонний сюжет, не имеющий никакого отношения к тексту — какие-то автомобили, верблюды, городские толпы.

Множественность каналов информации в телевидении позволяет придавать *одному и тому же* тексту разный смысл. Американский профессор О'Хара пишет об искусстве диктора: «Его сообщение может выглядеть объективным в том смысле, что оно не содержит одобрения или неодобрения, но его вокальные дополнение, интонация и многозначительные паузы, а также выражение лица часто имеют тот же эффект, что и редакторское мнение».

Технические возможности телевидения позволяют лепить образ объекта, даже передаваемый в прямом эфире. Французский телекритик пишет: «С телевизионным изображением можно сделать все, как и со словом. Поставьте интервьюируемого так, чтобы камера смотрела на него снизу, и любой человек сразу примет спесивый, чванный вид. Смонтируйте кадры по своему усмотрению, вырежьте немного здесь, добавьте кое-что там, дайте соответствующий комментарий... и сможете доказать миллионам людей что угодно». Нередки и прямые фальсификации — вместо реального события в «документальном» репортаже показывают массовку из актеров-профессионалов.

Огромную манипулятивную силу придает телевидению ощущение *достоверности* увиденного, эффект присутствия телезрителя на месте событий, даже его соучастия в событии. Для этого служит трюк, имитирующий реальность! Он описан в учебниках телерепортажа. Это *reality show* (имитация реальности). На Западе его применяют в полицейских роликах, чтобы имитировать сфабрикованную задним числом съемку поимки бандитов или дорожной катастрофы. При этом зрителя и не обманывают, будто это натурная съемка, но сильнейшее эмоциональное воздействие от иллюзии достоверности достигается.

Этот прием был введен в практику радио немецкими фашистами — они специально инсценировали всяческие «накладки», чтобы создать образ бесхитростных, неуклюжих людей. Это примитивный, но действенный способ «захвата аудитории»\*. В отношении телевидения давно обнаружено, что искажения на экране телевизора, вызванные работой оператора в реальных условиях, не только не снижают силы воздействия на зрителя, но даже наоборот — создают ощущение большей подлинности репортажа.

В стиле *reality show* делались телерепортажи о войне в Чечне в 1994-1996 гг. Вот тропинка вдоль разрушенного дома. По этой тропинке бегут какие-то люди, за ними следует камера. Камера дергается, люди выпадают из кадра, сбивается фокусировка. Все так, будто оператор, в страшном волнении, под огнем снимает реальность. Создается мощный эффект присутствия, мы как будто вброшены в страшную действительность Чечни. Но камера дергалась и сбивалась с фокуса рукой оператора только для того, чтобы создать *иллюзию* боевой обстановки.

---

\* На телевидении РФ ведущие применяют такой прием продемонстрировать свою искренность и милую наивность. Когда в программе дают трогательную сцену (девочка звонит по телефону Президенту, в Таиланде слониха родила слоненка и т.д.), то диктор, переходя к следующему эпизоду, «не успевает» стереть с лица улыбку. Дескать, он тоже смотрел на экране эту сцену и — ничто человеческое ему не чуждо — она его растрогала, и он от души улыбался, хотя обязан быть серьезным.



Многие кровавые спектакли последних лет изначально ставились как телевизионные. Ни «Буря в пустыне», ни полет ракеты «Томагавк» к сербскому мосту через Дунай были бы не нужны, если они не могли быть показаны по телевидению. Все эти акции были тщательно подготовленными сценами, смысл которых — именно их телетрансляция в каждый дом, в каждую семью. В этом жанре первой стала бомбардировка авиацией США Триполи в 1986 г. («превентивная акция против возможного нападения ливийских террористов»). Падение ракет на город было приурочено к началу вечерних информационных выпусков телевидения США. Таким образом, телевидение могло сразу сообщить об акции и тут же соединиться со своими репортерами в Триполи, чтобы зрители могли в прямом эфире наблюдать взрывы американских бомб и ракет в «логове врага». Это была первая в истории бомбежка, организованная как телевизионный репортаж — в большой степени *ради* этого репортажа.

### **Телевидение и манипуляция сознанием в политике**

В 60-е годы была обнаружена удивительная способность телеэкрана «стирать» различие между правдой и ложью. Даже явная ложь, представленная через телеэкран, не вызывает у телезрителя сигнала тревоги — его психологическая защита отключена.

Вот данные крупного исследования психологов, заказанного Би-Би-Си в конце 90-х годов. Видный комментатор Робин Дэй подготовил два варианта выступления на одну и ту же тему. Один вариант был с начала до конца ложным, другой — верным. Оба варианта были переданы тремя видами сообщений: напечатаны в газете «Дейли Телеграф», переданы по радио Би-Би-Си, показаны в телепрограмме «Мир завтра». Читателей, радиослушателей и телезрителей попросили ответить, какой вариант они считают правдой. Ответили 31,5 тыс. человек — для подобного исследования это огромное число. Различили правду и ложь 73,3% радиослушателей, 63,2% читателей газеты и только 51,8% телезрителей. Вывод: по са-

мой своей природе ТВ таково, что правда и ложь в его сообщениях практически неразличима.

Надо подчеркнуть, что разница между ТВ, газетой и радио гораздо больше, чем кажется из цифр. Большинство зрителей оценивает правдоподобность сообщения сходу — они «угадывают» правду и ложь, не рассуждая. В предельном случае, если бы правда и ложь были абсолютно неразличимы, то число телезрителей, принявших сообщение за правду, равнялось числу телезрителей, принявших его за ложь — 50% и 50%. В эксперименте 48,2% (т.е. 100 — 51,8) телезрителей приняли *ложь за правду*. Но это значит, что такое же число людей приняло *правду за правду* не потому, что разобрались в сообщении, а случайно — как орел или решка. То есть, правду *сознательно* различили только 3,6%. Напротив, среди радиослушателей сознательно различили правду 46,6%, почти половина. Это большая величина (у читателей газет она несколько меньше, 28% — но все же почти треть).

Что же произошло при широком использовании политической рекламы через телевидение? Из общественной жизни была устранена сама проблема *политического выбора через столкновение идей*. Если раньше политика предполагала наличие программы, постановку проблем, изложение альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов, имиджей политиков, причем эти имиджи создаются по законам рекламного бизнеса. Литература полна описаниями того, как политики, желающие охватить разнородные и даже противостоящие группы избирателей, готовят несколько рекламных роликов с совершенно различными, несовместимыми имиджами.

Таким образом, телевидение устранило демократию как таковую, ибо демократия означает осмысление проблемы и разумный выбор в виде политических идей. Теперь для политиков важен сам факт появления на телеэкране, внедрение их образа в подсознание людей. Часто их выступления перед телекамерами вообще не несут никакого содержания, а не то что идей. Политики, например, тщательно избегают ситуаций, в которых они вынуждены были бы обнародовать свои

ценности (идеалы, принципы, критерии выбора решений) — они «заменяют ценности котировкой», продают свой образ.

Телевидение представляет социальные и политические противоречия не как столкновение интересов и программ, а как столкновение лидеров. Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой. Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор. Политические консультанты, которые выступают как режиссеры этих спектаклей, сами могут вообще не иметь никаких идеологических пристрастий. Нередко после одной избирательной кампании они получают контракт от политических противников «их» кандидата.

Создание телевизионного образа как главная технология политической борьбы имела для общества страшные последствия. «Имидж господствует над речью» — произошла смена языка в политике. Язык стал таким, что политик может полчаса гладко говорить, но после этого невозможно кратко повторить основное содержание его речи. Из политики устраняется сама категория *противоречия*, конфликта, выбора.

Телевидение превратило политический язык из конфликтного в соглашательский — политик, создавая свой имидж, всегда обещает «сотрудничать со всеми здоровыми силами». Язык тесно связан с системой ценностей и возникновение особого телевизионного языка привело к глубокому кризису самой категории ценностей в политике, к катастрофическому обеднению политической жизни. Сегодня на Западе для среднего университетского профессора недоступен тот политический язык, которым владел грамотный рабочий начала XX века.

Во время перестройки и реформы в СССР, а затем РФ, телевидение определенно приняло манипулятивную семантику и риторику — язык, стиль, эстетику, темп и построение программ. Оно постоянно и последовательно сокращало время, а потом и ликвидировало познавательные, рассудительные передачи, восстанавливающие здравый смысл людей. Оно ввело в практику непонятные, нервирующие, порой кажущиеся безумными заставки (глаз, шестерни, падающие со стула

клоуны, дерущиеся деды-морозы и т. д.). Ткань передач стала разрываться рекламой, так что даже художественные произведения утратили свою восстанавливающую сознание силу (важные в советском телевидении передачи лучших театральных спектаклей вообще исчезли). В целом телевидение взяло на себя роль силы, подрывающей способность людей к рациональному логическому мышлению, стало инструментом *обскурантизма*. Эфир заполнили астрологи и предсказатели — в масштабах, совершенно не соответствующих реальному распространению этих суеверий в российском обществе 90-х годов. Телевидение *внедряло* эту субкультуру в массовое сознание.

В *международной политике* телевидение стало главным средством проникновения США в информационную среду других стран. Новые технические средства затрудняют создание «железных занавесов» для защиты сознания своих граждан. Считается правилом, что держава, стремящаяся к господству над какой-то страной, должна захватить ее СМИ. Премьер-министр Гайаны заявил: «Нация, чьи СМИ управляются из-за границы, не является нацией».

Один из отцов холодной войны, Джон Фостер Даллес в свое время сказал: «Если бы я должен был избрать только один принцип внешней политики и никакой другой, я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации». Впервые эта доктрина была выдвинута на международном уровне в 1945 г., потом «продавлена» через ЮНЕСКО и ООН. Она стала важным оружием США в холодной войне. Параллельно расширялся «полусвободный» поток информации, ориентированный на интеллигенцию стран «советского блока».

Доктрина свободного потока информации стала обоснованием «культурного империализма» США. Она сразу была отвергнута странами социалистического лагеря, а потом и большим числом неприсоединившихся стран. Однако на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Западу удалось уломать руководство СССР. Перестройка устранила все препоны, она органично включила поток информации из США в свою программу.

Техническое качество американских телепрограмм, большие усилия психологов по их «подгонке» к вкусам и комп-

лексам конкретного зрителя делают их ходовым товаром, так что «человек массы» всех стран мира сегодня посчитал бы себя обделенным и угнетенным, если бы он был лишен доступа к этой телепродукции. Пользуясь этим, США добиваются соглашений, по которым телепродукция США идет «в пакете» — без права отбора. Таким образом, страны-импортеры лишаются возможности отсеивать сообщения с сильным манипулятивным воздействием. О масштабах экспорта можно судить по Латинской Америке, в которой программы из США составляют от 40 до 90% национального телевидения. Объем информационных сообщений о жизни США там намного превышает объем сообщений о жизни своих стран.

### Глава 6.

## МАНИПУЛЯЦИЯ ПОНЯТИЯМИ И КАТЕГОРИЯМИ

### Учебный пример: свобода

Уже Ле Бон заметил, что эффективнее всего действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и эдак. К таким словам он отнес слова *свобода, демократия, справедливость*.

Понятие *свободы* — одно из ключевых в культуре каждого общества. Поэтому внушение определенного понимания свободы — важная задача в технологии манипуляции. Манипуляторы представляют категорию свободы как *общечеловеческую*, не зависящую от времени и места, от культуры и исторических условий. На самом деле трудно назвать другое понятие, столь изменчивое и зыбкое, как свобода. Без перечисления ее признаков вообще нельзя даже грубо представить себе, что подразумевается под этим словом.

Во время перестройки большинство граждан было уверено, что переход от советского общества к «свободному» будет означать *социальную справедливость*. СМИ умалчива-

ли об аксиоме неолиберализма, которую фон Хайек выразил так: «Попытка осуществить социальную справедливость несовместима с обществом свободных людей».

Исторически, в культуре России существовала оппозиция двух подходов к понятию свободы. Либералы-западники склонялись к формуле, выработанной Просвещением: человек свободен, поскольку он — *индивидуум* (т.е. «неделимый»). Он есть целостный мир и лишен оков всеобщей этики, которая в современном обществе заменена *правом* — «разрешено все, что не запрещено законом».

*Традиционное* общество России понимало свободу как проблему отношения человека к миру (или к Богу) — и к другому человеку. Так, Пушкин, Достоевский и Толстой отвергали свободу западного либерализма. На их взгляд, свобода, лишенная оков этики (Бога, любви и совести), разрушительна. Подавление этической ответственности есть и подавление свободы, сверхчеловек — тоже раб. Мы видим, что понимание свободы и ее связи с ответственностью различно в разных философско-религиозных системах.

Чтобы снять тормоза ответственности и отключить выработанное культурой недоверие к разрушительным идеям, во время перестройки была проведена интенсивная кампания по созданию стыда или хотя бы неудобства за «рабскую душу России». Идею свободы связали со стереотипом *антигосударственности*. В учителя нам дали фон Хайека с его призывом презирать *защищенность*. Он советовал принять «кредо англосаксонских стран»: «Те, кто отказывается от свободы во имя временной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности».

Как мило слушать эти советы в России! Ведь это кредо сытого человека, привыкшего к безопасности за океаном. А если у тебя ребенок плачет без хлеба? А если на тебя прет Гитлер, обещавший вообще стереть твой народ с лица земли? Либеральное понимание свободы в России могло привлечь лишь людей, лишившихся исторической памяти и о голоде, и о Хатыни.

Миф о свободе во время перестройки был увязан со светлым образом частной собственности. Она была представлена источником прав и свобод человека. На деле обретение част-

ной собственности вовсе не *создает* прав и свобод, а лишь *изменяет* их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности утверждает *свободу контракта*, но тем самым лишает человека *права на пищу*, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав.

При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу. Свобода контракта означает, что работник выносит свою рабочую силу на рынок, и она может быть не востребована, как и любой товар. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться, и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Пропаганда частной собственности как гаранта свободы основана на подлоге. Вот что пишет в 1906 г М. Вебер, крупнейший либеральный социолог, изучавший связь капитализма с культурой: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке,.. избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)».

Вебер подчеркивает, что капитализм начала XX века уже не был связан со «свободой» *«в каком бы то ни было смысле слова»* — даже с экономической свободой, свободой контракта. В этом отношении зрелый монополистический капитализм настолько сросся с государственной бюрократией, что в нем уже не было и следа того «духа свободы», который имелся у юной буржуазии, идущей к власти, в период «свободной конкуренции».

Американский социолог Б. Гинзберг писал совсем недавно: «Западные правительства использовали механизмы рынка, чтобы управлять устремлениями и чувствами народных

масс... Хотя граждане западного мира имеют обыкновение связывать рынок со свободой мнений, невидимая рука рынка может быть инструментом контроля почти столь же мощным, как и железный кулак государства».

Тезис о том, что частная собственность и рынок якобы порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Это пример элементарной манипуляции. Поразительно, что в него поверила часть наших граждан, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс.

Кампания по созданию мифа свободы была настолько мощной, что удалось отключить здравый смысл. Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание «несвобод». Что такое язык? Это введение норм и правил сначала в рычание и визг, а потом и в членораздельную речь и письмо. Ах, ты не желаешь презреть оковы просвещения? Ты требуешь соблюдать правила грамматики? Значит, ты раб в душе, враг свободы.

Только через огромную и разнообразную систему не-свобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим. В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. *Но мы можем выпрямиться, встав на ноги — а червяк не может*».

Мы это наблюдали на опыте — распад государства и производственной системы, появление огромного количества свободных людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов и студентов, проституток и беспризорников). Подавив «страх перед свободой», идеологи соблазнили людей *жизнью без запретов* — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, смалил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами».



Так общество погрузилось в тяжелый кризис. И трудность его преодоления в том, что соблазн свободой манипуляторы сумели внедрить глубоко в подсознание больших масс людей, особенно молодежи. Значительная часть их перестала быть *гражданами* и составлять общество. Перед нами большой эксперимент по «толпообразованию» — без физического контакта людей.

### **Мифы — большие проекты манипуляции**

Миф — представление о действительности, сочетающее нравственные и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. Это всегда представление иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. Мифы являются механизмами организации и «кристаллизации» опыта предыдущих поколений в ярких и многозначных символах и образах.

Миф, упрощая реальность и давая человеку иллюзию понимания, освобождает от страха перед неопределенностью. Способность мифа упростить реальность и свести существующее в ней противоречия к формуле борьбы Добра и Зла драматическим образом проявляется во время общественных катастроф, слома устойчивого жизнеустройства — революций и войн. В такие времена мифы сливаются с суровой реальностью, начинают действовать простые формулы и решения, предписанные мифом. Устраняя из реальности зоны хаоса, показывая человеку его место в борьбе, миф освобождает людей от страха перед реальностью, помогает пережить психологические травмы и потрясения. В такие времена люди нуждаются в мифе, тянутся к нему и оказываются беззащитны против манипуляции. Так, поверив в созданный манипуляторами образ героя-избавителя, человек отождествляет реальность с мифом, утрачивает способность к критическому восприятию. Поведение такого человека, захваченного мифом, становится более *программируемым* и *предсказуемым*.

*Политический миф* деформирует и «упорядочивает» хаос политической реальности. Он ее *интерпретирует*. В этом и

таится возможность манипуляции. Что бы ни случилось в мире, миф имеет в своей структуре полочку, на которую можно поместить произошедшее событие так, чтобы оно не топорщилось и не тяготило своей необъяснимостью. Иногда миф есть способ заместить в сознании невыносимый достоверный образ страшной действительности условным образом, с которым можно «ужиться».

Эффективность мифа во многом определяется тем, что он экономит усилия. Он задает человеку матрицу, которую тот сам, творчески, наполняет конкретным содержанием. Структура мифа и характер его восприятия общественным сознанием хорошо изучены, что позволило создать целую индустрию, фабрикующую и внедряющую мифы с целью манипуляции сознанием и поведением. Есть сравнительно небольшое число выработанных многовековой практикой схем мифа («универсальных конструкций»). Выбрав подходящую схему, ее можно наполнить конкретным содержанием, в зависимости от задачи манипулятора, и подтолкнуть людей к тому, чтобы они воспринимали проблему в заданной схеме — а они сами «дорисуют» мифологическую картину, дополняя заданную манипулятором схему красочными деталями.

Задавая человеку мыслительную конструкцию, миф «запускает» ход мысли, в котором образы, вопросы и ответы порождаются самим человеком. Понятно, что если в массовом сознании заложена матрица какого-то крупного мифа, то идеологу нет необходимости сообщать целостную программу, ему достаточно лишь подсказать некоторые штрихи, намекнуть, подтолкнуть сознание к этому мифу. А дальше будет работать его матрица, люди сами «додумаются» до заданного вывода. Миф о льготах номенклатуры и приходе героя-избавителя, который будет бороться с этим злом, заставлял людей видеть в Ельцине именно такого героя почти вопреки очевидной реальности.

Манипулятивная сила мифа определяется и тем, что он всегда несет в себе мистическое начало. Оно подавляет критическое мышление — человек, мыслящий согласно структуре мифа, *верит*. Но нельзя верить «наполовину», и человек закрывает глаза на то, что некоторые важные следствия мифа

противоречат реальности. Он, например, отождествляет реального политика с его мифическим героическим образом. И пока длится очарование этого образа, поведение человека, захваченного мифом, остается *программируемым*.

Мифы, несущие в себе важную иррациональную компоненту, становятся частью традиции и играют важную роль как в легитимации, так и подрыве легитимности общественного строя государства. Миф и в современном обществе не утратил своего значения как формы общественного сознания. Г. Лассуэлл дает такое определение: «Политический миф — это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности». Проблема ложности или истинности при этом исключается.

Вот пример маленького, конъюнктурного политического мифа. С конца 80-х годов в течение десяти лет в сознание нагнетался миф, будто Ленин в строительстве советского государства опирался на «чернь», на отсталое мышление. Редкий демократический политик или журналист не помянул Ленина, который, якобы, заявил, что «кухарка может и должна управлять государством». Возникла даже привычная метафора «*ленинской кухарки*».

В действительности В.И. Ленин писал в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» (т. 34, с. 315): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой черноработчий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели».

Таким образом, Ленин говорит совершенно противоположное тому, что ему приписывала буквально вся демократическая пресса и во что поверила почти вся интеллигенция. Более того, он специально заостряет проблему, чтобы показать, насколько огрубляют ее либералы и меньшевики. Для него кажется очевидным, что любая кухарка *не способна* [находясь в состоянии кухарки] управлять государством (верить в это, по словам Ленина, было бы утопией). О том, что кухарка *должна* управлять государством, нет и речи.

Кстати, во время перестройки идеологи никогда не цитировали и продолжение мысли Ленина, мысли именно демократической. Он продолжал, после согласия с кадетами и др.: «Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники».

В том, чтобы приписывать политическому противнику ложные изречения, нет ничего нового. Еще ведомство Геббельса стало применять новый прием — изобретение фальшивых *цитат* (иногда с указанием точного «источника», вплоть до страницы). Более тонкий прием манипуляции — использование цитат, вырванных из контекста, с приданием этим цитатам искаженного смысла, противоречащего главным утверждениям автора. Один из главных идеологов перестройки А.Н. Яковлев вспоминает об этом методе в 2001 г.: «Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала... Например, мои работы и выступления 1987-1988 годов, частично и 1989 года были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина».

Особенно важны для манипуляции сознанием в политических целях *черные мифы*. Они поддерживаются в общественном сознании (часто в международном масштабе) для того, чтобы в нужный момент оживить их и провести срочную кампанию манипуляции сознанием. Они оказываются и наиболее устойчивыми, гласно ставить их под сомнение часто бывает даже небезопасно. Черный миф, с которым удается в массовом сознании связать противников (они, мол, — опричники, инквизиторы, фашисты, сталинисты, мафиози и т.д.), сразу заставляет отшатнуться от них всех колеблющихся. Противники, на которых удалось наклеить ярлык черной метафоры, вынуждены тратить много сил на то, чтобы сорвать ярлык: «Да что вы, какой же я сталинист! Я тоже за демократию и за реформы!» Если такой политик не имеет доступа к телевидению, сделать это практически невозможно.

Большие исторические черные мифы создаются авторитетными интеллектуалами и художниками. Если они поддерживаются и авторитетными зарубежными умами, то приобретают зловещий и долгосрочный характер и порождают дочерние или обобщающие мифы.

Для истории России и ее отношений с Европой очень важен черный миф об Иване Грозном. Из него до сих пор выводится якобы «генетически» присущий России тип кровавой и жестокой деспотии. Так, советник Ельцина философ А.И. Ракитов в журнале «Вопросы философии» изложил «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации». Ивану Грозному приписывается патологическая жестокость, причем не как личная аномалия, а как присущее России качество: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях».

Это миф *евроцентризма*: Россия как цивилизация якобы всегда отличалась в худшую сторону от европейских государств. На деле за 37 лет царствования Грозного было казнено около 3-4 тысяч человек — гораздо меньше, чем за одну только Варфоломеевскую ночь в Париже тех же лет (около 12 тыс. казненных тогда по приказу короля гугенотов). В тот же период в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. Все это хорошо известно, однако человек, который уверовал в миф, уже не может отказаться от веры в то, что Россия — «империя зла».

Похожим образом, как и в мифе об Иване Грозном, соединились в XIX веке усилия испанских либералов, в их борьбе с монархией, и протестантов, ведущих борьбу против католичества, в создании черного *мифа об Инквизиции*. Этот миф стал важным средством в противостоянии Англии и США против испаноязычного мира.

Этот миф связан с главным мифом современного Запада — о том, что протестантская Реформация породила неразрывно *капитализм* и *науку*. Переход к новому типу эксплуатации был как бы ценой за блага свободы и науки.

В историю науки вошел, как догма, тезис о том, что наука расцвела на севере Европы потому, что там не было Инквизиции. А на юге Европы, задавленном Инквизицией, господствовал не разум, а реакционная религия, суеверия и чувство.

Спор католиков с протестантами в XVI-XVII вв. затрагивал главные вопросы становления современной западной цивилизации: представления о человеке (индивидуум или член братства), о человечестве (единое или разделенное на расы избранных и отверженных), о правах личности и народов (спор о статусе индейцев). Понятно, как важно было бы знать, где и когда произошел переход от мышления эпохи Возрождения, которое представляло мир полным ведьм, демонов и магии, к истокам Просвещения.

Над созданием мифа много потрудился американский историк-протестант Генри Чарльз Ли (1825-1909). Его книга «История Инквизиции в Средние века» (1877) сделала его главным авторитетом в этом вопросе. В 1906-1907 гг. он опубликовал «Историю Инквизиции в Испании» в четырех томах, где писал, что стремился показать не страшную церемонию сожжений, а «неслышное воздействие, которое оказывала ежедневная непрерывная и секретная работа этого трибунала на всю массу народа, показать те рамки, в которые он загнал ум испанцев, тупой консерватизм, с которым он удерживал нацию в средневековой рутине и не дал ей воспользоваться свободами рационального мышления».

И вот, уже после выхода в свет главного труда Ли, в руки ему попали документы, которые перевернули все его взгляды. Это были протоколы процесса 1610 г. в испанском городе Логроньо, на котором молодой инквизитор иезуит Алонсо де Салазар убедительно доказал, что ведьм и демонов *не существует*. И сделал он это согласно строгим нормам научного метода, намного опередив в этом свое время. Вывод Салазара поддержал Высший совет Инквизиции.

Это решение кардинально изменило весь интеллектуальный климат в католических странах, а затем и состояние общества в целом — ведь «колдуны и ведьмы» составляли подавляющее большинство жертв Инквизиции. В результате именно в католических странах по решению Инквизиции прекратилась «охота на ведьм» — **на целое столетие** раньше, чем в тех частях Европы, где победила Реформация.

Оказалось, что известные борцы за рациональное мышление (как, например, Декарт) были на севере Европы редкими диссидентами, а большинство видных интеллектуалов-протестантов даже и в XVIII веке верили в демонов и ведьм. И сотни тысяч «ведьм» пошли на костер в век Научной революции (и сжигали их в США вплоть до XVIII века, причем судьями были профессора Гарвардского университета).

Ли, честный ученый, нашел в себе силы и мужество заявить буквально накануне смерти: «Нет в европейской истории более ужасных страниц, чем сумасшествие охоты на ведьм в течение трех веков, с XV по XVIII. В течение целого столетия Испании угрожал взрыв этого заразного помешательства. Тот факт, что оно было остановлено и сокращено до относительно безобидных размеров, объясняется осторожностью и твердостью Инквизиции... Я хотел бы подчеркнуть контраст между тем ужасом, который царил в Германии, Франции и Англии, и сравнительной терпимостью Инквизиции».

Ли начал большую работу по документальному описанию охоты на ведьм, обратясь в архивы всех христианских стран. Эту работу закончили уже его ученики. Ф.Донован, современный историк, пишет: «Если мы отметим на карте точкой каждый установленный случай сожжения ведьмы, то наибольшая концентрация точек окажется в зоне, где граничат Франция, Германия и Швейцария. Базель, Лион, Женева, Нюрнберг и ближние города скрылись бы под множеством этих точек. Сплошные пятна из точек образовались бы в Швейцарии и от Рейна до Амстердама, а также на юге Франции, забрызгали бы Англию, Шотландию и Скандинавские страны. Надо отметить, что, по крайней мере в течение последнего столетия охоты на ведьм, зоны наибольшего скопления точек были центрами протестантизма. В полностью

католических странах — Италии, Испании и Ирландии — было бы очень мало точек; в Испании практически ни одной».

Историки, которые осмелились отойти от установок черного мифа об Инквизиции, сразу смогли преодолеть кажущееся ранее необъяснимым противоречие: утверждение о том, что Реформация освободила мышление, никак не вязалось с тем фактом, что именно виднейшие деятели протестантизма (Лютер, Кальвин, Бакстер) были фанатичными преследователями ведьм.

Вероятно, самым красноречивым эпизодом сравнительной истории «охоты за ведьмами» служат процессы над «сейлемскими ведьмами» в Массачусетсе, когда в городке Сейлем в июне 1692 г. были осуждены, сожжены или повешены 152 «ведьмы». Это не было самосудом неграмотной толпы. Руководили этими процессами ректор Гарвардского университета Инкрис Мезер и выпускник этого университета, виднейший американский ученый того времени естествоиспытатель, философ и историк Коттон Мезер, много сделавший для распространения в Новой Англии идей Ньютона и Локка.

По завершении процессов он написал трактат, где давал обоснование казней: «Полчища бесов, к ужасу нашему, вселились в город, являющийся центром колонии и в известном смысле первенцем среди наших английских поселений». Сравните это с окончательным выводом испанского инквизитора Алонсо де Салазара, сделанном в 1610 г.: *«ведьм не существует»*. Но в умах интеллигенции всего мира Инквизиция — жестокий оплот мракобесия, а последователи Локка из Гарвардского университета — просвещенные либералы. Вот какова манипулирующая сила тех, кто навязывает свои учебники школам и университетам всех стран (типа учебников Сороса для России).

Предсмертное признание Ли осталось гласом вопиющего в пустыне. Последние работы Ли и его учеников не смогли поколебать господствующую на Западе идеологию. Даже в самой Испании публично поставить под сомнение миф об Инквизиции значит навлечь на себя подозрение в симпатии к франкизму, клерикализму, сталинизму и прочим грехам.



### Слухи

Один из наиболее старых, но до сих пор эффективных методов «серой» пропаганды является целенаправленная разработка и распространение *слухов*. Хорошо сработанный, эстетически привлекательный слух распространяется очень быстро через разветвленный цепной процесс устной передачи — лавинообразно. Пресечь этот процесс очень трудно, поскольку он носит «молекулярный» характер и использует механизмы личного общения, длительное время не показываясь на поверхности. Этого времени бывает достаточно для того, чтобы возникло достаточное число «носителей инфекции» и началась эпидемия.

Слухи — неотъемлемый элемент в структуре *неформальной* коммуникации. Хотя при их передаче от человека к человеку никто не скрывает, что сведения передаются непроверенные и происхождение их туманно, это не мешает слухам оказывать сильное воздействие на сознание. Причина этого в том, что слухи отвечают запросам и эмоциональным потребностям людей. Слухи — это продукт интерпретации событий массовым сознанием, и потому-то они открывают лазейку для манипуляции. Почву для широкого распространения слуха создает значимость темы для данной аудитории и информационная неопределенность. Важным фактором является *уровень тревожности*. По этим причинам процесс распространения слухов является объектом постоянного интенсивного изучения социологами и спецслужбами. По этой причине и технология разработки и запуска слухов хорошо отлажена.

Слухи — характерный способ передачи и распространения информации именно в *толпе*, они являются одной из отличительных особенностей данной общности людей. Они выполняют функцию ориентации толпы как механизм коллективного принятия решений, выработки норм поведения и способа действий. Поэтому в манипуляции людьми, которые приобрели черты *людей толпы*, слухи являются одним из наиболее эффективных инструментов.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы стоим перед выбором. Один из путей, который открыт перед нами — принять новую для нашей культуры технологию господства над людьми через манипуляцию сознанием. Те, кто не хотят такого исхода, могут найти в этой книге некоторые ориентиры. Есть фундаментальные структуры, которые надо защищать, если мы не желаем пристать к берегу манипулятивного общества. Эти структуры еще не сломаны, их сохранение зависит от «молекулярной» поддержки всех нас, от массового пассивного сопротивления.

Речь прежде всего идет о школе университетского типа — так, как ее сформировала наша культура. Это школа, воспроизводящая народ и сложившийся у нас тип культуры. Она не дает следующему поколению превратиться в скопище индивидов, стать *людьми массы*. Она затрудняет и замену нашей культуры на *мозаичную культуру* человека массы. Школу ломают, но сломать ее трудно, она слишком ушла корнями в народ. Однако капля камень точит, и без сознательного сопротивления всех нас школу сломают.

Очень важным бастионом нашей культуры была, конечно, наша наука. К несчастью, ее через «молекулярное» сопротивление не защитить, слишком это нежный цветок, для него нужна поддержка государства. Наука наша спасется, видимо, только в виде семян в замерзшей земле. Пригреет солнце, и они взойдут, но плоды мы увидим не скоро. В ближайшие годы придется нам искать путь почти без науки, действовать грубее, с большими ошибками и потерями. Будем платить за свою безответственность.

Другой общий вывод — всегда и везде, и на людях, и в мыслях, противодействовать *атомизации*, превращению в индивида. Сегодня речь не об идеале соборности или народности, а о сохранении человеческих связей как средства защиты своей личности. При том давлении, которое оказывается на наше сознание, мы можем устоять как личности, только опираясь на душевную поддержку собратьев. Каждый акт сохранения, создания или восстановления человеческой связи — это выгрызание кусочка пространства у манипуляторов. Подадим ли рубль нищему или просто обменяемся с ним взглядом, пошутим ли с торговкой на рынке, уступим ли место в метро или поругаемся с обидевшим нас родственником — все это укрепляет нашу психологическую защиту против манипуляция. Важно, чтобы во всех этих связях был *диалог*. Чтобы это были связи не *человек-вещь*, а *человек-человек*. Тут нет никакой сентиментальности, никакой проповеди доброты, только трезвый и даже циничный расчет.

И в каком-то смысле противоположный совет — всячески избегать потери своего «Я» и соединения в толпу. Опасность *толпотворения* сегодня не в физическом собирании в массу. Толпа образуется как раз когда мы изолированы и соединены через телевизор. Когда между нами нет душевного прямого контакта и нет диалога, а есть гипнотическое действие из одного центра — как на рок-концерте или на стадионе, слушающем фюрера. В эти толпы лучше не ходить. Сказано ведь в Библии: «Не ходите на собрания нечестивых». Казалось бы, почему же не пойти? Мы думаем, что сознание наше крепко, но речи «нечестивых» проникают в подсознание. Где же у нас такие собрания? Там, где вещают манипуляторы, с которыми ты не можешь вступить в диалог. Не страшны дебаты, пусть даже оскорбительные, страшен вкрадчивый голос с экрана или из динамика, которому ты не можешь задать вопрос или возразить.

Наконец, нужно принимать, почти насильно, как лекарство, укрепляющие культурные средства — все то, что несет в себе традиционное знание и символы. Прочитать «Тараса Бульбу» или томик пословиц, послушать знакомые песни и романсы — это сегодня не удовольствие, а лечение. Впрочем,

любая хорошая литература или музыка полезны, все сегодня читается другими глазами.

Это — самые общие мысли, но из книги можно сделать и кое-какие более ограниченные выводы. Первый из них я бы выразил так: принять как догму, что СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях — идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой. Но в качестве «легенды» прикрытия, приманки они дают и нужную нам информацию. Мы без нее не можем, и приходится заглатывать, что дают. Задача — научиться выплевывать максимум отравы, не жевать ее и не держать даже во рту. Для этого надо встать в позицию *интерпретатора*, исходить из принципов герменевтики. То есть изначально не принимать поток сообщений за чистую монету, а каждый раз спрашивать себя: «Что за этим стоит? Зачем нам это сообщают?» Так встает проблема диагностики — отделения зерен от плевел. Пусть веялка наша плоха, разделение очень грубое, много потерь зерна, много остается грязи. Все равно, даже грубый фильтр очень полезен. Удивительно, как много отсеивается просто оттого, что в голове вертится контролирующий вопрос. Достаточно положиться на интуицию, на чувство. Почуешь, что из сообщения «торчат уши» — оно в подсознание не войдет, а уж предупрежденное сознание его проверит.

Какими симптомами и признаками скрытой манипуляции может воспользоваться наше сознание и интуиция? В общем, они представлены в разделах книги. Напомню главные.

**Язык.** Как только политик или диктор начинает говорить на птичьем языке, вворачивая малопонятные словечки вроде ваучера или секвестра — значит, идет манипуляция (возможно, «вторичная», когда и сам говорящий является марионеткой манипуляторов). Если бы говорящий желал, чтобы его сообщение было понято и осмыслено, а не заучено или внушено, то он сделал бы его доходчивым и построил в форме диалога. В нашей жизни, за исключением чисто профессиональных сфер вроде науки и техники, нет проблем, которые нельзя было бы изложить на доступном языке. Непонятные слова имеют или целью подавить слушателя фальшивым ав-

торитетом «эксперта», либо выполняют роль шаманского заклинания и призваны оказать гипнотизирующий эффект. Бывает также, что они — прикрытые самой наглой лжи.

В общем, язык — важнейшее диагностическое средство, недаром и врачи его смотрят.

**Эмоции.** Если политик или диктор начинает давить на чувства, пахнет подвохом. Тут лучше временно «очерстветь» и не поддаваться на его дрожащий голос или блеснувшую на глазах слезу. Политика есть политика, эмоции там — как грим. Что значит «пожалеть больного президента»? Он или президент — или больной. Мы видим, что политики, независимо от состояния их здоровья, бывают абсолютно безжалостны к простому человеку, они действуют, как машина. Слушая сообщения, приукрашенные эмоциями любого типа (хотя бы слезливой жалостью к раненому солдатику), мы и сами должны для начала воспринимать их как счетная машина — независимо от чувств, на которых пытаются играть. Мы должны в уме быстро просчитывать *интересы*, а чувства — это их дешевая приправа. Всегда надо иметь в уме *свои* интересы (свои — значит тебя, твоих потомков, твоего народа), а также попытаться представить себе, каковы интересы говорящего или его хозяина. Особенно надо быть начеку, когда тебя хотят разозлить, уязвить, оскорбить. Это неспроста и не ради собственного удовольствия репортера или телеведущего. Если на это идут, значит, надо на время отключить твой разум и сосредоточить твое внимание на их гримасах. Нельзя поддаваться, надо смотреть бесстрастно и пытаться понять, что они прячут за этой дымовой завесой.

**Сенсационность и срочность.** Это — технология общего действия, обеспечивающая шум и необходимый уровень нервозности, подрывающей психологическую защиту. Однако иногда создание искусственного фона сенсационности служит какой-то конкретной цели, чаще всего для отвлечения внимания. Обычно сенсация не стоит выеденного яйца — то слониха в Таиланде родила, то плачущие англичане цветы принесли на могилу принцессы Дианы, то автобус в Португалии в кювет упал. С чего бы сообщать это захлебывающимся голосом? Тут уж каждый должен выработать чувство меры

— сравнивать важность сообщения с нашими реальными проблемами. Вообще, те политики и информаторы, которые злоупотребляют этими атрибутами сообщений, просто должны мысленно заноситься в список штатных манипуляторов, и к ним всегда надо относиться с недоверием. Ах, нам только что сообщили! Ах, мы вас будем держать в курсе дела! Да что такого вы сообщили? Завтра сами же об этом забудете. Одними «черными ящиками» замучили — трещат о них после каждой катастрофы, а когда их к всеобщей радости найдут — молчок. Зачем тогда о них говорить?

**Повторение.** Повторение — главное средство недобросовестной пропаганды. Потому оно и служит хорошим признаком ее наличия. Если вдруг начинают ежедневно мусолить одну и ту же тему или употреблять одни и те же словесные комбинации — дело нечисто. Повторение действует на подсознание, а его мы контролируем плохо. Следовательно, надо стараться зафиксировать сам факт повторения какого-то штампа в сознании, и тогда будет как бы включена сигнализация. А, опять завели почему-то ту же песенку — значит, держи ухо востро. Например, периодически наши реформаторы поднимают плач по разделению Единой энергетической системы РФ, но никогда не объяснят толком, зачем им это нужно. Тут — заведомая ставка на внушение, поскольку никаких разумных доводов не существует.

**Дробление.** Если политик или помогающее ему СМИ действительно желает объяснить гражданам какую-то проблему и получить их сознательную поддержку в каком-то вопросе, то он всегда изложит эту проблему в *целостном* виде, хотя бы и кратко. Проблему можно уподобить организму — у нее есть *предыстория* («родители»), она возникает и развивается, обретает «семью и потомков» — связанные с нею или порожденные ею проблемы. Когда она будет разрешена («умрет»), начнется новый цикл, жизнь следующего поколения — *будущее*. Политик, который манипулирует нашим сознанием, представляет нам вместо целостной проблемы ее маленький кусочек, да и его дробит на части — так, чтобы мы осмыслить целое и сделать выбор не могли. Мы должны верить ему, как жрецу, который владеет всем знанием.

Взять ту же проблему приватизации земли. Ее старательно представляют как чисто экономическую проблему — это как поставить ларек на рынке или убрать его. Уже такое усечение вопроса — надежный признак манипуляции, других бы и не надо. Всякий политик, который вначале не предупреждает, что собственность на землю предопределяет тип бытия народа (а значит, и тип самого народа и его культуры), должен сразу рассматриваться как манипулятор. Другое дело — предупредил, а потом скажи: но я, мол, сейчас затрону только маленький кусочек проблемы, экономический. Но и экономический раздел очень велик, и его сначала надо очертить весь, а потом переходить к купле-продаже. Никакой вопрос нельзя принимать как искренне поставленный, если не дана его предыстория. Почему в России никогда не было частной собственности на землю? Почему крестьяне требовали национализации? Какие силы конкретно столкнулись в этом вопросе сегодня?

**Изъятие из контекста.** Это признак, родственный предыдущему. Изымая проблему из реального контекста, не говоря о важных внешних факторах, манипулятор загоняет нашу мысль, нашу работу по толкованию его сообщения в нужный ему узкий коридор. Поэтому как только возникают подозрения, что политик или его пропагандист умалчивает о внешнем обрамлении проблемы, внутренний голос должен нас предупредить — манипуляция! Возьмем ту же проблему купли-продажи земли. На недавней международной конференции криминалистов, посвященной наркобизнесу и отмыванию денег, в главном докладе в особом разделе сказано, что лучший способ отмывания денег — покупка земли. Далее сказано прямо, что мировой наркобизнес ждет закона о свободной продаже земли в России — единственной большой стране, где сельское хозяйство разорено, государство коррумпировано и земля пойдет по дешевке. Можно ли игнорировать этот «внешний фактор» и даже не упоминать о нем? Только в том случае, если политик или СМИ, поднимающие вопрос о продаже земли, участвуют в большой программе манипуляции.

**Тоталитаризм источника сообщений.** Поскольку возможно более полное устранение несогласных источников информа-

ции и мнений — важнейшее условие успеха манипуляции, отсутствие реального диалога есть верный признак манипулятивного характера сообщений. Зная это, манипуляторы стараются купить или вырастить в собственном коллективе подсадных уток, который якобы «спорят» с манипулятором. Но если проблемы слишком жгучие, то манипуляторы предпочитают не дать зародиться самой мысли, что возможен диалог и сравнение точек зрения. Поэтому лучше уж обойтись без подсадных уток — надежным приемом полного затыкания рта оппоненту. Так что когда «независимое» телевидение сообщает какую-то важную установку и при этом не дает слова или хотя бы полслова серьезному противнику этой установки — оно пытается манипулировать сознанием. Сейчас тоталитаризм источника информации есть верный признак манипуляции. Иногда этот тоталитаризм нарушается в связи с частными и тщательно контролируруемыми противоречиями между отдельными кликами, но при этом главные проблемы нашей жизни все равно не поднимаются — за этим строго следят. Да и в мелочах отсутствие стороннего комментария, который не составляет никакого труда получить, есть признак манипуляции.

**Тоталитаризм решения.** Еще более наглядным и связанным с предыдущим признаком является тоталитаризм самой формулы решения, которое внушается аудитории. *Иного не дано! Коней на переправе не меняют! Альтернативы перестройке нет!* Когда слышатся такие речи, можно в уме спокойно ставить галочку: «Манипулятор». Сама суть жизненного процесса в том, что мы идем по извилистому пути, и на каждом шагу — перекресток, разветвление пути. И мы делаем *выбор*, каждый раз его обдумывая. Часто эта работа по принятию решения делается так быстро, что мы ее не замечаем, но она делается. Когда выбор сложный и при нем возникает противоречие интересов, альтернативы должны быть явно обозначены. Когда же нам говорят, что выбора нет, что «реформе» нет альтернативы, то это манипуляция, доведенная до уровня гротеска. Беда в том, что соучастниками в ней стали слишком многие, так что на общественное мнение оказывает давление большая армия «вторичных манипуляторов».



**Смешение информации и мнения.** Это — настолько грубый прием манипуляции, что в европейских законах против него введены даже ограничительные нормы. Человек, который приготовился узнать факты, с трудом может защититься от внушаемого ему вместе с фактами *мнения* об этих фактах. Тебе говорят, что в метро Токио кто-то разбрызгал отравляющее вещество зарин — и тут же подпускают мнение, что это сделали сектанты. А назавтра уже говорят: «сектанты, которые разбрызгали отравляющее вещество зарин...» Натренировать сознание так, чтобы в любом сообщении автоматически разделять информацию и мнение, не очень сложно. Когда *поток мнения* идет слишком густо, разум должен подавать сигнал: внимание, манипуляция!

**Прикрытие авторитетом.** Когда как довод в поддержку какого-то чисто идеологического или политического утверждения привлекается авторитет и уважение, завоеванные в совершенно иной, не связанной с этим утверждением сфере, то это — типичная манипуляция\*. Разве французский киноактер Депардье со своим симпатичным толстым носом может иметь для нас какой-нибудь авторитет при выборах президента? С точки зрения здравого смысла — нет. Он, приезжая в Москву агитировать за Ельцина, эксплуатирует наши чувства и под-сознание. Когда А.Д. Сахаров, который всю жизнь в закрытом институте изучал слабые взаимодействия в ядре атома, внушает нам мысль, что СССР должен разделиться на 150 государств, и при этом напоминает, что он — академик, то это грубый прием манипуляции. Никакого авторитета в вопросе государственного устройства ни его запас знаний, ни его жизненный опыт ему не дают. Использование им авторитета ученого — подлог. Да, Ростропович хорошо играет на виолончели, так мало кто умеет. Но когда он берет в руки автомат, чтобы защитить демократию или пасть жертвой советс-

---

\* Тут, впрочем, опять надо вспомнить гл. 3. В идеократическом государстве похожие акции имеют ритуальный, а не манипулятивный смысл. Артисты, писатели и ученые *одобряют* политику государства как представители своих цехов, корпораций, а вовсе не как участники дебатов по вопросу, который отражает общественное противоречие.

кой военщины и, усталый, засыпает в кресле, «не выпуская из рук оружия», то это — спектакль, который должен нас растрогать.

**Активизация стереотипов.** Всегда должно вызывать подозрение, если взывающий к нам политик или деятель СМИ настойчиво обращается к нашим стереотипам, будит наше чувство какой-то общности, подчеркивая наше отличие от «них» — *других*. Стремление отправителя сообщений «*стереотипизировать наше поведение*», то есть добиться, чтобы мы воспринимали информацию и отвечали на нее в соответствии с нормами поведения определенной общности — верный признак манипуляции.

Когда соучастница Гайдара Эллы Памфилова вдруг начинает пускать слезу по поводу тяжелой судьбы «наших отцов», это — дешевая эксплуатация нашего стереотипа *сыновей*. Когда подручные Гусинского на НТВ, пособляющие клану, «отделяющему Чечню», вдруг начинают душевно сострадать «нашим мальчикам» в Чечне, это должно сразу насторожить разумного человека. Всегда, услышав в обращении явную или скрытую апелляцию к каким-то укорененным в нас чувствам или установкам, полезно быстро пробежать в уме ипостаси своего «я» и прикинуть, на какую из них давит обращающийся ко мне идеолог. Тогда легче будет понять, на какую автоматическую реакцию он рассчитывает и к чему незаметно клонит. Как только мы пытаемся это *осознать*, исчезает автоматизм и начинается процесс рассуждения. Толчок к нему — обнаружение признака манипуляции.

**Некогерентность высказываний.** Это — важнейший признак, и он довольно легко выявляется даже интуитивно. Стоит только чуть-чуть быть настороже, как начинаешь ощущать: что-то тут не так. Концы с концами не вяжутся! Если в одной фразе проклинают советский строй за то, что пересохло озеро Арал, а в следующей его же проклинают за то, что пытался перебросить часть воды из сибирских рек в озеро Арал, то эти рассуждения некогерентны и нас просто дурят. Очень часто некогерентность есть следствие предварительной манипуляции, жертвой которой и стал данный оратор, но это не так уж важно — «вторичные» манипуляторы столь же

вредны, хотя вина их идет по другой статье. Польза «вторичных», однако, в том, что у них некогерентность бывает более выпуклой, более вопиющей, потому что они сами ее уже не замечают.

Особым случаем надо считать одновременную подачу СМИ противоречащих друг другу сообщений. Это — признанная, нескрываемая нестыковка, которая должна просто сбить с толку людей, растрепать их мысли, из ничего создать отвлекающую проблему.

Кстати, выявлять нестыковки в утверждениях политиков и СМИ — хороший и увлекательный интеллектуальный спорт. Уж если приходится смотреть телевизор и читать газеты, стоит им заниматься. Очень быстро глаз натренируется, и становится даже смешно смотреть, как пыжится манипулятор связать концы с концами в очередной идеологической утке. Упражнения на выявление некогерентности укрепляют системность мышления и охраняют ту *университетскую* культуру, которую дала нам школа. Это — важный способ противостоять накату *мозаичной* культуры.

\* \* \*

Перейдем ко второй стороне нашей проблемы — правилам поведения, которые должны снизить нашу уязвимость к воздействию манипуляторов.

**Первое правило** — прочувствовать и осознать, что мы живем в ином обществе, нежели раньше. Мы попали в джунгли, где за нами (за нашим сознанием) *идет охота*. Тяжело это и непривычно, но вести себя надо в соответствии с реальностью, а не нашими пожеланиями и старыми привычками. Перед нами не ежик в тумане, не заяц и даже не добрый волк из «Ну, погоди!», а черепашки-ниндзя. И мы для них — ничто, *общность, которую нет смысла эксплуатировать*. Если эти черепашки окончательно овладеют ключами к нашему сознанию, они превратят нас не в слуг, не в пролетариев, не в рабов, а подведут к пропасти — и мы сами в нее прыгнем.

Что бы нам ни говорили исходя из самых умных теорий и ссылаясь на самых умных экономистов, мы должны опи-

раться, как на скалу, на один безусловный и абсолютно надежный факт: здесь, на этой холодной земле, с этим же самым «негодным, пьющим, ленивым и т.д.» народом, без всяких кредитов МВФ мы имели страну с второй по силе экономикой и несокрушимой обороной. То плачевное состояние, в котором мы сегодня находимся, вызвано не стихийными бедствиями, не вторжением злых инопланетян, а действиями вполне конкретных людей и групп. В нашей беде нет ничего сверхъестественного или природного — только человеческое.

Произвести изменения, в результате которых большинство народа лишено почти всех средств к жизни, и изъятыми у большинства богатствами завладело очень небольшое меньшинство (причем завладело, разрушив при этом хозяйство), можно было только благодаря ошибочному выбору и ошибочным решениям большинства. Эти ошибки были им совершены в результате большой программы манипуляции общественным сознанием с множеством прямых подлогов и обманов. Ни в какой правовой системе эта манипуляция не может быть узаконена и оправдана. О морали и говорить нечего. Проблема теперь — только в целесообразности той или иной линии поведения. Поэтому лучше остановить интервенцию в наше сознание. Какие для этого приемы может использовать каждый в отдельности и те организации, в которых люди собираются для спасения? Перечислим кратко то, что прямо или косвенно было обсуждено в книге.

**Сокращение контактов.** Надо поменьше бывать в зоне контакта с манипулятором или потенциальным манипулятором. Мы не можем совсем «не ходить на собрания нечестивых», но надо хотя бы ходить поменьше. В действительности разнообразия информации на разных каналах телевидения нет никакого — так незачем и переключать телевизор с одной программы на другую в надежде получить какую-то иную крупицу знания. Эта крупица того не стоит. Нужная информация так или иначе до нас дойдет. Лучше избегать и соблазна побыть в «театре скандалов», который разыгрывают перед нами манипуляторы. Трудно бороться с соблазнами, но надо стараться. Не следует уповать на свою устойчивость —

сигналы телевидения действуют в нужном ему направлении независимо от того, как мы к ним относимся в нашем сознании. Хорошо было Одиссею слушать сирен — он приказал товарищам привязать его к мачте. А им-то надо было грести и управлять парусом. Если бы он не залил им уши воском — так бы все и пропали.

**Уход от захвата.** Важный этап в манипуляции — захват аудитории, ее «присоединение». Как сказано в одном учебнике, «успех манипуляции невозможен без создания союзника в душевном мире адресата». Пока захват не произошел, ему можно успешно сопротивляться — тогда и последующие усилия манипулятора пропадают даром, а вы даже можете на них наблюдать отстраненно и с пользой для себя. Эффективен такой простой прием, как прерывание контакта, уход на время. Всякая операция захвата имеет свой сценарий, свой ритм. Если во время сеанса гипноза «жертва» вдруг скажет: «Я тут отлучусь ненадолго, а вы пока продолжайте», — все усилия гипнозизера пойдут насмарку. Если вдруг телевидение или митинговые политики устраивают большой накат и давят на психику, полезно на время «выйти» из этой обстановки, успокоиться, подумать — а потом «вернуться». Очарование спадает, и дальнейшие стадии манипуляции кажутся даже странными — потому что вы оказались «неприсоединенными».

Если есть возможность, то полезно прервать словоизлияния манипулятора вопросами, которые резко нарушают его сценарий. Вопросами типа «скажите прямо, куда вы клоните?» Этот вопрос заставляет манипулятора переходить к сути дела, не завершив «присоединение» аудитории и, следовательно, не лишив ее способности критически воспринимать сообщения. Или же манипулятору придется игнорировать вопрос, что может вызвать недовольство и укрепит психологическую защиту. Даже ловкого манипулятора сбивает с толку человек, который выглядит непонятливым и все переспрашивает. В общем, любой способ нарушить программу манипуляции полезен, чтобы ее затруднить и снять наваждение.

**Изменение темпа.** В программе манипуляции очень важен темп. Манипулятор достигает успеха, когда он опережа-

ет процесс мобилизации психологических защит аудитории. Поэтому такое большое значение придается сенсационности и срочности. Кавалерийская атака на слушателя и зрителя! С этого ритма надо стараться манипулятора сбить, нельзя позволить ему навязать его темп нашему сознанию — они не должны войти в резонанс. Этот прием отражен в народной мудрости: «Утро вечера мудренее!» Это значит, что полезно прервать контакт, дать сырым мыслям, чувствам и впечатлениям «отлежаться» — а потом начать на свежую голову. Надо навязывать ходу манипуляции рваный и вязкий ритм, сходу отвергать нагнетаемую обстановку срочности. На самом деле срочность эта всегда бывает ложной, искусственно созданной. Нельзя этому давлению поддаваться, нельзя сходу принимать оценки, которые нам навязывают. Известное «тугодумие» крестьян в большой мере объясняет их замечательную устойчивость против манипуляции.

**Отсеивание шума.** Манипуляция успешна в условиях «демократии шума», когда человека бомбардируют потоком ничемных сообщений, и он не может сосредоточиться на той проблеме, по которой он должен выработать точку зрения. Не может сосредоточиться — вынужден хвататься за подступную ему трактовку. Устойчивость против манипуляции снижается, если одновременно с сообщением, которое внушает какую-то идею, на сознание человека воздействуют «помехой». Отсюда вывод: получив сообщение, в котором может быть скрыта идеологическая «контрабанда», надо отфильтровать шумы, которые служат помехами при обдумывании именно этого сообщения. Лучше на время вообще вырваться из потока сообщений, чтобы обдумать одно из них. Потеря невелика, этот поток не иссякнет, и ничего действительно важного нас не минует.

**Непредсказуемость.** Легче все манипулировать сознанием человека, мышление которого отвечает четкому и строгому алгоритму. Если же оно петляет, следует необычной логике и приводит к парадоксальным выводам, подобрать к нему ключ трудно. Манипуляторы Запада с большим трудом находили подход к дикарям, китайцам, африканцам. Негры уже два столетия живут в США, но до сих пор «одомашне-

ны» в малой степени. В общем, эффективным способом ухода от захвата и воздействия манипулятора является создание искусственной непредсказуемости твоей реакции (источников информации, способа ее переработки, логики умозаключений, темпа взаимодействия, типа высказываний и т. д.). Как сказал К. Кастанеда, «когда ты непредсказуем, ты неуязвим».

Конечно, это непростое дело, но кое-какие приемы можно выработать. Например, можно постараться сознательно задерживать или вообще блокировать *автоматические реакции* — не позволять играть на своих стереотипах. Ах, ты меня хочешь разжалобить песенкой «мы, русские люди...»? При чем здесь русские? Я вот работаю, а зарплату мне не заплатили — это как? Какая разница, русский я или чуваш? Выход из коридора навязываемых тебе стереотипных реакций, «смена поля» нарушает программу манипуляции. По реакции автора сообщений (хотя бы проигранной в мыслях) будет видно, может ли он закончить свою мысль как разумную — или выстраивает манипулятивную конструкцию. Честного политика и собеседника этим не собьешь, ибо его мысль когерентна, у него образ русского не войдет в противоречие с образом *работника*.

**Отключение эмоций.** Большинство стереотипов, которые используют манипуляторы, сильно окрашены эмоционально. Раскачать чувства — для манипулятора половина успеха. Поэтому общим правилом можно считать такое: увидев, что идеологи почему-то давят на какое-то твое чувство, следует на время сознательно притупить это чувство. Воспринять сообщения бесстрастно, как автомат, а потом на холодную голову обдумать их наедине с собой, без подсказки. Это может показаться цинизмом, но полезно поставленную проблему сначала «проиграть» вообще вне морального контекста — как военные планируют свои бомбардировки. «Проиграть», а потом уже включать моральные ограничения и предпочтения. Очень часто на чувствах играют для того, чтобы переключить эмоции, канализировать их на абстрактного или специально подsunутого козла отпущения, увести внимание от главного действующего лица. Иной такой козел даже рад своей

роли, такой уж у него темперамент. Да и оплачивают, наверное, неплохо.

Полезный прием проверки адекватности чувства, которое в тебе разбередили пропагандисты, заключается в том, что ты подставляешь вместо «врага» или «спасителя» какую-нибудь другую фигуру, не такую одиозную или привлекательную. Сохраняется это чувство? Если нет, значит с проблемой оно не связано, а внушено с целью манипуляции.

**Диалогичность мышления.** Манипуляторы стараются превратить нас в *потребителей идей*, во внимающее ухо и расширенный зрачок. Нас лишили всякого открытого диалога, ибо он снимает наваждение. Диалог разрушает манипуляцию. У нас пока что один выход — перенести диалог на «молекулярный» уровень, даже вести его как мысленный диалог. Но не принимать ни одного утверждения без вопросов. Надо делать усилия, чтобы найти зацепку для вопроса даже в самом «круглом» утверждении, и помнить, что свойство нашего ума — уходить от трудных вопросов, «заметать их под ковер». Поэтому во многих ответственных профессиях введено что-то вроде обязательного перечня вопросов, которые при выполнении сложной операции надо вслух задать — и вслух ответить, как это бывает у пилотов самолета\*. Если мы научимся «говорить сами с собой», то наше мышление наверняка выйдет из колеи, предусмотренной манипуляторами, оно станет непредсказуемым. Может быть, мы станем похожи на сумасшедших, но сумасшедшими манипулировать невозможно, их умозаключения парадоксальны с точки зрения заданного алгоритма.

**Создание контекстов.** Поскольку один из главных приемов манипуляции — втиснуть проблему в искусственно построенный контекст (часто это ложный контекст), то и защитным средством будет неприятие предложенной постановки вопроса, замена навязываемого контекста иными, выстроенными независимо от потенциального манипулятора. Вот, нам

---

\* Приходилось слышать, что у опытных пилотов бывали аварии оттого, что они становились самоуверенными и пренебрегали этим правилом — и забывали совершить какое-то необходимое действие при посадке.



говорят: «В СССР отсутствовала категория прав человека, а на Западе присутствовала». Не будем спорить насчет категории, а спросим хотя бы себя: «Ну и что, что отсутствовала? В одинаковом ли контексте находились СССР и Запад?» Само собой, начинается в воображение процесс построения контекстов, и довольно быстро идеологема прав человека начинает выглядеть неадекватной реальности. Ведь сами говорят: *казарменный социализм*. Какие же могут быть в казарме «права человека»? В ней «права и обязанности бойца».

Почему же казарменный? Нам нравилось жить в казарме? Да нет, жизнь загнала, холодная война с несравнимым по ресурсам противником. На деле-то мы жили даже не в казарменном, а в окопном социализме. Может быть, во время войны все равно было бы лучше жить не в окопе или казарме, а на даче? Нет, не лучше. Безопаснее в окопе или хоть недалеко от окопа, в казарме. Вот сейчас мы живем на даче, питаемся с наших шести соток. Миллион лишних смертей в год имеем, и с правами человека выходит похуже, чем в окопе.

То же утверждение можно поставить в иной, исторический контекст. Да, Запад говорит о правах человека, а мы не говорили. Ну и что? Когда Запад о них заговорил? При сенаторе Маккарти? При Муссолини и Гитлере? При Лютере и Кальвине? При Миттеране, залившим кровью Алжир? Нет, заговорил буквально вчера, при президенте Картере. Ну, так у нас еще было время, у каждой цивилизации свой исторический возраст. Мы помоложе Запада, не надо торопиться, подрастем еще. Поспешись — людей насмешись.

**Создание альтернатив.** Манипулятор, пресекая диалог, представляет выгодное ему решение как не имеющее альтернативы — иначе начинаются размышления, рассуждения. В общем, пиши пропало. Такое условие надо сразу отметить. Как это иного не дано? Быть такого не может! Стоит только разрешить самому себе прикинуть в уме разные варианты решения, как вся постройка манипуляции рушится — и сразу видны корыстные намерения. Вот, выполняя программу разрушения «империи зла», раздули проблему депортации целых народов — крымских татар, чеченцев. Переселить целый

народ, какой ужас! Преступление века! Даешь «Закон о репрессированных народах»!

На весь этот крик разумный человек должен был бы спросить: «Господа хорошие, а как надо было поступить в 1944 году с крымскими татарами, воевавшими на стороне немцев?» Пусть бы Сахаров прямо ответил: «Расстрелять все 20 тысяч служивших у немцев мужчин-татар по закону военного времени». Ответили бы так? Нет, просто свернули бы всю кампанию манипуляции. Потому что даже в самом воспаленном уме промелькнула бы мысль, что для крымских татар как народа лишиться практически всех молодых мужчин означало бы исчезновение с лица земли.

Так же можно предложить тем, кто ратует за продажу земли: «Зачем так кипятиться? Во всех странах фермеры арендуют землю. Давайте просчитаем такой вариант — при нынешних компьютерах это плевое дело. Аппетиты наших деревенских стариков-землевладельцев можно ограничить законом, пусть берут за аренду 10% урожая, заодно и подкормятся». Подсчитают — прослезятся. Но зато всем будет видно, что не о фермерах болит душа у энтузиастов продажи земли.

Просто назвав вполне реальные альтернативы, можно пресечь манипуляцию. Если нельзя назвать их вслух, то надо представить их в уме — тогда хотя бы ты лично защитишь себя от манипулятора.

**Включение здравого смысла.** Это вещь для образованного человека непростая, но при некотором усилии доступная. Когда слышишь страстные речи, то лучше пропустить мимо ушей красивые фразы и ухватить только главный довод. Потом допустить, что он верен, и подумать, соответствует ли здравому смыслу то решение проблемы, которое предлагает пламенный оратор. «А как бы сделал я?» — вот первый вопрос.

Как ни странно, чаще всего оказывается, что сам бы ты так не сделал. Вспомним хотя бы «военный переворот» августа 1991 г. Объявился ГКЧП, пускает по всем каналам телевидения «Лебединое озеро». С другой стороны, Ельцин с Поповым призывают народ на баррикады. Арестовали наше-

го президента Горбачева! Давайте все умрем за него на баррикадах — или свергнем проклятую диктатуру (чью?). А почему сразу баррикады? Что бы сделал я? Сначала бы позвонил в Форос и узнал, в чем дело, почему такая буза? Форос не отвечает? Телефон занят? Есть много других способов связаться. А уж потом — баррикады. На деле уже во второй половине дня 19 августа, без всякой дополнительной информации многим людям стало ясно, что весь этот переворот — спектакль. Но этих «многих» все же было ничтожное меньшинство. А большинству внушили самые нелепые толкования происходящего. И до сих пор многие верят, что жена Пуго застрелилась из-за того, что Янаеву не дали стать президентом СССР.

**Поиск корня проблемы.** Манипуляция во многом сводится к тому, что людям предлагают такую трактовку проблемы (противоречия), которая уводит от сути. Люди шумят, волнуются, может быть даже пришибут какого-нибудь стрелочника, но вреда заказчику манипуляции не принесут. Лучше всего, конечно, чтобы ложную трактовку дали «представители» самой страдающей стороны в противоречии, например, в случае социального противоречия, профсоюзы). Профсоюзные боссы сегодня так трактуют наши социальные беды: «*Рыночным ценам — рыночную зарплату!*» А что рыночная зарплата при отсутствии спроса на рабочую силу может быть равна нулю, об этом они «забывают». Но если профсоюзных боссов нанять дорого, то манипуляторы обходятся просто скромными тружениками телевидения.

Еще Достоевский говорил, что надо доходить до *последних* вопросов. Это значит, надо сразу отвергать предложенную трактовку и начинать ставить вопросы самому, шаг за шагом углубляясь. Тогда быстро приходишь к той сути, от которой как раз тебя отводят пламенные защитники народа — как отводит летчик ракету от самолета, выпуская тепловую ловушку. Она ракете кажется горячее, чем двигатель самолета, и ракета устремляется за нею.

В книге в виде учебных задач приведен ряд примеров того, как при переходе на чуть-чуть более глубокие уровни трактовки проблемы она предстает в совсем ином свете. При

желании можно набрать множество таких примеров. Вспомним хотя бы, как нам много лет представляли чуть ли не как главную социальную проблему *невывлату зарплаты*. И все так в это уверовали, что когда после года задержек людям вдруг выплачивали часть, все были счастливы и шли голосовать за добрую власть. Это все равно как по совету раввина ввести в дом козла. Потом, когда он разрешит тебе козла выгнать — какое счастье! Добившись «выплаты» люди уже забывают спросить о главном: почему же так абсурдно низка покупательная способность моей зарплаты? Даже если принять, что производство упало вдвое — почему моя реальная зарплата уменьшилась в пять-шесть раз? Почему чиновник, который всегда и везде получал зарплату примерно в два раза выше, чем такой работник как я, вдруг стал получать в триста раз больше?

**Включение памяти, проекция в будущее.** Память и предвидение — основа психологической защиты против манипуляции, потому-то они и является одним из главных объектов разрушительных действий. Манипуляторы применяют целый ряд технологий, чтобы вытравить у нас чувство исторического времени, они помещают нас в «*вечное настоящее*», они навязывают нам особое, замкнутое время спектакля. Вырваться из лап манипулятора — значит вырваться из этого заколдованного временного круга.

Каждый раз надо делать *усилие* и восстанавливать память о той проблеме, которую ставят перед тобой манипуляторы. Если нет сил и времени, чтобы что-то прочесть, навести справки, спросить знающих людей, то лучше уж не верить предлагаемому тебе мифу, а попытаться связать те факты, которые ты наверняка знаешь. Поразительно, например, как сумели идеологи перестройки на голом месте создать «миф Столыпина» — так, что он стал кумиром либеральной интеллигенции (одно время 40% опрошенных интеллектуалов считали его самым великим деятелем России — ставили выше Петра I). Достаточно широко известно, что приватизация земли по Столыпину провалилась, что она привела Россию к революции, что столыпинские переселенцы в Сибири как раз и составляли основу партизанских отрядов, изгнавших Кол-

чака и т.д. Нет, ради вспыхнувшей вдруг любви к столыпинской реформе наша интеллигенция отказалась от Льва Толстого и от А.В. Чаянова.

Пожалуй, внедрение в умы «мифа Столыпина» можно считать блестящей операцией, настолько мало для него было оснований. Ведь очевидно даже без дополнительного чтения, что заметного слоя «фермеров», которые бы стали опорой буржуазно-помещичьего строя, как предполагалось в плане реформы Столыпина, создать не удалось. Россия осталась крестьянской и даже *более крестьянской*, нежели была до реформы, реформа только озлобила общину и возбудила в ней ненависть к мироедам (то есть *поедателям* общины). Чему же тут радоваться и что прославлять?

Вырываясь из «вечного настоящего», из навязанного нам спектакля, мы должны опереться на здравый смысл языка. *Что посеешь, то и пожнешь. Это пока цветочки — ягодки будут впереди.* Язык напоминает нам о связи времен — а телевидение нашептывает, что будущего нет. Что у нас одна великая забота — даст ли МВФ транш в марте или не даст. Ах, все-таки даст! Ах, не даст! А так все хорошо — ВВП Российской Федерации вырос на 4%. А сколько мальчиков родилось в 2001 году? А сколько мальчиков придет в армию в 2010 году? А что будет в 2015 г.?

**Смена языка.** Наконец, один из главных принципов защиты от манипуляции — отказ от языка, на котором потенциальный манипулятор излагает проблему. Не принимать его язык, его терминологию, его понятия! Пересказать то же самое, но другими словами, избегая всяких идеологических категорий. Пересказать пусть грубо и коряво, но в *абсолютных* понятиях, которые можно перевести в совершенно земные, осязаемые образы — хлеб, тепло, рождение и смерть. Если все десять лет реформы идет вымирание населения, если в русских областях почти прекратилась рождаемость, если крестьяне вынуждены были вырезать более половины крупного рогатого скота и почти всех овец, то называть это «путь к нормальной экономике» не позволяет здравый смысл.

Так и не надо мыслить в таких категориях. Надо говорить именно об изменениях в их осязаемой натурной форме.

Говорят, у нас был «казарменный социализм», и, дескать, поэтому его надо было разрушить. Это странно слышать для рассудительного человека. При чем здесь социализм? Какая разница, как назвать? Назови хоть горшком. Ведь факт, что у нас было определенное *жизнеустройство*, и мы можем весьма точно описать его в абсолютных понятиях — чем питались люди, как одевались и обогревались, чем болели и чего боялись. В совокупности это и было *строем жизни*. В нем были недостатки, были и достоинства, чему отдать предпочтение — дело вкуса. Мы — рабы слов. Так не надо, чтобы словами еще и командовал берущий нас за глотку манипулятор.

Но главный совет — *думать*. И думать усиленно, трудно, как землекоп копает тяжелую глину.

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	3
----------------	---

### I.

#### СУЩНОСТЬ И ДОКТРИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

<i>Глава 1.</i> <b>О чем идет речь</b> .....	6
<i>Глава 2.</i> <b>Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием</b> .....	17
<i>Глава 3.</i> <b>Основные доктрины манипуляции сознанием</b> .....	22
Учение о гегемонии Антонио Грамши .....	24
Психологическая доктрина .....	28
Социодинамика культуры .....	36

### II.

#### ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ

<i>Глава 1.</i> <b>Оснащение ума: язык слов</b> .....	40
Магическая сила слов .....	40
Манипулятивная семантика .....	45
<i>Глава 2.</i> <b>Иные знаковые системы</b> .....	51
Язык чисел. Мера .....	51
Язык образов .....	58
Мир звуков и запахов .....	65

### III.

#### ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ: ДУХОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Глава 1.</i> <b>Мышление: его типы и оснащение</b> .....	70
Логическое мышление .....	70
Некогерентность умозаключений .....	78
Аутистическое сознание .....	79
Ассоциативное мышление. Метафоры .....	84
Стереотипы .....	87
<i>Глава 2.</i> <b>Чувства</b> .....	95
Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции .....	95
Чувство юмора. Смех .....	98
Страх .....	101

<i>Глава 3.</i>	<b>Манипуляция и воздействие на память</b> .....	106
	Запоминание, узнавание и внушение .....	106
	Историческая память .....	109
	Краткосрочная память и манипуляция в политике .....	111
<i>Глава 4.</i>	<b>Общество спектакля</b> .....	114
	Воображение и поведение .....	114
	Манипуляция вниманием .....	120
	Политический спектакль и манипуляция сознанием .....	122
<i>Глава 5.</i>	<b>Телевидение</b> .....	126
	Телевидение как технология разрушения сознания .....	127
	Телевидение и создание реальности .....	131
	Телевидение и манипуляция сознанием в политике .....	137
<i>Глава 6.</i>	<b>Манипуляция понятиями и категориями</b> .....	141
	Учебный пример: свобода .....	141
	Мифы – большие проекты манипуляции .....	145
	Слухи .....	153
	<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b> .....	154

**Сергей Кара-Мурза**  
**МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ**

Руководитель проекта *П.Я. Добрынин*  
Составитель *В.В. Тяботин*  
Координатор проекта *Н.А. Александров*  
Главный редактор *А.Ф. Косенков*  
Верстка *О.Н. Санбельгина*  
Корректор *В.И. Ярко*

---

Сдано в набор 15.05.2007. Подписано в печать 27.06.2007.  
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Тираж 3000 экз.

---

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»  
Тел./факс (383) 221-96-28. E-mail: id-ins@cn.ru

Отпечатано в ГУП СИПКП «Наука»  
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25